

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

RSUH/RGGU BULLETIN
№ 11 (154)

Academic Journal

Series:
Political Science. History. International Relations.
Area Studies. Oriental Studies

Moscow
2015

ВЕСТНИК РГГУ
№ 11 (154)

Научный журнал

Серия
«Политология. История. Международные отношения.
Зарубежное регионоведение. Востоковедение»

Москва
2015

Редакционный совет серий «Вестника РГГУ»

Е.И. Пивовар, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (председатель)

Н.И. Архипова, д-р экон. н., проф. (РГГУ), А.Б. Безбородов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Х. Варгас (Ун-т Кали, Колумбия), А.Д. Воскресенский, д-р полит. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), Е. Вятр (Варшавский ун-т, Польша), Дж. Дебарделлебен (Карлтонский ун-т, Канада), В.А. Дыбо, акад. РАН, д-р филол. н. (РГГУ), В.И. Заботкина, д-р филол. н., проф. (РГГУ), В.В. Иванов, акад. РАН, д-р филол. н., проф. (РГГУ; Калифорнийский ун-т Лос-Анджелеса, США), Э. Камия (Ун-т Тачибана г. Киото, Япония), Ш. Карнер (Ин-т по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Австрия), С.М. Каштанов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), В. Кейдан (Ун-т Карло Бо, Италия), Ш. Кечкемети (Национальная Школа Хартий, Сорбонна, Франция), И. Клюканов (Восточно-Вашингтонский ун-т, США), В.П. Козлов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (ВНИИДАД), М. Коул (Калифорнийский ун-т Сан-Диего, США), Е.Е. Кравцова, д-р психол. н., проф. (РГГУ), М. Крэмер (Гарвардский ун-т, США), А.П. Логунов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Д. Ломар (Ун-т Кельна, Германия), Б. Луайер (Ин-т геополитики, Париж-VIII, Франция), С. Масамичи (Ун-т Чуо, Япония), В.И. Молчанов, д-р филос. н., проф. (РГГУ), В.Н. Незамайкин, д-р экон. н., проф. (Финансовый ун-т при Правительстве РФ), П. Новак (Ун-т Белостока, Польша), Ю.С. Пивоваров, акад. РАН, д-р полит. н., проф. (ИНИОН РАН), Е. ван Поведская (Ун-т Сантьяго-де-Компостела, Испания), С. Рапич (Ун-т Вуппергала, Германия), М. Сасаки (Ун-т Чуо, Япония), И.С. Смирнов, канд. филол. н. (РГГУ), В.А. Тишков, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИЭА РАН), Ж.Т. Тощенко, чл.-кор. РАН, д-р филос. н., проф. (РГГУ), Д. Фоглесонг (Ун-т Ратгерс, США), И. Фолгыс (Политехнический ин-т г. Ополе, Польша), Т.И. Хорхордина, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.О. Чубарьян, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), Т.А. Шаκληнна, д-р полит. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), П.П. Шкаренков, д-р ист. н., проф. (РГГУ)

Серия «Политология. История. Международные отношения.
Зарубежное регионоведение. Востоковедение»

Редакционная коллегия серии

А.П. Логунов, гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.В. Гущин, зам. гл. ред., канд. ист. н., доц. (РГГУ), С.В. Клягин, зам. гл. ред., д-р филос. н., проф. (РГГУ), Е.С. Мелкумян, зам. гл. ред., д-р полит. н., проф. (РГГУ), О.В. Павленко, зам. гл. ред., канд. ист. н., доц. (РГГУ), Е.А. Архипова, отв. секретарь, канд. ист. н. (РГГУ), И.Б. Антонова, канд. пед. н., доц. (РГГУ), Н.А. Борисов, канд. полит. н., доц. (РГГУ), А.Д. Воскресенский, д-р полит. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), М.А. Гордеева, канд. ист. н., доц. (РГГУ), М.Н. Грачев, д-р полит. н., проф. (РГГУ), С.В. Гришачев, канд. ист. н., доц. (РГГУ), В.И. Журавлева, д-р ист. н., доц. (РГГУ), Ш. Карнер (Ин-т по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Австрия), И. Клюканов (Восточно-Вашингтонский ун-т, США), М. Крэмер (Гарвардский ун-т, США), Б. Луайер (Ин-т геополитики, Париж-VIII, Франция), Е.Ю. Сергеев, д-р ист. н., проф. (РГГУ; ИВИ РАН), Д. Фоглесонг (Ун-т Ратгерс, США), Т.А. Шаκληнна, д-р полит. н., проф. (МГИМО (У) МИД России)

Ответственный за вытук: С.В. Клягин, д-р филос. н., проф. (РГГУ)

СОДЕРЖАНИЕ

Общественно-политические процессы и социальные коммуникации: теория и методология

<i>Е.А. Осипова</i>	
Маркетинговая экспансия в пространство политического	9
<i>Н.В. Шатина, И.М. Шатин</i>	
Политическое пространство российского сегмента социальной сети Фейсбук	18
<i>Е.В. Барышева</i>	
Конструирование политического пространства советского города 1920–1930-х гг.	31
<i>А.Л. Зверев, С.Ф. Ахматнурова</i>	
Оптика восприятия современной российской политики	42
<i>В.А. Пилягина</i>	
Культурные ценности постмодерна в современном политическом пространстве: теоретический аспект	52

Международные отношения: политические и социокультурные аспекты

<i>Е.С. Мелкумян</i>	
Ирано-арабская конкуренция в регионе Ближнего Востока и Персидского залива	60
<i>С.Е. Князева</i>	
Забытое письмо с холодной войны: политическое завещание итальянского коммуниста	70
<i>К.А. Соловьев</i>	
Русины Австро-Венгрии и российское общество: дискуссия о путях формирования политической нации в «Карпатской Руси» в российской прессе второй половины XIX – начала XX в.	82
<i>Е.Ю. Сергеев</i>	
Ультиматум Керзона Советской России 1923 г.: новая интерпретация.	97

Регионы мира: динамика и модели взаимодействия

<i>Ю.В. Ирхин</i> Пространственно-временной ареал конфуцианской цивилизации: где пределы проекта?	106
<i>П.Г. Кошкин</i> Эволюция образа России в редакционных статьях «Нью-Йорк таймс» в 2010–2013 гг.: качественный анализ колонок	118
<i>А.Н. Бурова</i> «Братья-мусульмане» и «Свободные офицеры» в Египте: между сотрудничеством и конфронтацией	131
<i>А.В. Калашникова</i> Египет при Х. Мубараке: освоение новых внешнеполитических пространств	139
Abstracts	147
Сведения об авторах	153

CONTENTS

Sociopolitical Processes and Social Communications: Theory and Methodology

- E. Osipova*
Marketing Expansion in the Space of Political 9
- N. Shatin, I. Shatina*
The Political Space of the Russian Segment
of the Social Network Facebook 18
- E. Barysheva*
Constructing Political Space in the Soviet City
of 1920–1930-ies 31
- A. Zverev, S. Akhmatnurova*
Optics Perception Contemporary Russian Politics 42
- V. Pilyagina*
Postmodernism Cultural Values in the Contemporary
Political Environment: Theoretical Aspect 52

International Relations: Political and Sociocultural Aspects

- E. Melkumyan*
Irano-Arab Concurrence in the Middle East and Persian Gulf 60
- S. Knyazeva*
Forgotten Letter from the Cold War: the Political Testament
of the Italian Communist 70
- K. Solovyov*
The Rusyns of Austria-Hungary and the Russian Society: Discussion
on the Ways of Political Nation Building in “Carpathian Rus”
in Russian Press in the Second Half of 19th and Early 20th Centuries 82
- E. Sergeev*
Curzon’s Ultimatum to the Soviet Russia in 1923: New Interpretation 97

Regions of the World: Dynamics and Models of Cooperation

Yu. Irkhin

Spatial-Temporal Area of Confucian Civilization:
Where are the Project Limits? 106

P. Koshkin

The Evolution of Russia’s Image in “The New York Times”
Editorials in 2010–2013: Qualitative Analysis of the Columns 118

A. Burova

“The Muslim Brotherhood” and “The Free Officers” in Egypt:
between Cooperation and Confrontation 131

A. Kalashnikova

Egypt under Hosni Mubarak: Discovering
the New Foreign Areas 139

Abstracts 147

General data about the authors 155

Общественно-политические процессы и социальные коммуникации: теория и методология

Е.А. Осипова

МАРКЕТИНГОВАЯ ЭКСПАНСИЯ В ПРОСТРАНСТВО ПОЛИТИЧЕСКОГО

В статье анализируется один из современных трендов – вторжение маркетинга во все сферы человеческой деятельности, в том числе в сферу политики. Автором рассматриваются проявления маркетинговой экспансии в пространстве политического, социальные противоречия, которые рождает эта экспансия, и угрозы, которые она несет существованию политического пространства и развитию демократических институтов.

Ключевые слова: пространство политического, маркетингизация, политический маркетинг, демократия.

Сегодня маркетинговая лексика и маркетинговые технологии вторгаются в социальное пространство, в том числе в пространство политического. Можно говорить о том, что маркетингизация всех сфер человеческой деятельности, более того, сакрализация маркетинга, становится современным трендом.

Оправдывается это, прежде всего, возрастанием конкуренции во всех сферах. При этом игнорируется тот факт, что человеческой культуре имманентны различные виды конкуренции. С давних пор в ней конкурируют философские учения, идеологии, образовательные системы, языки и т. д. и т. п., но эта конкуренция онтологически не является маркетинговым явлением. Рынок есть часть человеческой культуры, а потому культура как несравнимо более широкое явление не может эволюционировать по законам одной из своих частей. Социально-гуманитарные процессы, несомненно, влияют на процессы социально-экономические и сами испытывают влияние последних, но при этом имеют свою логику развития.

Негативное влияние на социум культивирования рыночных отношений и придания конкуренции одномерно-рыночного смысла раскрывается в работах многих философов, социологов, политологов и т. д. Суть этого влияния – прагматизация ценностного мира, связанная с реализацией в современном мире концепции «производства потребностей» (А.С. Панарин), сопровождаемая снижением духовных потребностей и социальной ответственности (Ж. Бодрийяр), упрощением диалога культур (В.В. Миронов). В. Зомбарт по этому поводу отмечал, что «в требовании свободы локтей заключена идея совершенно *ни с чем не считающейся* наживы. С ее господством признается первенство ценности наживы над всеми другими ценностями. Связей какого бы то ни было рода, сомнений какого бы то ни было рода – нравственных, эстетических, сердечных – больше не существует»¹.

При этом, как замечает Ж. Бодрийяр, в результате распространения потребительной стоимости социальное умирает, «когда все, включая социальное, становится потребительной стоимостью, мир оказывается инертным, и в нем происходит нечто прямо противоположное тому, о чем мечтал Маркс. Он мечтал о поглощении экономического улучшенным социальным. Мы же имеем дело с поглощением социального ухудшенной политической экономией – просто-напросто управлением»².

С. Юэн говорит о прагматизации и унификации коммуникаций в глобализирующемся мире, где за декларацией человеческих прав и свобод скрываются прагматические мотивы и отрицание ценности человека. Исследователь, по существу, приходит к выводу, сходному с мнением Т.В. Адорно, о том, что «нормы благородства являются просто романтическим идеалом, который в условиях господства прибавочной стоимости обречен оставаться абсолютно бессильным»³.

Кроме того, маркетинг «присваивает себе все новые направления коммуникативной практики, в связи с чем появляются такие оксюмороны, как благотворительный маркетинг, «маркетинг руки Бога» и т. п.»⁴.

В чем же именно проявляется маркетинговая экспансия в современное пространство политического, какие социальные противоречия рождает эта экспансия и какие угрозы она несет этому пространству?

Прежде всего, маркетинговая экспансия осуществляется в области языка и терминологической культуры.

Терминологическая культура, которая отражается в научной, справочной и учебной литературе, в профессиональном общении,

предполагает владение участниками этого общения понятийно-категориальным аппаратом определенной сферы деятельности и системой терминов; правильность терминопотребления и терминоподобразования; свободу терминоподобразования от идеологий, мировоззрения и т. п.

К специфическим особенностям термина (от лат. *terminus* – граница, предел) как слова или словосочетания, обозначающего понятие специальной области знания или деятельности, относятся: системность; наличие дефиниции как необходимого атрибута существования термина в качестве единицы номинации специального понятия; тенденция к однозначности в пределах своего терминологического поля; стилистическая нейтральность; отсутствие экспрессии.

Поскольку политическое онтологически не встраивается в рыночное пространство, маркетинговая экспансия вытесняет из политического пространства собственно политическую терминологию, заменяя ее идеологическими конструктами. При этом в маркетингово-идеологических построениях частные интересы выступают в качестве основания для создания идей, говорящих от лица абсолютной истины, а сами идеологии внушаются с помощью агитации и пропаганды с целью представить частный интерес как всеобщий.

Современная идеология рынка требует рассматривать все политические явления с позиций продаж и потребления. Поэтому в рамках маркетинговой идеологии постоянно осуществляется подмена понятий. Под обществом понимается рынок, под электоратом – потребитель. Социологические и психологические исследования рассматриваются как маркетинговые исследования. В качестве товаров провозглашаются *«политическая власть, политические идеи, организации, лозунги, убеждения, сами политики»*⁵ и т. п. В политический дискурс вводится понятие *«политического обмена между людьми не только на индивидуальном, но и на массовом уровне»*⁶ как торговой сделки.

Избирательные кампании и политическая реклама объявляются маркетинговыми коммуникациями, способствующими повышению эффективности продаж политических товаров на рынках. При этом знак равенства даже на уровне словарных определений и текстов учебников ставится между выборной инженерией и избирательными технологиями, политиком как товаром и продажным политиком, продажность которого не осуждается, а оправдывается волей к победе в конкурентной борьбе.

Очевидно, что маркетинговые тенденции в логике развития терминологической культуры в пространстве политического не мо-

гут не оказывать влияние на этические и правовые аспекты функционирования этого пространства. Маркетизация политической терминологии, а следом за этим и политического мышления ведет к тому, что причины этических и правовых нарушений становятся все менее связанными с нравственностью конкретных политиков или моральными принципами каких-либо политических структур и все более обусловлены идеологиями, в которых игнорирование этики и права выступает в качестве принципа деятельности.

В целом маркетинговая идеология предполагает узость мышления, «плюрализм невежества» (Э. Ноэль-Нойман), упрощение сложных социальных явлений и игнорирование социальной ответственности.

Маркетинговая экспансия осуществляется также в область практики политических коммуникаций. Во многих словарях и учебниках по политическому маркетингу дается следующее его определение: *«Маркетинг политический (англ. marketing – рынок, сбыт) – система целенаправленного воздействия на сознание и поведение людей, их объединений и организаций, позволяющая в условиях политических и гражданских свобод сформировать у них такие интересы и потребности, которые выгодны действующему субъекту политических отношений»*⁷.

Несмотря на заявления о признании того, что *«политические вкусы, пристрастия, убеждения у людей разные и нужно учитывать это своеобразие, а не бороться с ним путем политического принуждения и насилия»*⁸, политический маркетинг предлагает заменить политическое принуждение на принуждение психологическое. Причем целью этого принуждения открыто объявляется вовсе не развитие политического пространства, не реализация политических интересов, а выгода воздействующего на общественное сознание политика.

Однако целенаправленное воздействие на поведение, а тем более на сознание само по себе является психологическим управлением, что гораздо жестче прямого принуждения. А уж если оно направлено на получение выгоды именно *«действующим субъектом политических отношений»*, то вряд ли можно вообще говорить о каких-то политических и гражданских свободах.

Очевидно, что организации политических коммуникаций с целью продажи «политического товара» имманентна манипулятивная природа. Избирательные технологии, используемые как маркетинговые ресурсы, всегда создают ситуацию лжи, так как в такой коммуникации тексты и цели не корреспондируют. Маркетинг, необходимый для развития экономики, выходя за ее пределы, раз-

рушает неэкономические явления. Так же как благотворительный маркетинг разрушает благотворительность, политический маркетинг ведет к исчезновению политики как явления и т. д.

В рамках политического маркетинга имидж каждого политического субъекта конституируется в качестве товара и ориентирован на его эффективное потребление. Как следствие этого, имидж представляемого общественности политического явления не нуждается в какой-либо связи с сущностью этого явления. Имидж политической партии не связан с ее политическими ценностями и целями, имидж политика не связан с его политическими взглядами и позициями. В имиджмейкинге, нацеленном на эффективную продажу имиджа, сущностные характеристики самих явлений просто не принимаются во внимание.

Так, Э. Слободянюк, исследователь, работающий в маркетинговой парадигме, пишет: «Позиция “любите меня таким, как я есть” в социальном ракурсе заведомо проигрышна. Правильно ставить вопрос: что нужно сделать, чтобы понравиться?» Э. Слободянюк утверждает, что «при выходе на массового избирателя образ “своего парня” предпочтительнее репутации “яйцеголового интеллектуала”. Логика выстраивания образа в подобных ситуациях определяется ожиданиями аудитории, которые еще не актуализированы в пропагандистских кампаниях. Поэтому если электорат от политики устал и в политиках разочаровался, то востребованным может оказаться имидж “не политик, а хозяйственник”»⁹. Исследователя не смущает, что электорат устал именно от постоянного несоответствия вызывавших его положительный отклик имиджей и реальной деятельности политиков. И исследователь готов предложить «свежие» идеи для выстраивания новых, ни с чем не корреспондирующих имиджей.

В соответствии с законами маркетинга публичным личностям рекомендуются создание личных легенд, конструирование новых биографий, открытость частной жизни и нестандартные хобби, драматургия имиджа в стиле «мыльной оперы» и т. п., чтобы создаваемый имидж не был «плоским, пресным и неинтересным для обывателей» и помог «достаточно долго продержаться на гребне популярности»¹⁰.

Основной целью политического маркетинга становится рост капитализации политических субъектов, а основным средством достижения этой цели – манипуляция общественным сознанием. В маркетинговой парадигме даже потребительские интересы объекта воздействия теряют актуальность, поскольку для потребления необходимы время, физический, интеллектуальный и эмоциональ-

ный потенциал, который имеет естественные ограничения. Политический маркетинг заинтересован в «покупателе» политических товаров и услуг, который мало интересуется сущностью предложений, но «очарован» их формой.

Политическое событие является непременным атрибутом пространства политического. При этом, как справедливо отмечает С.В. Клягин, «событийный формат представления политических идей, намерений и практик позволяет преодолевать информационную избыточность в медиатизированной среде современного социума»¹¹. Однако в маркетинговой логике политическое событие вытесняется «событийным маркетингом».

Таким образом, маркетинг превращает политику в рынок политических услуг, где электорату «продаются» в привлекательной для него упаковке президенты и депутаты. При этом если повышается внешняя политическая активность, то реальное политическое пространство сужается, поскольку из него вытесняется собственно политическое.

Сторонники политического маркетинга провозглашают его необходимым атрибутом демократизации, однако при этом они легко абстрагируются от многообразия демократий и критического отношения многих современных западных и отечественных политологов к тем моделям, которые предлагают отказаться от идеи общего блага, общественной пользы и т. д.

По мнению многих западных исследователей условий демократического развития (Ю. Хабермас, С. Бенхабиб, Дж. Коэн, Ш. Муфф, М. Оукшот и др.), в современном мире наблюдается утрата доверия к либерально-демократическим институтам, демократическим партиям, многие крайне правые партии становятся все более успешными. Так, бельгийский политический философ Шанталь Муфф считает, что даже среди искренних сторонников демократии «присутствует весьма циничное отношение к политикам, а это оказывает губительное воздействие на приверженность народа к демократическим ценностям»¹². Исследователь пишет: «Нет никаких сомнений в том, что в большинстве либерально-демократических обществ действует отрицательная сила, опровергающая всеобщее ликование, которое мы наблюдали после краха советского коммунизма»¹³.

Характерными являются приведенные в исследовании С. Юэна риторические вопросы, которые отражают главные проблемы демократии в современном мире. Ученый спрашивает: «Возможна ли демократия в условиях, когда общественность превратилась в раздробленную на мелкие части аудиторию, когда общественность не

отмечена коллективным присутствием? Возможна ли демократия в условиях, когда общественная жизнь отделена от способности общественности выступать – в интересах себя самой – как общественность? Возможна ли демократия в условиях, когда общественные повестки дня заранее расписываются “невидимыми инженерами”? Возможна ли демократия в условиях, когда общественное мнение сводится к опубликованным результатам социологических опросов, к статистическим отголоскам рукоплесканий? Возможна ли демократия в условиях, когда инструменты коммуникации не являются ни демократически распределяемыми, ни демократически контролируемыми? Возможна ли демократия в условиях, когда содержание массмедиа определяется, практически повсеместно, коммерческими соображениями? Возможна ли демократия в обществе, в котором эмоциональные порывы преобладают над рассудком, где зрительный образ обычно используется для того, чтобы дозвонить над мыслью?»¹⁴

Некоторые современные модели демократии не предполагают создания условий для реализации демократической модели политической коммуникации. Так, в широко распространенной «агрегативной модели» (Й. Шумпетер, Э. Доунс и др.) под демократией понимается система, в которой народ благодаря конкурентному избирательному процессу имеет возможность принимать или отвергать своих лидеров. Данная модель предлагает руководствоваться в деятельности политических партий интересами и предпочтениями людей, движимых собственной выгодой, а не моральными убеждениями или интересами сообщества.

По мнению многих исследователей именно агрегативная модель повинна в утрате доверия к демократическим институтам, развитие которых связывается с возрождением моральной составляющей.

В настоящее время агрегативной модели противопоставляются модель «демократии обсуждения» (Ю. Хабермас, С. Бенхабиб, Дж. Коэн и др.) и модель «агонистической демократии» (Ш. Муфф).

Модель «демократии обсуждения» имеет множество разновидностей и несколько ведущих школ, но ее главной идеей является достижение рационального консенсуса в результате свободного обсуждения между равными в условиях многообразия ценностей и интересов. В данной модели, прежде всего, делается акцент на процедурах достижения такого консенсуса.

В свою очередь, модель «агонистической демократии» предполагает невозможность достижения консенсуса между представителями разных идеологий, религий, культур и т. д. По мнению авто-

ра этой модели, главной задачей современного общества является создание условий для формирования демократических граждан, что «становится возможным только благодаря увеличению числа институтов, дискурсов и форм жизни, способствующих идентификации с демократическими ценностями»¹⁵.

Модель «агонистической демократии» названа так в связи с тем, что в качестве цели демократической политики полагается преобразование антагонизма как борьбы между врагами в агонизм как борьбу между равноправными и уважающими друг друга соперниками. Ш. Муфф, говоря о наиболее важном отличии модели «агонистической демократии» от модели «демократии обсуждения», указывает, что «с позиций “агонистического плюрализма” основная задача демократической политики состоит не в устранении страстей из публичной сферы для того, чтобы сделать возможным достижение рационального консенсуса, а в направлении этих страстей на демократические проекты»¹⁶.

Однако процессы маркетизации политического пространства ставят под сомнение практическое осуществление названных моделей демократии, поскольку в маркетинговой парадигме нет необходимости ни в компромиссах, ни в демократических проектах.

Исходя из этого мы можем говорить, что экспансия маркетингового в пространство политического рождает множество противоречий:

- между социальной природой политического и современной его интерпретацией в парадигме рыночных отношений, что редуцирует собственно политическое пространство;
- между социальной значимостью политического пространства и расширением в нем диктата пространства маркетингового, что ведет к превращению политических технологий в набор манипулятивных практик продвижения «политических товаров» на «политическом рынке» и управления публичным капиталом политических субъектов;
- между потенциалом политического в сохранении многообразия мира и гуманизации социума и унификацией политического пространства в рамках маркетинговой теории, конституирующей политическое пространство в качестве рыночного;
- между потенциалом политического в расширении личностных основ бытия, самореализации человека как мыслящего, творческого и нравственного субъекта, обладающего человеческим достоинством, и редуцированием родовой сущности человека до потребителя и объекта манипулятивного воздействия;

- между потенциалом политического в содействии решению глобальных проблем, перед которыми стоит человечество, и маркетинговой политикой, нацеленной на формирование в обществе приоритета потребительских ценностей и, как следствие этого, на снижение социальной и личной ответственности.

Сохранение пространства политического имеет огромное значение для мирового сообщества, для всех государств и их граждан, для каждого человека. Но, по мнению автора, для того чтобы противостоять постоянному и последовательному сужению этого пространства, необходима его защита от маркетинговой экспансии.

Примечания

- ¹ *Зомбарт В.* Буржуа: Этюды по истории духовного развития современного экономического человека: Пер. с нем. // Зомбарт В. Собр. соч.: В 3 т. Т. 1. СПб.: Владимир Даль, 2005. С. 231.
- ² *Бодрийяр Ж.* В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2000. С. 89.
- ³ *Адорно Т.В.* Проблемы философии морали: Пер. с нем. М.: Республика, 2000. С. 197.
- ⁴ *Осипова Е.А., Меликов И.М.* Роль Public Relations в установлении ценностно-смысловых связей в современном социокультурном пространстве // Человеческий капитал. 2010. № 7 (19). Ч. 2. С. 480.
- ⁵ Маркетинг политический [Электронный ресурс] // Энциклопедии & Словари. URL: <http://enc-dic.com/polytology/Marketing-politicheski-14/> (дата обращения: 16.01.2015).
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же.
- ⁹ *Слободянюк Э.* Персональный имидж: Имиджмейкинг в связи с общественностью // Зеркало рекламы. 2005. № 5.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ *Клягин С.В.* Экстатичность политического события // Вестник РГГУ. 2014. № 1. Серия «Политология. Социально-коммуникативные науки». С. 46.
- ¹² *Муфф Ш.* К агонистической модели демократии // Логос. 2004. № 2. С. 180.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ *Юэн С.* PR! или Умение «раскручивать»: Социальная история паблик рилейшнз. М.: Изд-во АНО «Редакция ежедневной газеты», 2006. С. 431.
- ¹⁵ *Муфф Ш.* Указ. соч. С. 189.
- ¹⁶ Там же. С. 194.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО РОССИЙСКОГО СЕГМЕНТА СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ ФЕЙСБУК

Статья посвящена анализу политического пространства русскоязычного сегмента социальной сети Фейсбук. Исследуется характер (модель) организации социальной связности в сети (сети дружбы и групповые связи), а также природа, характер и качества виртуальной политической событийности, формирующей информационно-коммуникативную повестку дня пользователей сети.

Ключевые слова: политическое пространство, виртуальные коммуникации, социальная сеть, Фейсбук.

Взрывной рост виртуальных коммуникаций, обусловленный новыми технологическими качествами Интернета, привел к значительным последствиям в характере организации политического пространства современности. Одним из важнейших факторов стал даже не объем информации, содержащийся в сети, а ее новые коммуникативные свойства: возможность создавать собственные сообщения, вести дискуссии, объединяться в сообщества и главное – находиться в постоянном контакте с реальными и виртуальными друзьями.

Психологи и социологи фиксируют уже не только у молодежи, но и у поколения 40–50-летних острую потребность постоянной «включенности» в сеть¹. Такую зависимость психологи определили как феномен «fear of missing out» (страх остаться в стороне и не узнать чего-то важного). «Включенность» в сеть дает людям ощущение «причастности» к политическим и иным событиям (возможность артикуляции собственной позиции, обсуждение актуальных проблем), а привлечение внимания значительного числа участников сети к определенной теме может привести и к серьезным политическим последствиям в реальном политическом пространстве.

Большинство исследователей политического и коммуникативного пространства современности и новых медиа фиксируют изменение их качества. Так, С. Володенков отмечает, что «сегодня человек живет не столько в реальном мире, сколько в коммуникативном пространстве, в рамках которого создаются различные виртуальные конструкции, определяющие жизнь большинства людей и формирующие представление об окружающем их мире, в том числе мире политическом, на основе этих виртуальных конструкций»². Ю. Сапрыкин признает, что «происходит радикальный слом даже не в плане способов распространения информации и тем более не только в смысле способов зарабатывания денег на распространении этой информации, медиабизнеса так называемого, но вообще слом парадигмы в той социальной среде и культуре, в которой мы находимся»³.

В условиях новой коммуникативной реальности оказалось, что старые модели воздействия СМИ на общественное мнение подвергаются серьезным трансформациям. Выступавший в обсуждении лекции Д. Вольтона Б. Долгин отметил, что пользователи социальных сетей, обладающие большим социальным капиталом, «оказываются более весомыми, чем некоторые федеральные медиа, и это реальность, с которой приходится считаться»⁴. Признанием значимости новых медиа для политики стало принятие в 2014 г. Государственной Думой РФ поправки к Федеральному закону от 27.07.2006 № 149-ФЗ (в ред. от 21.07.2014) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», направленной на установление контроля за наиболее популярными интернет-ресурсами⁵.

Среди интернет-ресурсов, определяющих качества современного виртуального политического пространства, важное место занимают социальные сети. Сегодня социальная сеть трактуется как, во-первых, социальная структура, состоящая из множества узлов-индивидов и определенного на этом множестве множества связей-отношений (отношений дружбы, общения и т. п.), а во-вторых, как интернет-реализация этой социальной структуры (например, Фейсбук)⁶.

Влияние политической активности пользователей социальных сетей на реальные социально-политические процессы в современном мире считается уже доказанным, что подтверждается волной прокатившихся по ряду стран Востока так называемых сетевых революций («революций Фейсбука»)⁷.

В России социальные сети активно развиваются в последние несколько лет. Первой массовой сетью в нашей стране стала сеть Одноклассники. Следом за ней активно стала расти сеть ВКонтакте. Последней в Россию пришла мировая сеть Фейсбук, объединяющая около 1 млрд пользователей Интернета и занимающая

третье место по популярности. И хотя Россия пока не входит в первую десятку стран по охвату Фейсбуком аудитории, уже сегодня сеть имеет значительное число пользователей.

В аналитическом докладе Д.А. Губанова и А.Г. Чхартишвили, в основу которого положены эмпирические данные «Лаборатория цифрового общества – DSL» (www.digsolab.ru), представленном на XII Всероссийском совещании по проблемам управления 16–19 июня 2014 г., приведены данные о том, что количество пользователей русскоязычного сегмента Facebook составляет 3,3 млн (3 279 156). Анализ аудитории Фейсбука, проведенный Полит.ру и исследовательской группой «Лаборатория цифрового общества», показывает, что основную массу участников сети в России (44 %) составляет молодежь от 18 до 24 лет, 33 % – люди от 25 до 34 лет, и 9 % – 35–44 лет. В основном, как видим, это взрослая аудитория. Среди них около 54 % женщин и 46 % мужчин⁸. В региональном разрезе по численности аудитории в Фейсбуке лидируют Москва, Петербург, города-миллионники. Тем не менее «мода на Фейсбук» постепенно распространяется и на отдаленные регионы.

Рост и развитие Фейсбука в России идет по следующей траектории. Первыми сеть «заселили» студенты столицы и Питера, вслед за ними подключились к сети студенты крупных городов. Рост аудитории сети привел на этот ресурс бизнес, заинтересованный в рекламе и продаже продукции, установлении контактов с целевыми аудиториями. За студентами в Фейсбук потянулось и поколение «родителей», которые увидели в этой сети новые возможности (от простого получения информации от интересных им участников, возможностей артикуляции, оценки и обсуждения своей позиции до раскрутки и реализации различных проектов [творческих, бизнес и др.]).

Рост аудитории Фейсбука привел на этот ресурс и политических деятелей, партии, неформальные политические объединения и т. д. С 2010 г. в Фейсбуке проводят свои избирательные кампании кандидаты от политических партий (особенно активно регистрировались и пользовались возможностями сети лидеры оппозиции, не имеющие доступа к официальным СМИ). Первым политическим деятелем, который провел всю свою избирательную кампанию в Интернете (в том числе и в Фейсбуке) и одержал победу над конкурентом-единороссом, стал достаточно известный сегодня депутат Екатеринбургской городской Думы Леонид Волков. (Он даже получил «звание» первого веб-депутата⁹).

Позже всех Фейсбук (как и другие коммуникативные интернет-ресурсы) «заметили» российские государственно-политические акторы. Особенно активно они стали участвовать в сетевых

ресурсах Интернета и вести блоги с 2008 г. Это было связано даже не столько с потребностью чиновников в общении с целевыми аудиториями, сколько с политической волей первого лица государства – президента Д.А. Медведева. Будучи сам активным интернет-пользователем, Медведев фактически дал указание всем губернаторам стать активными пользователями Интернета.

К особенностям аудитории российского Фейсбука можно отнести следующие ее качества. Это аудитория:

- более образованная и интеллигентная (состоит из тех людей, которых сегодня относят к так называемому креативному классу);
- более активная в самой сети (читает новости, комментирует, активно «лайкает», объединяется в группы);
- имеет активную позицию и в оффлайн-пространстве и отличается большей готовностью к политическому участию в онлайн- и оффлайн-проектах;
- по политическим убеждениям чаще имеет оппозиционную позицию.

Несмотря на то что Фейсбук пришел в Россию позже, именно эта сеть в силу своих качеств оказывает наибольшее влияние на политическое пространство. В связи с этим весьма актуальными оказываются вопросы о том, как организована эта социальная сеть (как структурированы пользователи, как пользователи Фейсбука связаны между собой, как работают социальные механизмы их пополнения) и как она «вписана» в виртуальное и реальное пространство.

Основу Фейсбука составляют страницы ее пользователей. Каждая такая страница содержит информацию о пользователе (фамилия, имя, место проживания, род занятий, интересы и пр.). Событийный контент пользовательских страниц создается собственными авторскими записями и размещением на них записей других пользователей, материалов СМИ и контента других источников (перепост).

Участники сети объединяются через систему приглашения в друзья и путем вступления в интересующие их тематические группы. Пользователи могут приглашать в друзья и группы как знакомых, так и незнакомых людей. Через систему поиска любой пользователь Фейсбука может найти человека, с которым он хочет общаться в сети (читать размещаемый им контент, комментировать его сообщения, приглашать в группы, на мероприятия, отправлять личные сообщения и др.). Кроме этого, они имеют возможность рекомендовать друзей тем, кто состоит в друзьях с ними. Кого приглашать в друзья, принимать или отклонять приглашение, определяют сами пользователи. Ряд пользователей «закрывают» прием

новых друзей по различным соображениям (прием в друзья только людей знакомых в реальной жизни, уже имеющийся обширный круг друзей и др.). Некоторые пользователи, напротив, стремятся нарастить как можно большее число друзей.

Пользователи Фейсбука с различной интенсивностью:

- просматривают ленту новостей (главная страница) и новости групп, в которых они состоят;
- делают отметки «мне нравится» («лайкают») под размещенными постами и комментируют размещенные сами посты и комментарии к ним;
- делятся со своими друзьями чужими понравившимися и актуальными постами и фотографиями (репост);
- приглашают в друзья, рекомендуют друзей;
- организуют группы вокруг определенных, интересных им тем;
- реализуют различные проекты (творческие, образовательные, социальные, политические и др.);
- решают определенные бытовые проблемы (продают и покупают вещи, сдают/снимают квартиры; ищут работу, работников, потерянные вещи и животных, людей и т. п.);
- задают вопросы, чтобы узнать мнение большинства, или получить ответ на вопрос, который могут знать немногие (но за счет множества друзей шанс получить ответ возрастает).

Пользователи Фейсбука сами вырабатывают правила существования и взаимодействия в публичном пространстве. Частично эти правила определяются устройством сети (например, количество и качество сообщаемой о себе информации, реакции на троллинг и др.).

Ключевым способом консолидации в Фейсбуке является объединение в группы, приглашение в друзья. Способами мобилизации в большинстве случаев становятся актуализация темы (события), приглашение на мероприятие и др.

Следует отметить, что категория «друзья» в Фейсбуке является весьма важной. Наличие большого числа друзей формирует социальный капитал пользователя сети, позволяющий формировать и продвигать свой имидж, повышать свою популярность и узнаваемость, реализовывать различные коммерческие и политические проекты. Естественно, что простое увеличение числа друзей не обеспечивает автоматическое повышение узнаваемости пользователя. Требуется его активное поведение в сети – постоянное размещение собственных постов на актуальные и интересные для друзей темы, перепост значимых и интересных материалов СМИ и контента друзей, поддержание дискуссии (комментирование размещенных

друзьями постов и др.). Кроме того, пользователи сети, ориентированные на увеличение собственного работающего социального капитала, аккумулируют все свои интернет-ресурсы, размещая в Фейсбуке путем перепоста свои же посты в блогах, Твиттере и других интернет-ресурсах.

Данное наблюдение подтверждается и в упомянутом выше аналитическом докладе Д.А. Губанова и А.Г. Чхартишвили. Авторы изучили формальные связи пользователей (на примере дружбы) и неформальные (на примере комментирования) за период с 1 июня 2012 г. по 1 июня 2013 г., пытаясь ответить на вопрос: обусловлены ли неформальные связи формальными (либо формальные связи дружбы существуют сами по себе, а общение пользователей происходит по другим каналам). В результате было выявлено, что количество связей дружбы между 3,3 млн пользователями русскоязычного сегмента Фейсбука составляет 77,6 млн (77 639 757). Среднее число друзей у пользователя – 47 (при этом 20 % пользователей имеют не более трех друзей, 80 % – не более 45 друзей). К сильной связи дружбы между пользователями они относят такие связи, при которых у пользователей имеется хотя бы один общий друг. Проведенный анализ позволил им сделать вывод о том, что чем больше друзей у пользователя, тем более сильными (менее случайными) являются его связи дружбы (они подтверждаются совместными друзьями). Усиливают связи дружбы связи между друзьями пользователя¹⁰.

В исследовании доказана прямая зависимость характеристик пользователей от возможностей установления связей дружбы между ними. Сделан вывод о том, что друзьями в Фейсбуке становятся люди с близкими характеристиками (ценности, интересы, профессия, политические установки и др.). Кроме этого, установлено, что сильная связь комментирования повышает вероятность дружбы (в том числе сильной дружбы) более чем в 1,5 раза по сравнению с «обычной» связью комментирования. В целом авторы приходят к следующим выводам: связь комментирования встречается гораздо реже, чем связь дружбы (если пользователи дружат, то лишь в одном случае из 25 между ними есть связь комментирования)¹¹.

Кроме персональных страниц, важной частью Фейсбука являются страницы различных СМИ, политических, общественных, коммерческих организаций. Сегодня практически все организации, претендующие на узнаваемость, имеют страницы в Фейсбуке. Подписка на интересующие пользователя сети страницы автоматически приводит к появлению их материалов на «главной странице» в ленте новостей каждого участника сети. Таким образом, реализуется новая модель потребления информации, о возможностях

которой некоторое время назад говорили исследователи современных коммуникаций. Эта модель заключается в своеобразном «информационном меню» индивидуального пользователя Интернета, которое формируется как самим пользователем (подписка на интересующие его страницы – сайты, СМИ, блоги определенных лиц и др.), так и путем появления на его главной странице определенных ссылок и информации, размещенных его друзьями. Причем это касается не только рекламы определенных продуктов и услуг, но и политических материалов.

На основе страниц пользователей, состоящих в друзьях, формируется «главная страница» Фейсбука. Естественно, что контент и «лицо» этой страницы отражают круг общения и интересы конкретного пользователя сети, так как на ней размещаются записи тех, с кем пользователь состоит в друзьях. Основное обсуждение ведется как раз на этой странице путем оценки размещенного контента («мне нравится» – так называемые лайки) и комментирования (как самого материала, так и других комментариев). Особенно интересным здесь оказывается то, как пользователь, лента новостей которого достаточно обширна (высок социальный капитал), выбирает посты, которые он читает более внимательно, комментирует и которыми он делится с друзьями.

Таким образом в целом подтверждается теоретическая концепция немецкого ученого Й. Гребеля, который весьма скептически оценивает эйфорию ряда исследователей по поводу того, что новые медиа приводят к замене традиционной модели массовой коммуникации «немногие (эксперты, журналисты) – многим (массы)» на модель «многие – многим» (каждый автор постов становится «гражданским журналистом» и источником информации для всего общества). Гребель же утверждает (и вполне обоснованно), что обилие авторов информационных сообщений приводит к «засорению» информационного пространства. Читатели же выбирают информацию из ограниченного и определенного количества источников. Гребель отмечает, что сегодня одновременно с массовой коммуникацией возникает еще и коммуникация масс, т. е. создается триада типов общения. В модели «немногие – многим» вещают профессионалы: телеведущие, журналисты, певцы, актеры. Параллельно существует модель «многие – немногим» – непрофессиональное вещание. Наконец, есть и третья модель: «немногие – немногим», модель социальных групп, представители которых общаются друг с другом. Однако Гребель признает, что и сегодня (а может, даже и в большей степени) реализуется модель «двухступенчатого потока информации» Пола Лазарсфельда: СМИ влияют на так называемых лидеров мнений,

а те – на простых граждан. Формирование социальных групп в Интернете, по мнению Гребеля, завершает этот процесс¹². Аналогичной точки зрения придерживается и Д. Вольтон, отмечая, что рост количества людей, которые «самовыражаются» в Интернете, не приводит к росту аудитории «слушателей», а «повышение скорости интерактивности не означает повышения скорости понимания»¹³.

Интернет-сообщество в целом и внутри социальных сетей, в частности, выстраивается (структурируется) на уровне горизонтальных связей. Эта структурная трансформация скорее «аморфной» аполитичной массы прошлого века (структурирование в основном на уровне вертикали КПСС или нескольких политических партий) требует дальнейшего переосмысления классических теорий массовой коммуникации.

Одним из важных инструментов организации политической активности пользователей в социальных сетях являются политические группы. Интересное исследование того, каким образом политически активные группы Фейсбука связаны между собой и как работают социальные механизмы их пополнения, предпринято И. Дзялошинским. Методом зерновой кластеризации он выделил три кластера политически активных сообществ Фейсбука (проправительственный, националистический и оппозиционный) и определил, что для каждого кластера действуют свои социальные механизмы пополнения, регулирования деятельности и информационного обмена¹⁴. Исследователь приходит к выводу, что «существование четких политических кластеров в Фейсбуке было бы невозможным без манипулятивных практик, которые применяются во всех типах кластеров, но активнее всего – в проправительственном и оппозиционном»¹⁵. Он определил, что пополнение оппозиционных групп происходит в основном через группы бытового недовольства (ЖКХ, против застройки скверов, пробки на дорогах и др.). Бытовое недовольство переводится в политический протест, а активистами-общественниками пополняются противоправительственные группы.

В исследовании проведена предварительная типологизация манипулятивных практик: акторов, групп и процессов. К манипулятивным практикам Дзялошинский относит, например, захват групп, создание «искусственных» групп, сознательное распространение информационных волн. При этом в исследовании доказано, что манипулятивные процессы чаще всего наблюдаются в проправительственном кластере.

Таким образом, модель Фейсбука и других социальных сетей в целом отражает характер организации современности, демонстрирующий переход общества от иерархических отношений к сетевым.

Это признают и исследователи. Так, Виталий Лейбин отмечает, что в таких интернет-проектах, как Википедия и Живой Журнал, все же выстраивалась иерархия, аналогичная офлайновому обществу. Среда ЖЖ иерархизируется и упорядочивается через авторитет и вес присутствующих в ней блогеров (авторитеты-тысячники и остальная публика). Википедия структурируется установленным порядком размещения и редактирования статей (обращение к достоверным и проверенным авторитетным источникам). Фейсбук же, по мнению Лейбина, «взорвал» мир иерархий и поднял проблему существования общества без авторитетов. Однако при том, что Фейсбук гораздо более демократичен и гораздо менее иерархичен, сама модель сети тем не менее формирует специфическую тиранию. Пользователи сети, как правило, имеют собственную политическую позицию. Лейбин отмечает, что, поскольку Фейсбук «не нейтрален по отношению к политическим ситуациям, в странах, где есть сильные иерархии, скажем, диктатуры, он может стать инструментом разрушения иерархий сам по себе, самой своей формой, а не содержанием». Тем не менее наличие Фейсбука или твиттера, по его мнению, является мощным демократизирующим фактором¹⁶.

Иными словами, воздействие Фейсбука на политическое пространство оказывается в ряде случаев весьма серьезным. Хотя на основе Фейсбука не устанавливаются, по словам Лейбина, «содержательная общественная коммуникация и равные взаимообязывающие консультации политических сил. Но “тирания” общего протестного мнения устанавливается легко. Очень быстро возникает гнев, и это не нейтрально по отношению к политической ситуации. И у меня нет уверенности в том, что эта ненейтральность разрушает барьеры и стены в коммуникации между людьми, а не создает новые»¹⁷.

Значительно меньшее значение придают комментаторской активности Борис Долгин и Виталий Лейбин. Так, Б. Долгин считает ее «феноменом ругани без поиска истины», «медиаасклокой» (даже в том случае, если речь идет о споре людей уровня А.А. Громько и З. Бжезинского). Эта проблема может, по его мнению, быть решена только некоторым повышением уровня авторитета тех, кто в них не участвует или участвует более разумно.

Ю. Сапрыкин считает утопией идею об исчезновении профессиональных журналистов и что журналистами смогут стать все блогеры и авторы постов в социальных сетях. Он признает, что обычный человек с мобильным телефоном, оказавшийся на месте какого-то события, может хорошо выполнить репортерские функции. Но дальше с переданной информацией будут работать профессиональные журналисты. Что же касается читателя, то он

считает возможным то, что для многих людей функцию отбора информации будет выполнять так называемый *вирусный редактор*. Справедливой представляется и его идея о том, что правильно настроенная френдлента может «формулировать темы, подавать идеи материалов, как-то их оценивать, выстраивать некоторую иерархию». Однако этот ресурс все же ограничен¹⁸.

Информационный контент (повестка дня) в Фейсбуке определяется характером и способом репрезентации событий пользователями сети. К способам репрезентации события относятся:

- создание собственного пользовательского контента в «ленте» событий (очевидец, комментатор, интерпретатор и т. п.);
- перепост материалов СМИ (ТВ, газеты, журналы, другие электронные СМИ);
- перепост контента других пользователей (из сети, других интернет-ресурсов: блоги, твиттер и др.);
- содержательное комментирование чужих постов;
- создание групп, размещение в них информации, ее распространение, рассылка приглашений о присоединении к группам и др.

Цели пользователей сети, достигаемые с помощью информационно-коммуникативной активности в плане создания событийности, весьма разнообразны:

- информирование (о событии, факте и др.);
- получение подтверждения («лайки») собственной позиции;
- консолидация вокруг события (политической проблемы);
- самовыражение и проведение досуга;
- саморепрезентация (для политического пространства – формирование имиджа политика);
- мобилизация пользователей сети для определенных действий, в том числе политических (поддержка кандидата, сбор средств, пополнение партийных рядов и др.).

Важным для характера политической событийности в политическом пространстве Фейсбука, по мнению многих исследователей, становится не только и не столько контент, созданный ее пользователями, сколько возникшее вокруг него дискуссионное поле (комментирование). Б. Долгин называет это «феноменом изменения смысла текстов в зависимости от контекстов»¹⁹. Комментаторская активность привлекает внимание к определенным темам, образуя «волны» интереса к событию. Такие «волны» (более или менее сильные) на главной странице (френдленты в Фейсбуке) возникают практически ежедневно.

В связи с этим поднимается немаловажный вопрос: является ли Фейсбук частью политико-событийного пространства, аналогич-

ной традиционным СМИ? Проще говоря, когда человек в Фейсбуке пишет своим друзьям сообщение, обсуждает чужие сообщения, является ли это новостью (событийным контентом)? Как и на основе чего можно оценить достоверность сообщения?

Деятельность официальных СМИ в России регулируется законом, СМИ имеют лицензии и отвечают за содержание распространяемой информации. В определенном смысле с помощью интернет-ресурсов (и, в частности, Фейсбука) любой человек может выполнять функции СМИ (так, например, пост в Фейсбуке можно продвигать и распространять). В связи с этим возник даже новый термин «гражданская журналистика». Однако далеко не все исследователи считают, что размещение и обсуждение новости в сети (даже с большим числом участников) не превращает сеть в медиа, а пишущего в профессионального журналиста. По мнению Д. Волтона, радио, телевидение являются СМИ, созданными специально и направленными широкой публике, которая нам не известна. Интернет же, по его словам, в целом (и социальные сети в частности) – это интерактивная система информации. «Интернет исходит из запроса, требования, а средство массовой информации – это предложения, организованные в сетке дневной, ежемесячно и так далее, а Интернет – это интерактивное общение между индивидуумами. Если нас много, это не значит, что мы стали СМИ»²⁰.

Общественно значимыми становятся сегодня по-прежнему только те события, которые транслируются СМИ. Определяющую роль в формировании качества и характера событийности играет телевидение. Однако в последние годы происходит (прежде всего у молодежи) скорее «опосредованное» воздействие ТВ. При этом сами молодые люди даже не рефлексируют данное явление. Уже около пяти лет студенты-политологи факультета истории политологии и права РГГУ заявляют, что «вообще не смотрят телевизор» и, соответственно, не подвергаются его манипулятивному воздействию. О «смерти» телевидения, традиционных газет и журналов в связи с происходящим заговорили и адепты новых медиа, считающие что интернет-ресурсы в ближайшее время станут основным источником информации. Однако анализ контента Фейсбука дает несколько иную картину. Так, многие пользователи сети (возможно, старшее поколение, которое также уже очень активно в сети) размещают на своих страницах ссылки и тексты из традиционных СМИ, привлекая внимание всех, кто подписан на их страницы (друзья, подписчики). Появившиеся в ленте новостей материалы и сноски становятся предметом обсуждения пользователей сети. Таким образом, можно говорить не о «смерти» традиционных СМИ,

а о выстраивании единого интегративного политико-событийного пространства. В плане коммуникативной модели же такое распространение информации вписывается в модель «двухступенчатой коммуникации» Лазарсфельда.

Сегодня отношения людей с медиа существенно изменились в связи с тем, что информация стала поступать непосредственно на мобильное устройство. С помощью блогов, социальных сетей и др. каждый пользователь практически формирует свое индивидуальное медиа (свою ленту друзей или группы в рамках этой ленты друзей). Исчезает сам тип тотальных медиа, существовавший еще в 70–80-х годах XX в., – тех медиа, которые давали потребителю претендующую на полноту картину мира и требовали от него предельной лояльности²¹. Сегодня медиа существуют в условиях жесткой конкуренции за время читателя (зрителя). Информация становится более дробной, более быстрой. В силу этого лучше всего на формирование событийности «работают» эмоциональные и лично окрашенные сообщения, которые быстро воздействуют на сознание. И здесь явное преимущество принадлежит социальным сетям, пользователи которых успешнее реализуют возможности ведения политических дискуссий.

Примечания

- ¹ Так, например, опрос студентов РГГУ, проводившийся на факультете истории, политологии и права, показывает, что практически все они испытывают дискомфорт в отсутствие Интернета более одного дня.
- ² Володенков С.В. Виртуальное пространство политики и его особенности // *Обозреватель*. 2011. № 5. С. 7.
- ³ Коммуникация vs. информация: традиционные и новые медиа: стенограмма публичной дискуссии с участием основателя и руководителя французского Института наук о коммуникациях Доминика Вольтона (Dominique Wolton), главного редактора журнала «Русский репортер» Виталия Лейбина и шеф-редактора объединенной компании «Рамблер-Афиша» Юрия Сапрыкина [Электронный ресурс] // Полит.ру. URL: <http://polit.ru/article/2012/11/07/communication/> (дата обращения: 12.12.2014).
- ⁴ Там же.
- ⁵ Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (в ред. от 21.07.2014) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [Электронный ресурс] // Консультант-Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165971 (дата обращения: 12.12.2014).
- ⁶ Термин «социальная сеть» ввел социолог Джеймс Барнс в 1954 г., хотя отдельные социально-сетевые исследования проводились еще в 1930-е годы. См.:

- Губанов Д.А., Чхартишвили А.Г. Формальные и неформальные связи пользователей социальной сети Facebook [Электронный ресурс] // XII Всероссийское совещание по проблемам управления. Москва. 16–19 июня 2014 г. URL: <http://vspru2014.ipu.ru/proceedings/prcdngs/6301.pdf/> (дата обращения: 12.12.2014).
- ⁷ Boyd D., Ellison N. Social network sites: Definition, history, and scholarship (Journal of Computer-Mediated Communication. 2007. No 13 (1)) [Электронный ресурс] // Wiley Online Library. URL: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1083-6101.2007.00393.x/full> (дата обращения: 12.12.2014); Stepanova E. The Role of Information Communication Technologies in the “Arab Spring” – Implications beyond the Region // PONARS Eurasia Policy Memo. 2011. № 159. P. 111–123; Rachman G. Reflections on the Revolution in Egypt // Financial Times. 2011. Febr. 14 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ft.com/cms/s/0/bc459dfc-3880-11e0-959c-00144feabdc0.html> (дата обращения: 12.12.2014); Славин Б.Б. Сетевые революции или новая социализация общества // Казанская наука. 2011. № 3. С. 204–208; Бу-ряк В.В. Глобальное гражданское общество и сетевые революции. Симферополь: ДИАЙПИ, 2011; Ганич А.Э., Лушиников Д.А. Технологии «цветных революций». М.: РИОР, 2010; Дорфман М. Сеть как оружие революций и контрреволюций [Электронный ресурс] // Sensus Novus. URL: <http://www.sensusnovus.ru/opinion/2011/06/08/8092.html> (дата обращения: 12.12.2014).
- ⁸ См.: Губанов Д.А., Чхартишвили А.Г. Указ. соч.
- ⁹ См.: Антипин В. Чудак на букву W // Русский репортер. 2010. № 4 (132).
- ¹⁰ См.: Губанов Д.А., Чхартишвили А.Г. Указ. соч.
- ¹¹ Там же.
- ¹² См.: Сумленный С. Пьяная вечеринка в «Фейсбуке» // Эксперт. 2010. № 30–31 (715).
- ¹³ Коммуникация vs. информация: традиционные и новые медиа... [Электронный ресурс].
- ¹⁴ Дзялошинский И. Группировка политически активных сообществ в Фейсбуке методом зерновой кластеризации [Электронный ресурс] // Теории и практики. URL: <http://theoryandpractice.ru/seminars/68219-gruppirovka-politicheskii-aktivnykh-soobshchestv-v-feysbuke-metodom-zernovoy-klasterizatsii-4-6> (дата обращения: 12.12.2014).
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Коммуникация vs. информация: традиционные и новые медиа... [Электронный ресурс].
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же.

КОНСТРУИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА СОВЕТСКОГО ГОРОДА 1920–1930-х годов

Статья посвящена роли архитектуры 1920–1930-х гг. в создании политического пространства советского города. Рассматривается визуальное пространство советского города 1920–1930-х годов как способ властной легитимации, репрезентации и пропаганды себя и своего видения прошлого, настоящего и будущего. Проектирование и строительство в исторических районах столиц широких парадных площадей и магистралей, крупных общественных зданий и высотных ансамблей призвано было доказать идеологическое превосходство социалистической системы.

Ключевые слова: политическое пространство, город, «новый человек», архитектура, реконструкция, массовые мероприятия, демонстрации, площадь, репрезентация власти, монументальная архитектура.

Пафос утверждения новой власти в первые десятилетия советского строя выражался в многочисленных лозунгах, главными идеями которых были отказ от прошлой жизни и создание «нового человека». В этой борьбе со старым за строительство новой жизни особая роль отводилась культуре. Свое слово в социалистическом мифотворчестве сказали и архитекторы.

Архитектуре отводилась роль воздействия на человека, воспитания его, повышения его общей «жизнедеятельности». Многие проекты тех лет проникнуты наивным символизмом, стремящимся продемонстрировать творческую активность масс и дух революционной эпохи. Таковы проекты Храма общения народов А. Родченко (1919 г.) и Е. Королева (1919 г.), Совдепа А. Шевченко (1919 г.) и А. Родченко (1920 г.), Башни III Интернационала В. Татлина (1919 г.) и др.

Идея радикальной реконструкции столичных городов в мире в 30-е годы прошлого столетия, будь это Москва, Берлин или Рим, заключалась в сверхмонументальности, которая призвана была доказать идеологическое превосходство системы и убедить жителей, что именно в этом городе и в этой стране «жить стало лучше, жить стало веселее». Вот почему все планы реконструкции включали в себя задачу строительства в исторических районах столиц широких парадных магистралей и крупных общественных зданий и высотных ансамблей.

Работа по перепланировке Москвы началась еще в 1918 г., когда при строительном отделе Моссовета была создана архитектурная мастерская для проведения восстановительных и ремонтных работ, просуществовавшая до 1922 г. Здесь творческая молодежь под руководством маститых архитекторов И.В. Жолтовского и А.В. Щусева разрабатывала проект «Большой Москвы» с перепланировкой центральных частей города, расширением уличных магистралей, строительством метрополитена, районированием высоты и характера застройки кварталов¹. Однако финансовые трудности и творческие разногласия не позволили реализоваться этим планам, хотя социальное значение архитектурно-художественного оформления городов постоянно подчеркивалось. «Архитектура всегда давала оформление быту, она организовывала его, давая ему нужный распорядок, обстановку и формальное содержание, властно действовавшее на человека, определенно настраивавшее его, будившее его к деятельности или созерцанию и служившее действенным воспитывающим фактором»², – писал архитектор, профессор архитектурного факультета ВХУТЕМАС Н.В. Докучаев, принимавший участие в реализации плана монументальной пропаганды и реконструкции Москвы.

Уже в первые годы идеи новой власти воплотились в таких архитектурных образах, как памятник жертвам революции на Марсовом поле в Петрограде (1919 г., арх. Л.В. Руднев) и монумент Свободы на Советской площади в Москве (1918–1919 гг., арх. Д.П. Осипов и скульптор Н.А. Андреев), пропилеи Смольного (1923–1924 гг., арх. В.А. Щуко и В.Г. Гельфрейх) в Петрограде–Ленинграде, Всероссийская сельскохозяйственная выставка 1923 г. (арх. И.В. Жолтовский, А.В. Щусев, В.А. Щуко и др.), деревянный мавзолей В.И. Ленина в Москве (1924 г., арх. А.В. Щусев) и др.

Творческие поиски архитекторов были направлены на придание архитектурной форме определенных эмоционально-эстетических качеств, что неоднократно подчеркивал архитектор Н. Докучаев: «Здоровый человек нуждается не только в определенной

радости, которую он получает от удовлетворения своих утилитарных нужд и потребностей (быть сытым, быть защищенным от непогоды, врагов и пр.), но и в радости, повышающей общую жизнедеятельность его организма... Художник... способен пробуждать такую активную энергию в зрителе, которая способна звать к деятельной жизни и творчеству»³.

Основы советского градостроительства закладывались в ряде конкурсов, осуществленных проектах, в работах над новым генеральным планом Москвы и других городов. Формировались социальные и архитектурные черты новых типов промышленных, государственных, общественных сооружений (дома Советов, дворцы культуры, дворцы труда и др.), которые призваны были обслуживать население разными видами политической работы, организовывать отдых и привлекать население к культуре в виде самодеятельности. В 1925–1929 гг. дворцы культуры были построены в Ленинграде (Дворец культуры им. А.М. Горького, арх. А.И. Гегелло и Д.Л. Кричевский; Дворец культуры текстильщиков на проспекте Обуховской обороны, арх. С.И. Овсянников), Харькове (Дворец рабочего, арх. А.И. Дмитриев) и других городах. Тогда же появляются клубы в Москве, такие как клуб Союза коммунальников им. Русакова на Стромынке (арх. К. Мельников), дворец культуры ЗИЛ (арх. братья Веснины), Клуб им. Зуева (арх. И.А. Голосов) и др.⁴

Символичность этих дворцов культуры и дворцов труда заключалась, как указывал архитектор М.Я. Гинзбург, в том, что в этих проектах делалась попытка создания нового социального организма, «социальных конденсаторов эпохи»⁵.

Архитектурные конкурсы, объявленные государственными, профессиональными и хозяйственными органами и учреждениями, на праздничное убранство улиц и площадей, на памятники революционным событиям, на разработку типов народных домов, школ, изб-читален и т. п., привлекли внимание как крупных архитектурных сил, так и архитектурной молодежи. Стилем эпохи были востребованы динамизм, порядок общей организации, утилитарность технической конструкции конструктивизма вместо индивидуальных тенденций и чисто эстетического подхода к искусству⁶. Творческая молодежь 1920-х годов, проповедовавшая принципы «рационализма» в архитектуре, призывала к тому, чтобы при возведении колоссальных по размерам сооружений решались бы и утилитарные проблемы ориентации жителей в сложной системе улиц и площадей⁷. Новые тенденции в то же время соседствовали с традиционными формами и эклектичными проектами.

В 1923 г. Московским архитектурным обществом по поручению Моссовета был объявлен конкурс на проект Дворца труда на месте Охотного ряда. Проект, представленный на конкурс братьями Весниными, стал первым проектом конструктивизма с его плоскостной системой вертикалей и горизонталей, сдержанной простотой целого и деталей⁸. Проект Дворца труда И.А. Голосова отразил романтико-символические устремления начала 1920-х годов. В духе формально-символической архитектуры был выполнен проект Г. Людвига⁹.

Интересное решение задачи организации городского пространства в контексте политической целесообразности было предложено в проекте Дворца труда в Москве С.Н. Кожина (это была его дипломная работа во ВХУТЕМАС). Планировалось расположить Дворец труда «в сфере влияния главнейших артерий города, дабы идущие по ним разного рода шествия, процессии неминуемо направлялись к месту расположения Дворца Труда»; поэтому для здания была выбрана Лубянская площадь, являвшаяся одной из главных площадей Москвы, в которую вливались несколько больших улиц. Диагональное движение по площади могло быть отведено по улицам, специально для этой цели спроектированным; и тогда площадь замыкалась бы, становилась непроходимой и оказывалась как бы открытым залом – местом действия¹⁰.

Центральную часть Дворца труда – аудиторию на 8000 человек – архитектор задумал «не только как помещение, выполняющее лишь чисто парламентные функции». Этот зал в значительной степени выполнял агитационно-пропагандистскую функцию, поэтому он был сконструирован таким образом, что «передняя стенка его, выходящая на Лубянскую площадь, раскрывается (посредством подъема особых жалюзи) и зал превращается в открытый амфитеатр». Зрители, располагавшиеся в нем, по замыслу архитектора могли видеть и слышать все происходящее на площади и «с ней воедино сливаться». В то же время лицам, находящимся на площади, было бы доступно происходящее в зале: «Эстрада для оратора в зале служит, при поднятых жалюзи, трибуной для площади, причем голос оратора усиливается целым рядом радиоусилителей, расположенных на здании»¹¹. Для получения максимального впечатления предполагалось, что здание Дворца труда будет ограничивать площадь с трех сторон, оформляя ее пространство, с четвертой же стороны, для контраста с современными формами сооружения, сохранялась древняя стена Китай-города с башней и воротами.

Подступы к Дворцу труда должны были быть «засажены зелеными насаждениями, образуя парк, бульвары, и служить местом для прогулок»¹². Пространство города тем самым становилось сценой политической репрезентации власти.

В Советском Союзе идея светлого будущего находила свое выражение, в том числе и в театрализованных массовых праздничных шествиях, демонстрациях, физкультурных парадах. Они призваны были объединять массы, формировать единое целое, проникнутое чувством совместного, создавать видимость общности, где коллективизм верховенствует над индивидуальностью¹³. Во время массовых мероприятий его участники не только чувствовали себя сопричастными к делу строительства светлого будущего, но и демонстрировали свое единство с властью.

Рассматривая массовые революционные праздники как активную форму воспитания «нового человека», власть привлекала художников и архитекторов к оформлению торжеств – оборудованию трибун, декорированию городских зданий, украшению демонстраций.

При исследовании массовых праздников Комитет социологического изучения искусств, действовавший при Государственном институте истории искусств, вел учет праздников в Ленинграде с октября 1924 по октябрь 1925 г. Анализируя проведение праздничных шествий и демонстраций, исследователи отмечали, что во время шествия особенно много народа бывает на перекрестках центральных улиц. Чем ближе к центральной площади, куда устремляется демонстрация, «тем гуще и оживленнее масса зрителей». По мере продвижения колонн к центру она увеличивалась за счет зрителей¹⁴. Проблема расширения пространства могла быть решена с помощью новых приемов планировки и перепланировки городов. Архитекторы в свою очередь подчеркивали, что «планировка города должна иметь в основе идею, характер и форму, отвечающие политическому, социальному, культурному и экономическому значению данного города»¹⁵.

Одна из характерных черт архитектуры рубежа 1920–1930-х годов – тяготение к огромным размерам как зданий, так и организуемых ими архитектурных пространств (площадей, магистралей). Причем преувеличенные размеры зданий связывали с социальными-идеологическими потребностями пролетариата.

«Социалистическое переустройство такого города, как Москва, невозможно без нового его оформления, отображающего идеологию пролетариата, повышающего жизненный тонус масс, возбуждающего их трудовой энтузиазм, укрепляющего в них пафос со-

циалистической стройки, повышающего их политический и культурный уровень» – указывалось в «Справке Сектора культуры Госплана СССР о плановом художественном оформлении Москвы на базе ее социалистической реконструкции» (1931 г.)¹⁶.

Разрабатываемый в каждом районе городскими властями «Порядок проведения демонстраций»¹⁷ диктовал свои требования к архитектурной организации города. Для реализации этих задач нужны были широкие улицы и площади, вмещающие многотысячные церемониальные шествия и празднества.

В соответствии с социальным заказом архитекторы занялись проектированием зданий и ансамблей, призванных отразить «триумфальные победы социализма». Уже в первой половине 1930-х годов архитекторами было создано большое количество проектов различного рода парадных ансамблей и комплексов (здание Наркомфина, гостиница «Москва», жилой дом на Берсеневской набережной, здание Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина, Дом Совета труда и обороны и др.). Это наглядно проявилось и в архитектуре первых станций московского метро, канала Москва – Волга, ВСХВ 1939 г., павильонов СССР на выставках в Париже и Нью-Йорке. Преображается набережная Москвы-реки. В 1934 г. проекты парадной застройки набережных разрабатывали братья Веснины, М. Гинзбург, К. Мельников. Поток проектов парадных ансамблей нарастал. Они широко публиковались в печати и выставлялись в витринах магазинов для всеобщего обозрения¹⁸.

Мощь и величие монументальной архитектуры как бы подавляли все индивидуальное, частное, интимное. Особенно хорошо это видно в неосуществленных проектах, таких как Дворец Советов, разработанный Б. Иофаном, В. Щуко, В. Гельфрейхом и др. Генеральный план реконструкции Москвы имел целью сделать Москву прекраснейшим городом мира, священным центром всего прогрессивного человечества.

Это привело к тому, что существенно изменилась и направленность работы по созданию проектов планировки и застройки новых городов. Главное внимание обращалось на композицию магистралей и площадей, а строительство жилых домов и социальных объектов было отодвинуто на второй план¹⁹.

Однако быстрого превращения старых городов в новые, застроенные парадными дворцами, не получилось. С середины 1930-х годов еще более подчинив партийно-государственной идеологии архитектуру и городское строительство, власти принялись создавать «новые» парадные ансамбли не столько за счет реального строи-

тельства новых сооружений, сколько за счет сноса «идеологически чуждых» объектов прошлого, выпрямления и расширения улиц. Так, например, общеизвестна легенда о попытке снести храм Василия Блаженного, который, по мнению партийных и городских властей, мешал проведению парадов и прохождению колонн демонстрантов по Красной площади в дни государственных и революционных праздников.

На VII пленуме правления Союза советских архитекторов (июль 1940 г.), посвященном пятилетним итогам реконструкции Москвы, в выступлении представителя отдела охраны памятников архитектуры при Мосгорисполкоме архитектора Г. Крутикова прозвучало предостережение против увлечения сносом. Поднимался вопрос о чрезмерной ширине улиц и необъятных размерах проектируемых площадей. Крутиков убеждал, что эти чрезмерные величины являются экономически невыгодными для города и грозят гибелью ценным памятникам²⁰.

Несмотря на то что вопросы строительства новых городов и реконструкции старых были «поставлены во весь рост перед советским архитектором», архитектурному оформлению города в целом и его основным элементам (площадь и улица) уделялось недостаточно внимания. Считалось, что «улица через динамику архитектурных масс должна ориентировать зрителя в отношении центра и периферии, точно так же как площадь и система площадей должна строиться по принципу архитектурного подчинения центру». Планировалось, что реконструкция Москвы в короткий срок даст удвоение городской территории, что приведет к тому, «что улица и площадь новой Москвы приобретут и новое содержание, став местом революционного действия и культурного отдыха трудящихся»²¹.

Профессор С.Е. Чернышев считал вполне оправданным сформировать из четырех центральных площадей Москвы сквозную анфиладу. В результате площади Ногина, им. Дзержинского, Свердлова и Революции должны были составить «как бы подступы, где будут накапливаться мощные потоки демонстрантов для движения по широкому и красиво оформленным проездам на Красную площадь и далее к величайшему сооружению нашей эпохи Дворцу Советов»²².

Красная площадь расширялась вдвое за счет сносимого по плану здания ГУМа. Соответственно территория Китай-города окончательно очищалась от мелкой застройки²³.

Постепенно был осуществлен и целый ряд дополнительных мероприятий, касающихся организации архитектурного пространства Красной площади. Все они, без исключения, носили

символический, а не эстетический характер: были уничтожены Иверская часовня и Воскресенские ворота, перенесен к Покровскому собору памятник Минину и Пожарскому. Все это было сделано с единственной целью – создать символическое единство Красной площади и возведенного на ней мавзолея Ленина²⁴. В завершенном виде Красная площадь представляет собой пример глубинно-пространственной композиции. Пространство площади ограничивается архитектурными сооружениями. С одной стороны – храм Василия Блаженного, замыкающий площадь с торцовой ее части, с другой стороны – фронт братских могил, трибуны и мавзолей Ленина (как главный элемент площади) на фоне кремлевской стены²⁵.

Небольшая на первый взгляд площадь в дни революционных и государственных праздников вмещала в себя тысячные колонны демонстрантов и физкультурников.

Первые парады физкультурников проводились на Ходынском поле, однако вскоре в связи с осознанием роли физкультурного движения для политического воспитания населения с целью проведения физкультурных парадов было принято решение построить Международный Красный стадион на Воробьевых горах. В это время спортивные мероприятия становятся не просто соревнованиями, а политической акцией. Появляется новый тип городского строительства – строительство стадионов как монументальных комплексов. Международный Красный стадион так и не был достроен (хотя отдельные «массовые действия» там проводились), а вот стадион «Динамо» (арх. А. Лангман и Л. Чериковер) был построен в 1928 г. для проведения Всесоюзной спартакиады как альтернативы проводившейся в это время Олимпиаде в Амстердаме²⁶. Включение физкультурных парадов в сценарий Первомайских праздников привело к тому, что в этот день Красная площадь превращалась в огромный стадион, на котором демонстрировались «сила и ловкость молодых строителей коммунизма». Так было выражено возрастание политической роли мероприятий, включаемых в соответствующий архитектурный контекст.

Задачи архитектурного оформления города постоянно обсуждались в ходе конкурсов и выставок, в которых участвовали все архитектурные общества и архитекторы-«единоличники». Одним из таких конкурсов был конкурс 1931 г. на архитектурное оформление площади, согласованное с общей планировкой Москвы и возможностью ближайшего осуществления проекта. Но так как к моменту объявления конкурса материалов по планировке Москвы было недостаточно,

а проекты по планировке площадей совершенно отсутствовали, то конкурсное задание пришлось рассматривать шире – как идею, «какой должна быть площадь после реконструкции Москвы»²⁷.

Молодые архитекторы И. Леонидов, И. Ермилов, И. Кузьмин, Л. Павлов (бригада ОСА) предлагали решение площади Серпуховской заставы как площади массового действия. Причем идея площади была достаточно абстрактной, применимой к любому городу. Критики проекта были возмущены тем, что авторы, исходя только из функциональной организации, не указали, «куда должна ориентироваться демонстрирующая масса, идущая на Красную площадь. Какими другими способами, если не архитектурными, можно организовать движение масс на площади?»²⁸.

А вот проект площади заставы Ильича архитекторов А. Алимова, А. Бунина и В. Долганова (бригада АСНОВА-ВОПРА) был решен с учетом планировочных установок по реконструкции Москвы и трактовался как «подрайонный» центр, пропускающий демонстрации, идущие по системе камер-коллежских валов²⁹. Согласно проекту, главная часть площади, «хорошо расположенная по ходу демонстраций, имеет зеленые земляные трибуны для митингов, приветствий, отдыхающей публики, обслуживаемой радиоустановками, и соединяется с тихой площадью путем открытого перехода, минуя, таким образом, пересечения улиц»³⁰. Ее пространственное построение ориентировалось на шоссе Энтузиастов как главную артерию, по которой проходят демонстрации на Красную площадь. Отмечалось, что архитектурное оформление было организовано по принципу нарастания и усложнения зданий в сторону центра, как в архитектурном, так и в функциональном отношении. Кроме того, в проекте был проработан и вопрос вечернего освещения прожекторами, укрепленными на специальных мачтах³¹.

Своеобразными пропилеями площади Дворца Советов должны были служить специально устанавливаемые парные скульптурные монументы основоположникам научного коммунизма Карлу Марксу и Фридриху Энгельсу. Вдоль ее планировочных границ размещались украшенные колоннами трибуны, многочисленная скульптура, фонтаны. Сам же Дворец Советов изначально рассматривался как величественное здание, «около которого должны разыгрываться грандиозные массовки»³².

Система городского пространства организовывалась под влиянием социально-политической среды и являлась одним из способов репрезентации властных дискурсов. Информация, заложенная в архитектурных объектах, структурировала социальную

реальность, создавала механизмы коммуникации. Визуально конструируемое пространство советского города 1920–1930-х годов использовалось властью как для собственной легитимации, так и для репрезентации и пропаганды себя и своего видения прошлого, настоящего и будущего.

Примечания

- ¹ См.: *Докучаев Н.* Архитектура и планировка городов // Советское искусство. 1926. № 6. С. 10–11.
- ² Там же. С. 13.
- ³ *Докучаев Н.* Современная русская архитектура и западные параллели // Советское искусство. 1927. № 2. С. 10–11.
- ⁴ См.: *Кириков Б.М., Штиглиц М.С.* Архитектура Ленинградского авангарда: Путеводитель. СПб.: Коло, 2008. С. 94, 147; Архитектура рабочих клубов и дворцов культуры. М.: Государственное издательство литературы по строительству и архитектуре, 1953. С. 7–11; *Четкунова И.* Клубы, построенные по программе профсоюзов: 1927–1930. М., 2006. С. 4.
- ⁵ *Гинзбург М.Я.* Итоги и перспективы // Современная архитектура. 1927. № 4–5. С. 118.
- ⁶ См.: *Докучаев Н.* Современная русская архитектура и западные параллели // Советское искусство. 1927. № 1. С. 9.
- ⁷ См.: Известия АСНОВА (Известия Ассоциации новых архитекторов). 1926. № 1. Цит. по: *Докучаев Н.* Современная русская архитектура и западные параллели // Советское искусство. 1927. № 2. С. 12.
- ⁸ См.: *Гинзбург М.Я.* Указ. соч. С. 112.
- ⁹ См.: *Хигер Р.* Романтико-символические поиски в советской архитектуре двадцатых годов (Илья Голосов) // Советская архитектура. 1970. № 19. С. 158.
- ¹⁰ См.: *Кожин С.Н.* Проект «Дворца Труда СССР» в Москве: Дипломная работа ВХУТЕМАС // Современная архитектура. 1926. № 4. С. 107.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же.
- ¹³ См.: *Гюнтер Х.* Тоталитарное искусство как синтез искусств // Соцреалистический канон: Сб. статей / Под общ. ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000. С. 8.
- ¹⁴ См.: *Сулович Р.Р.* Зритель массового праздника // Массовые празднества: Сб. Комитета социологического изучения искусств. Л., 1926. С. 190–195.
- ¹⁵ *Докучаев Н.* Архитектура и планировка городов. С. 16.
- ¹⁶ Справка Сектора культуры Госплана СССР о плановом художественном оформлении Москвы на базе ее социалистической реконструкции // художе-

ственная жизнь Советской России: 1917–1932: События, факты, комментарии: Сб. материалов и документов / Отв. ред. В.П. Толстой. М.: Галарт, 2010. С. 353.

- ¹⁷ См., например: Маршрут и инструктивные указания по подготовке и проведению Первомайской демонстрации / Сталинский район. Первомайская комиссия. М., 1932; Маршрут и инструктивные указания по подготовке и проведению первомайской демонстрации 1933 г. Первомайская комиссия. Сталинский район. М., 1933; Порядок проведения первомайской демонстрации 1935 г. Ленинского района г. Москвы. М., 1935; Маршрут и инструктивные указания по подготовке и проведению Октябрьской демонстрации 1936 г. М., 1936; Москва. Москворецкий район. Комиссия по проведению празднования 1 мая. Порядок первомайской демонстрации 1937 г. Москворецкого района г. Москвы. М., 1937; и др.
- ¹⁸ См.: *Хан-Магомедов С.О.* «Сталинский амфир»: проблемы, течения, мастера // *Архитектура сталинской эпохи: Опыт исторического осмысления* / Сост. и отв. ред. Ю.Л. Косенкова. М.: КомКнига, 2010. С. 12, 17.
- ¹⁹ Там же. С. 12.
- ²⁰ Там же. С. 13.
- ²¹ *Букин А., Круглова М.* Архитектурное оформление города // *Советская архитектура*. 1931. № 3. С. 41.
- ²² Цит. по: *Чекмарев В.М.* Сталинская Москва: Становление градостроительной темы «мировой коммунистической столицы». М.: URSS, 2012. С. 68.
- ²³ Там же.
- ²⁴ См.: *Федоров В.В., Коваль И.М.* Мифосимволизм архитектуры. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. С. 143.
- ²⁵ См.: *Кринский В.Ф., Ламцов И.В., Туркус М.А.* Элементы архитектурно-пространственной композиции. М.: Изд-во литературы по строительству, 1968. С. 113–114.
- ²⁶ См.: *Моряков В.* Стадион Динамо – 80: очерки истории. М., 2009.
- ²⁷ *Букин А., Круглова М.* Указ. соч. С. 41.
- ²⁸ Там же. С. 41–42.
- ²⁹ Там же. С. 45.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же.
- ³² *Чекмарев В.М.* Указ. соч. С. 68.

А.Л. Зверев, С.Ф. Ахматнурова

ОПТИКА ВОСПРИЯТИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ

Данная статья посвящена анализу характерных черт восприятия общественностью современной российской политики. Анализируются ключевые особенности восприятия отдельных политических институтов и имеющихся образов российской власти и государства. В статье делается акцент на персонификационной модели социальной перцепции современного российского политического пространства. Проводится сравнительный анализ существующих образов власти и оппозиции в оптике восприятия общества. Определяются причины слабой востребованности оппозиции в современном российском политическом ландшафте.

Ключевые слова: политическое восприятие, политический институт, персонификация, политическая власть, политическая оппозиция, политические ценности.

Оптика политического восприятия, существующая в массовом сознании общественности, формирует то, что принято называть образами современного пространства политики. В сознании гражданина они создают политические представления, которые в дальнейшем и определяют оценку происходящих вокруг политических событий, а также оказывают серьезное влияние на политический выбор избирателя во время процедуры голосования. Проводимые кафедрой социологии и психологии политики МГУ им. М.В. Ломоносова многолетние опросы общественного мнения, активное участие в которых принимают и авторы данной статьи, показывают, что для большинства граждан современная российская политика – это сфера, воспринимаемая как отдельная от их непосредственного общественного опыта часть окружающего их мира, существующая в параллельной им социальной реальности. Вследствие этого в символической структуре их картины мира

политическая система представлена в образе «чужой», непонятной для них реальности, а ее представители наделяются часто негативными семантическими характеристиками. Возможно, такая репрезентация современного мира российской политики связана с тем, что, как выразился один респондент, характеризуя ее, «политика – это Путин». Именно В.В. Путин часто является единственной публичной фигурой российской политики, представляющей в ней субъектность, в иных случаях российская политика характеризуется абстрактными понятиями: «грязное дело», «игры», «ложь», которые больше относятся к аффективно-оценочной характеристике, нежели чем к рефлексии, рационализирующей место российской политики и ее роли в социальной природе современного бытования респондента.

При этом в оценках респондентов наблюдаются и идеалистические представления, характеризующие скорее то, какой российская политика должна была быть, нежели то, какая она есть сейчас. По их мнению, она должна быть ответственной и, самое главное, она должна проводиться в рамках существующего правового поля. Что же касается оценки характера типологии политической системы исходя из осуществляющегося ее взаимодействия с обществом, то почти $\frac{3}{4}$ респондентов не считают ее демократической, но при этом большинство в своих идеально-типических политических взглядах хотели бы, чтобы она была таковой. Как мы видим, сегодня в политических представлениях российских граждан существует зазор между тем, какой должна быть наша политическая система, и тем, какой она является на самом деле.

В институциональном плане восприятия сферы российской политики акцент явно смещен на институт президентства, так как именно с этим институтом связываются практически все принимаемые в стране властные решения. Да и в современном публичном российском пространстве, как это было показано ранее, существует лишь одна фигура – президента В.В. Путина, единолично определяющего политический курс современной России. Институт парламентаризма в том виде, в котором он существует в современной российской политике, сегодня слабо фиксируется в оценках граждан и в структуре восприятия ими существующих ответственных политических институтов. Подобный низкий статус образа парламентаризма в структуре политических образов россиян может быть объяснен их низкой информационной компетентностью в том, чем же на самом деле занимается парламент, в чем состоят его законодательные, представительные и контрольные функции и по каким вопросам гражданам нужно обращаться к депутатам, а по каким –

к представителям органов исполнительной власти. К тому же смещенный в нашей политической системе акцент на исполнительную вертикаль власти фактически низводит институт парламентаризма до второстепенного, мало что решающего в политическом плане актора. То же относится и к судебным институтам и институтам региональной власти и местного самоуправления. Непривлекательностью в оценках респондентов пользуется и институт политических партий. Они воспринимаются как слабые, пассивные, неагрессивные, а зачастую беспомощные акторы современной российской политики. Большое влияние на восприятие института политических партий оказала дискредитирующая информационная кампания оппозиции в отношении «партии власти» по ее антибрендингованию в качестве «жуликов и воров». В основном характер восприятия современных политических партий сводится к оценке респондентов: «не знаю такую партию» либо это «мертвая партия» или «беззубая и проплачиваемая оппозиция». Налицо непонимание предназначения многих политических институтов и вследствие этого сильно выраженные негативные оценки их функционирования в современном российском политическом пространстве. Фактически все политические институты сегодня воспринимаются в тени основного института президентства, определяемого в качестве единственно нормально функционирующего в современной российской политике.

Таким образом, значительную роль в оптике социальной перцепции общественностью современного российского политического пространства играет персонификационная модель, в рамках которой меньшее значение имеет функциональная семантика политического института для социума, а в большей мере – отношение общественности к конкретной личности политика, представляющего этот институт. В этой ситуации возрастает роль посредников в виде СМИ, от которых зависит характер представленных общественному мнению интерпретаций по поводу принятого решения и озвученных через СМИ оценок экспертов, разъясняющих суть политических новаций. И везде при восприятии сообщений о политике ключевую роль играют также те, кто их озвучивает (сами политики, журналисты, эксперты), так как в ситуации, когда реципиент не компетентен в области сообщаемой ему информации, он ориентируется в процессе восприятия новости на личность того, кто ему сообщает о ней, руководствуясь при этом возникающим или не возникающим доверием к личности информанта.

Персонифицированный характер восприятия политики также обусловлен тем, что действия политических акторов социальны по

своему характеру и имеют существенные последствия для множества людей, потому что, как справедливо отмечает А.И. Соловьев, политический лидер – это институт, связанный отношением ответственности перед населением¹, и эти отношения опять-таки чаще всего осуществляются через СМИ. Особая медиазависимость современного политического пространства превращает его в публичный феномен, в котором личностные качества сообщаемого являются ключевыми, что делает ведущим фактор персонифицированного восприятия мира современной российской политики.

Третий срок президентства В.В. Путина стал возможным благодаря отсутствию в современном российском политическом пространстве других ярких харизматических политических лидеров. Во многом политическое долголетие В.В. Путина объясняется одновременно силой, активностью и привлекательностью как его самого, так и проводимой им политики, которая вызывает симпатию у российской общественности, но также и слабостью представителей оппозиции, которые, во-первых, не могут внутри себя найти лидера, способного объединить все оппозиционные силы под своим руководством, во-вторых, в собственной политике следуют принципу, построенному исключительно на критике действующей власти, без предложения пошагового алгоритма реализации своего альтернативного политического курса, в-третьих, многие оппозиционеры засветились в СМИ как несамостоятельные политики, а лоббирующие интересы западных стран, что в условиях наметившегося серьезного цивилизационного противостояния России и Запада несет серьезные репутационные потери для этого сегмента оппозиционных сил. Сегодня оппозиция в стране делится как бы на две части: системную, представители которой имеют свою фракцию в Госдуме, и несистемную, зачастую радикальную. Но лидеры оппозиции как того, так и другого сегмента не пользуются особой поддержкой со стороны граждан.

Так, по данным ВЦИОМ, на июнь 2014 г. наибольшее доверие среди оппозиционеров имеют Г.А. Зюганов (лидеру КПРФ доверяют 6,7 %) и В.В. Жириновский (у лидера ЛДПР рейтинг доверия 6,3 %). Результаты остальных оппозиционеров фиксируются в районе 1 % поддержки населения. Лидером «народного антирейтинга» в среде оппозиции стал В.В. Жириновский, недоверие которому выражают 20,6 % российских граждан. Для сравнения антирейтинг Г.А. Зюганова составляет всего 8,4 %. А вот степень доверия к лидерам несистемной российской оппозиции колеблется в районе чуть выше нулевой отметки: у М.Д. Прохорова 0,7 %, а у проявляющего иногда свою харизму А.А. Навального – всего 0,1 %². Таким обра-

зом, рейтинги лидеров так называемой старой оппозиции снижаются, «новой» – чуть больше нуля.

Причин такой слабой востребованности представителей оппозиции в современном российском политическом пространстве несколько. Во-первых, к представителям «старой» оппозиции уже привыкли и не ждут от них новых программных инициатив или реформирования их деятельности под изменяющиеся задачи складывающейся политической ситуации в стране. К тому же лидеры системной оппозиции давно руководят партиями, и в силу увеличивающегося возраста они теряют свою внешнюю привлекательность, а многие еще и тормозят процесс обновления в партии, не учитывая изменяющуюся политическую конъюнктуру.

Во-вторых, представители «новой» оппозиции пугают своими крайностями. Если А.А. Навальный чутко уловил болезненный пульс проблемы коррупции во власти и сумел в ходе своей информационной кампании произвести успешное антибрендинг «партии власти» как партии «жуликов и воров», то позже его агрессивная риторика, выявленные связи с западной политической элитой и самое главное – обнаружение того, против чего он сам выступал (подтвержденные в суде факты коррупции, когда сам А.А. Навальный был заместителем губернатора Кировской области), резко изменили восприятие оппозиционера в общественном мнении, и он во многом потерял приобретенный ранее авторитет борца с коррупцией. М.Д. Прохоров делал ряд громких заявлений об изменениях прежде всего в управлении современной российской экономикой и об избавлении от природно-ресурсной зависимости хозяйственной жизни страны, что стало восприниматься образованными, с определенным достатком жителями больших городов как реальная альтернатива В.В. Путину на президентских выборах 2012 г. Но отказ М.Д. Прохорова от целого ряда политических проектов, прежде всего участия в выборах мэра г. Москвы 2013 г., его уход из созданной им же «Гражданской платформы», а также нереализация проекта народного «Ё-мобиля» сформировали в сознании граждан образ непоследовательного политика, неспособного доводить начатое до конца, что в сочетании с отсутствием харизмы понизило нынешний рейтинг уровня доверия М.Д. Прохорова практически до нулевой отметки.

В-третьих, может быть, самое главное: имеющиеся противоречия в оппозиции настолько остры, что не позволяют ей создать более-менее устойчивую коалицию вокруг какого-либо яркого представителя вследствие отсутствия такового и/или выдвинуть идеи, спланирующие широкие социальные группы общества. Потому ны-

нешняя российская власть может пока чувствовать себя спокойно из-за слабости оппозиции и невозможности ею агрегировать интересы большинства населения, что способствовало бы возникновению реальной острой конкурентной борьбы за власть. Более того, сегодня в рамках российской политики наблюдается процесс аккумуляции практически всего существующего в ней символического капитала вокруг фигуры лидера страны В.В. Путина, что делает его доминирующим актором в современном российском политическом пространстве.

Специфика восприятия современной российской власти как объекта политического образа заключается в следующем: если деятельность отдельных представителей власти, прежде всего президента В.В. Путина, оценивается либо позитивно, либо нейтрально, то обобщенный образ власти вызывает поляризованную, эмоционально окрашенную реакцию – сугубо позитивную или резко отрицательную. Чаще всего исследования кафедры социологии и психологии политики МГУ показывают, что респонденты считают власть в России коррумпированной, авторитарной, монархической, «недемократией», которая для многих носит закрытый характер. Типичными характеристиками российской власти в глубинных интервью респондентов являются следующие их суждения: «Это люди из космоса, которые настолько далеки от реальности, что не хотят менять что-то в стране, их все устраивает»; «Поскольку все так завуалировано и до нас, до простого народа... простых обывателей, наблюдающих со стороны, доходит только 2–3 % информации, да и то не факт, что она достоверна, поэтому тут говорить трудно». Позитив же в оценке власти заключается в том, что она обеспечивает стабильность существования граждан и даже прислушивается к ним, как это делает В.В. Путин. В целом же политическая власть в стране оценивается гражданами как необходимый и важный элемент современной политики, базирующийся на юридически закрепленной силе, что необходимо для недопущения разобщенности регионов в таком сложном полиэтническом дизайне современной России, уровней и ветвей власти, развития кооперации и оптимизации отношений внутри нации. Сама объектность власти характеризуется в оценках респондентов всеобъемлющей чертой с типичной обывательской оценкой: «власть – все, кто наверху» – и с соответствующим отношением к оппозиции; для большинства она либо вообще не играет какой-либо роли в политике, либо играет роль весьма незначительную.

Иная характеристика объектности власти состоит в непрозрачности субъектов ее осуществления, что усиливает ощущение

у граждан теневого характера властных акторов, которые на самом деле принимают важные решения в стране. Все это порождает отчужденность граждан от существующей в стране власти. Наконец, в оценках респондентов во многом превалирует абстрактность в содержании образов власти, которая сводится к стереотипному ее восприятию на уровне бессознательного. Общее отношение граждан к современной российской власти можно охарактеризовать как «поддержку конкретному властному лицу в условиях недоверия ко всему институту власти». Подобная амбивалентность также может быть объяснена тем, что, с одной стороны, граждане понимают институт власти в обществе как всеобъемлющий аппарат, основывающийся исключительно на силе закона, а с другой стороны, наблюдается усиливающаяся тенденция абсентеизма из-за убежденности в том, что любые избранные органы власти неэффективны в собственной деятельности.

У государства как у объекта восприятия важен прежде всего идентификационный потенциал, проявляющийся в способности объединить вокруг имеющихся национальных интересов всех граждан страны и сконструировать общую национально-государственную идентичность. Это проявляется в выработке для граждан адекватного ответа на вопросы: в каком государстве они живут? где оно локализовано географически и близко в данном контексте к понятию страны, с определением того, где проходят пространственные границы государства? как организованы его политическая и экономическая системы? какие ценности разделяют его граждане? Статусный компонент объекта восприятия государства позволяет определить местоположение государства, в котором живут граждане, на международной арене и его отношения с другими государствами. Рольевой компонент объекта восприятия помогает продемонстрировать исполнительский репертуар функций, который может взять на себя государство. Важным компонентом объекта восприятия государства также является государственный аппарат, который в оценках респондентов часто представляется как единый и сильный и в целом олицетворяет власть государства. Последние события, происходящие на Украине, актуализировали державный компонент в национально-государственной идентичности российских граждан, которая хотя бы на время смогла соединить все выделенные компоненты объекта восприятия государства, что и стало во многом причиной практически единодушной поддержки россиянами факта воссоединения Крыма с Россией. Стоит особо отметить, что во многом представления о современном российском государстве вырабатывались исходя из опыта социализации, многие его получили еще в советский период жизни и потому державные ностальгические

настроения о сильном могущественном государстве, претендующем на статус супердержавы, близки большинству российских граждан. Из-за этого последние события – успешное проведение Олимпиады в Сочи и победа на ней наших спортсменов, а также воссоединение с Крымом – многими гражданами были восприняты как возврат к ранее утраченному государством статусу одной из передовых стран мира.

Кроме того, большинство хотят видеть в образе государства «твердую руку», выражающую запрос на государственную поддержку. Об этом говорят результаты социологических исследований. В аналитическом докладе Института социологии РАН 2013 г. приводятся следующие цифры: 84 % опрошенных считают, что граждане без поддержки государства не выживут, поэтому оно должно оказывать им поддержку и помощь, и лишь 13 % считают, что не стоит ждать помощи от государства, нужно заботиться о себе самим; 69 % опрошенных считают, что России необходима «твердая рука», которая наведет в стране порядок; 61 % высказались за проведение перемен «сверху», «жесткой рукой»; только 32 % поддерживают перемены «снизу», которые опираются не на власть, а на инициативных людей, при этом 61 % считают, что стабильность важнее, чем реформы и перемены³. Таким образом, сообщения, декларирующие патерналистские ценности, с большей вероятностью находят отклик у избирателей. Г.П. Артемов говорит о том, что большинство семей с низкими доходами связывают свои ожидания в первую очередь с государством, а не с собственной активностью и проявлением предприимчивости, они ждут от власти распределения экономических благ в зависимости от проделанной работы⁴. Такое социальное иждивенчество российского социума делает его зависимым от выбираемого политического курса руководства страны и заставляет заключать социальный контракт с действующей властью, согласно которому общественность готова дать карт-бланш государству в определении дизайна всех имеющихся общественных коммуникаций и проводимого политического курса, но взамен требует прежде всего социально ориентированной поддержки, обеспечивающей более-менее достойное существование различных групп населения страны.

Т.В. Евгеньева, анализируя тему социальной ответственности государства, рассуждает о том, каким образом люди реагируют на кризисное состояние общества, угроза которого все более возрастает для нашей страны в связи с событиями, связанными с Украиной. Она выделяет две модели:

1) в первом случае индивид полностью переориентируется на бытовые проблемы, семью, живет «одним днем». На передний план в данном случае выходят потребности в безопасности и потребно-

сти материальные. Причем ответственность за их реализацию возлагается на государство;

2) во втором случае личность, напротив, обращается к неким «высшим» ценностям, «воспринимаемым чаще всего в упрощенной, стереотипизированной форме, придающим внешнюю осмысленность ежедневному существованию»⁵.

Похоже, пока самочувствие российского социума входит в рамки первой обозначенной нами модели. И актуализируемые ценности защиты и безопасности в данном контексте коррелируют с поддержкой существующего порядка вещей и на выборах выражаются в поддержке действующей власти и настоящего политического устройства. Это и было продемонстрировано на последних региональных выборах, прошедших осенью 2014 г., когда поддерживаемые властью кандидаты в губернаторы, в депутаты региональных и местных парламентов уверенно победили во всех регионах страны. Избиратели в ходе текущего внешнеполитического кризиса в Украине оказали власти поддержку, боясь потерять то, чем в настоящее время общественность обладает, и что, как им кажется, может гарантировать действующая политическая власть в стране, на фоне неясно выраженных конкретных программных положений и очень туманных для большинства граждан перспектив, предложенных на этих выборах кандидатами от оппозиции, не снявших чувства страха о возможной потере относительного благополучия, ощущаемого сегодня большинством граждан.

Таким образом, современное отечественное политическое пространство своеобразно преломляется в оптике российского массового сознания, в котором ярко выражена персонификационная репрезентация политического ландшафта, где действия конкретных политиков более важны для граждан, нежели текущее функционирование политического института, представляемого ими. При этом персонифицированный образ российской власти в лице В.В. Путина вызывает высокий уровень доверия у многих граждан, а вот сам обобщенный образ ландшафта власти, как и конкретные ее институты, вызывает поляризованную, зачастую эмоциональную реакцию.

Примечания

¹ См.: *Соловьев А.И.* Политология: Политическая теория и политические технологии. М., 2000.

² См.: Рейтинги доверия политической оппозиции. Пресс-выпуск № 2603 [Электронный ресурс] // Всероссийский центр изучения общественного мнения. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114856> (дата обращения: 18.09.2014).

- ³ См.: Дифференциация гражданских и политических практик в России: институциональная перспектива. М.: Ин-т социологии РАН, 2013.
- ⁴ См.: *Артемов Г.П.* Политическая социология. М.: Логос, 2002 [Электронный ресурс] // Библиотека Гумер. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/artem/index.php (дата обращения: 18.09.2014).
- ⁵ *Евгеньева Т.В.* Культурно-психологические основания формирования образа «другого» в современной России // «Чужие» здесь не ходят: Радиальная ксенофобия и политический экстремизм в социокультурном пространстве современной России. М., 2004.

КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ ПОСТМОДЕРНА В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Статья посвящена теоретическому осмыслению постмодерна в качестве социокультурных изменений, отражающих сдвиг в базовых ценностях людей индустриальных и постиндустриальных обществ. Культурные изменения, связанные с ценностями постмодерна, позволяют определить тенденции в развертывании современных политических трансформаций. Анализируются различия постмодернистских подходов применительно к проблеме ценностных оснований конструирования смыслов в социально-культурном и политическом пространстве.

Ключевые слова: модерн, постмодерн, постмодернизм, постиндустриальное общество, политическое пространство, культурные ценности, постматериальные ценности.

В научной литературе используются два основных значения категории «политического пространства»: как территории политической организации, на которую распространяется влияние политических субъектов, и как одного из видов социального пространства, которое фиксирует политические различия, закрепляющие политическую иерархию в обществе и дифференциацию политических позиций¹.

Система различий в политическом пространстве, с одной стороны, проявляется в многообразии и несходстве политических ролей, идеологических позиций, ценностных ориентаций и паттернов политического поведения. Они организуют и закрепляют традиции воспроизводства политической жизни различных социальных групп. С другой стороны, различия существуют благодаря представлениям об однотипных нормах и правилах политического поведения, конструирующих различия между ними².

Качественной особенностью современного политического пространства является его многомерность, обусловленная различиями в положениях индивида в системе политических отношений. В рамках широкого политического пространства можно выявить множество полей, выражающих определенные устойчивые разграничения между индивидуальными и коллективными субъектами в процессе осуществления политических и властных отношений. Так, политическое поле (или «поле политики», складывающееся в ходе взаимодействий политических акторов – по Бурдьё) формируется ограниченным числом социальных параметров, задающим границы и контуры этого поля. Возникновение различий, по мнению П. Бурдьё, сопровождается стремлением индивидов закрепить эти различия в физическом пространстве, в иных сферах публичной и частной жизни.

Институциональная основа различения дополняется символической – это может быть пространство политических взглядов, идеологий, политических и/или ценностных суждений³. В соответствии с тем, какая проблема интересует ученого, для него будет важным выявление распределения в обществе ограниченного набора параметров, позволяющих моделировать и описывать политическое пространство по значимым для исследовательских задач основаниям.

В данной статье внимание обращено на знаково-символическое наполнение политики в виде культурных ценностей. Проблема ценностных ориентаций позволяет моделировать пространство как соотношение совокупностей людей, ориентированных на определенные системы ценностей. Культурные ценности формируют индивидуальные и групповые убеждения, цели и действия. Социально-политические институты и нормы отражают лежащие в их основании ценности культуры⁴. Преобладающие в обществе культурные ценностные ориентации представляют собой идеалы, способствующие взаимосвязи между различными сторонами жизни социума⁵.

Постмодернизм в самом общем виде предстает в качестве совокупности способов осмысления постмодерна, которые находят выражение в многообразных концепциях, основанных на идеях недетерминизма, отказе от феномена внешней причинности, изучении нелинейной социокультурной динамики, процессов самоорганизации социума. Также это теории, интерпретирующие «процессы виртуализации социума, возникновения симулякров, нового мифотворчества, производства нарративов»⁶.

Под постмодерном в данном случае понимаются социокультурные изменения, происходящие в процессе трансформации ин-

дустриального общества в постиндустриальное⁷. Другими словами, ситуация постмодерна характерна для постиндустриальных обществ. Современное постиндустриальное (информационное) общество – либерально-демократическая модель завершения программы модернизации и перехода ее на следующую ступень развития⁸. Адекватное реалиям глобального мира осмысление ценностного измерения современного политического пространства представляет проблему, определяющую содержание постмодерна в контексте ориентированных на европейскую рациональность традиций модерна⁹.

При таком подходе понимание постмодерна основывается на сравнении с теми идеями и ценностями, которые модерн отрицает или поддерживает. К примеру, концепция единого ценностного ядра в модерне противостоит представлениям о множественности модернов, где конкретный модерн имеет локальное социокультурное содержание, детерминированное культурными факторами¹⁰. Эта дилемма свойственна постмодернистскому мышлению – незападный постмодернизм отстаивает идею множественности постмодернов исходя из «дисхроноза природной и социальной эволюции»¹¹. По выражению Э. Гидденса, глобализационные тенденции постмодерна являются причиной возрождения национально-культурных идентичностей¹².

Так, анализ культурных ценностей в плоскости постмодерна обращен к нескольким проблемам: рефлексии по поводу методологических антагонистов – глобализации (формирование универсального культурного контекста) и локализации (делающей акцент на уникальности и культурных отличиях разных регионов), а также определению места постмодернистских представлений и установок в процессе изменения ценностей.

По мнению Э. Гидденса, в условиях постмодерна обостряются отношения ценностных систем, расположенных на разных уровнях *закрытости/открытости*. Закрытые системы тяготеют к «сохранению и не способны эффективно обмениваться ресурсами с другими «инородными» культурными ценностями»¹³. Они проявляют враждебность к открытым системам. Однако современный глобальный мир, согласно Т. Фридману, становится все более открытым, динамичным и «плоским»¹⁴. Как отмечает У. Бек, все большее количество прежде культурных регионов успешно адаптируются к ценностям позднего, или «второго», модерна, выходящего за историко-культурные границы¹⁵.

Трактовка ценностей постмодерна как универсальных и действующих в любых культурных контекстах вполне сочетается с

установками о «фрагментации знания, отказе от глубоких теоретических дискурсов и, наконец, о примате собственных, субъективных ощущений и устремлений»¹⁶.

Основные теоретические дискуссии по вопросу об изменении культурных ценностей в развитых индустриальных странах развернулись вокруг теории, представленной американским социологом Рональдом Инглхартом в работе «Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества» и книге, написанной им в соавторстве с Кристианом Вельцелем, – «Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития»¹⁷. Исследования, проведенные Р. Инглхартом, позволяют определить постмодерн как постматериалистическое состояние мира ценностей. В его работах дан подробный анализ зависимостей между макроуровневыми характеристиками – такими как существование демократических институтов на социетальном уровне, и микроуровневыми – такими как наличие между индивидами доверия, повышение роли постматериальных ценностей и уровня субъективного благополучия. Центральный компонент концепции Инглхарта – противопоставление материалистических и постматериальных ценностей. Под ценностями «материализма» подразумевается предпочтение физической и психологической безопасности, а под ценностями «постматериализма» – подчеркнутое значение принадлежности к группе, самовыражения, качества жизни и субъективного благополучия. Р. Инглхарт использует в своем анализе два измерения кросскультурной вариативности: 1) традиционные – секулярно-рациональные ценности; 2) ценности выживания – ценности самовыражения. Вместе эти два измерения позволяют определить место каждой страны в пространстве кросскультурных различий. Так, процесс индустриализации сопряжен с переходом от традиционных ценностей к секулярно-рациональным¹⁸, а измерение «ценности выживания/самовыражения» связано с ростом постиндустриального общества и отражает такие его ключевые ценности, как субъективное благополучие, толерантность, доверие, гражданская активность. Динамика ценностей демонстрирует сдвиг в культурной сфере – в обществах с высоким уровнем жизненной защищенности начинают преобладать ценности самовыражения, что приводит к все большей эмансипации людей от власти, сокращению масштабов политической мобилизации, направляемой элитами, и росту неортодоксальных форм политического протеста¹⁹. Рационализации власти в индустриальном обществе противопоставлена эмансипации от нее в постмодерне.

Одно из российских исследований по методике Инглхарта, опирающееся на концепцию перехода от материалистических ценностей к ведущей роли постматериалистических, было проведено А.В. Андреевской. Согласно этим исследованиям, большинство граждан в России привержены скорее материалистическим ценностям, что обусловлено почти полным отсутствием плоскости ценностей экономической безопасности/идеологии «зеленых». Близкой к России по этим показателям являются наименее экономически развитые страны Европы – Австрия, Греция, Португалия. Результаты исследования свидетельствуют в пользу гипотезы Инглхарта о том, что социально-экономическое развитие подталкивает страны в одном и том же направлении, независимо от их культурного наследия²⁰. Экономический рост обеспечивает более высокую степень материальной, социальной, информационной защищенности человека. Эти перемены способствуют реформированию индивидуальных убеждений и ценностей. Однако значительнее всего изменения затрагивают те поколения, чье личностное становление прошло в новых условиях. Эти изменения описаны Инглхартом в гипотезе социализационного лага²¹.

А.В. Андреевская ссылается на критику теории Р. Инглхарта канадским социологом Скоттом Флэнаганом, который предложил использовать не одну, а две ценностные плоскости – материализм/нематериализм и авторитаризм/либертаризм²². По мнению С. Флэнагана, изменение ценностей вдоль авторитарной/либертарной плоскости более важно в современных условиях. По индексу авторитарных/либертарных ценностей, согласно полученным данным, Россия демонстрирует достаточно высокую степень выраженности либертарных ценностей.

По мнению С. Флэнагана, переход от индустриального общества к постиндустриальному обозначает резкий разрыв с предшествующими эпохами, в результате которого власть перестает доминировать в общественных отношениях. Индивиды отказываются принимать общественные нормы и институты как данность и более не лояльны организациям, поддерживающим жизнеспособность гражданского общества. Формирующиеся ценности выражают тенденции постмодернизма, утверждающего относительность всех социальных норм и конструктов. Характеризуя эту связь, Флэнаган базируется на тезисе «о фундаментальном сдвиге авторитета от внешних институциональных структур к самому индивиду»²³.

В исследованиях Джеймса Гибсона²⁴ проблема существования демократии и развитие демократических институтов связаны с наличием традиции толерантности. Д. Гибсон исходил из того,

что успешность демократического перехода не может быть гарантирована только институциональными трансформациями, а делает необходимым формирование определенной системы культуральных ценностей, которую С.М. Липсет определял как политическую культуру поддержки демократии. Основу этой системы культуральных ценностей формирует культивирование традиций толерантности, которые, по мнению Гибсона, отсутствуют в политической культуре России, что связывается с неразвитостью либеральных традиций.

Дж. Александер под культуральными структурами понимает «внутренние, латентные механизмы деятельности людей, формирующие коллективные эмоции и идеи»²⁵. В условиях постмодерна эти структуры находятся прежде всего в виртуальной реальности, которая по силе воздействия на поведение индивидов превосходит материальные ориентиры – политические, экономические.

Культуральная модель демократии, согласно Н.А. Баранову, допускает, что «демократическая традиция создается и развивается в обществах с высоким уровнем взаимного доверия, стремления к терпимости и компромиссу в отношении существующих различий, интереса к политике и желания участвовать в различных видах политической активности»²⁶.

Вопрос о демократических ценностях в глобализирующемся пространстве «радикального модерна» решается Э. Гидденсом в концепции «демократизации демократии», под которой понимается процесс самоорганизации социума, проявляющего готовность к «экспериментам с альтернативными демократическими процедурами, особенно если это поможет приблизить принятие политических решений к повседневным заботам граждан»²⁷. «Демократизация демократии» зависит от создания культуры гражданственности, в условиях которой воспитываются демократические убеждения и ценности, в том числе терпимость. В некотором смысле эта традиция трактует процессы самоорганизации людей в духе эмансипационной теории демократии Р. Инглхарта, предусматривающей примат личной свободы и «свободы как независимого выбора жизненного пути»²⁸ над приверженностью коллективным убеждениям, индивидуального многообразия – над групповыми нормами, самостоятельности граждан – над властью государства. Переход от «радикального модерна» к постмодерну, согласно Гидденсу, характеризуется возрастанием роли дисперсии и локального фактора в социально-политических отношениях и нивелировании ценностей коллективизма, в связи с чем координация политических действий и усилий лишается мобилизующего эффекта.

Таким образом, проблема множественности и нелинейности модерна продолжает свое существование в теоретическом осмыслении постмодерна. Исследователи постмодерна описывают современное политическое пространство как открытое, плюральное и многополярное. Позиция культурного релятивизма и толерантное отношение к культурным идентичностям и их ценностным основаниям была, с одной стороны, продолжена в постмодернизме, а с другой – превращена в противоположный взгляд на проблему. Согласно Инглхарту, переход от материалистических к постматериалистическим ценностям в разных культурных зонах имеет несхожие черты и связан с широким набором различаемых ценностных установок, оказывающих влияние на социально-экономическое развитие. Однако наличие базового ценностного ядра постмодерна позволяет легитимировать его как самостоятельный политический проект, в рамках которого конвергенция ценностей предстает в качестве главной движущей силы изменений. В результате сдвиг в базовых ценностях преобразует социально-политическое пространство в предсказуемом направлении, что способствует утрате легитимности существующими политическими институтами. Как качественно новый этап в процессе человеческого развития, постмодерн обладает набором общих закономерностей и сходств, и все же влияние традиций и нелинейность культурных изменений обуславливают пути его достижения.

Примечания

- ¹ См.: *Пушкарева Г.В.* Политическое пространство: проблемы теоретической концептуализации // *Полис*. 2012. № 2. С. 166–176.
- ² Там же. С. 168.
- ³ См.: *Прохоренко И.Л.* О методологических проблемах анализа современных политических пространств // *Полис*. 2012. № 6. С. 68–80.
- ⁴ См.: *Культура как фактор общественного прогресса* / Под ред. Н.М. Лебедева, А.Н. Татарко. М.: ЗАО «Юстицинформ», 2009. С. 3.
- ⁵ См.: *Шварц Ш.* Культурные ценностные ориентации: природа и следствия национальных различий // *Психология: Журнал Высшей школы экономики*. 2008. Т. 5. № 2. С. 39.
- ⁶ *Кравченко С.А.* Социологическое теоретизирование, мышление и воображение в условиях постмодерна [Электронный ресурс] // Институт социально-политических исследований РАН. URL: <http://isprras.ru/pics/File/postmodern/Kravchenko.pdf> (дата обращения: 17.10.2014).

- ⁷ См.: Постмодерн, постсовременность // Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т. 3 / Под ред. В.С. Степина. М., 2001. С. 296; Постмодерн // Глобалистика: Энциклопедия / Гл. ред.: И.И. Мазур, А.Н. Чумаков. М., 2003. С. 814.
- ⁸ См.: *Дугин А.Г.* Геополитика постмодерна. Времена новых империй: Очерки геополитики XXI века. СПб.: Амфора, 2007.
- ⁹ См.: *Семенов И.С.* «Человек политический» перед альтернативами общественных трансформаций: опыт осмысления индивидуального измерения политики // Полис (Политические исследования). 2012. № 6. С. 9–26.
- ¹⁰ См.: *Мартьянов В.С.* Один Модерн или «множество»? // Полис. 2010. № 6. С. 41.
- ¹¹ Цит. по: *Кравченко С.А.* Модерн и постмодерн: «старое» и новое видение // Социологические исследования. 2009. № 9. С. 26.
- ¹² См.: *Гидденс Э.* Ускользящий мир: Как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004. С. 30.
- ¹³ Там же. С. 32.
- ¹⁴ См.: *Фридман Т.* Плоский мир: Краткая история XXI века. М.: АСТ; АСТ Москва; Хранитель; Мидгард, 2007.
- ¹⁵ См.: *Мартьянов В.С.* Указ. соч. С. 42.
- ¹⁶ *Мнацаканян М.О.* Модерн и постмодерн в современной социологии // Социологические исследования. 2008. № 12. С. 46–53.
- ¹⁷ *Инглхарт Р.* Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. 1997. № 4. С. 6–32; *Инглхарт Р., Вельцель К.* Модернизация, культурные изменения и демократия. М.: Новое издательство, 2011.
- ¹⁸ *Инглхарт Р., Вельцель К.* Указ. соч. С. 46.
- ¹⁹ Там же. С. 173.
- ²⁰ Там же. С. 95.
- ²¹ См.: *Инглхарт Р.* Указ соч. С. 8.
- ²² См.: *Андреевкова А.В.* Материалистические/постматериалистические ценности в России // Социологические исследования. 1994. № 11. С. 75.
- ²³ Цит. по: *Инглхарт Р., Вельцель К.* Указ. соч. С. 422.
- ²⁴ См.: *Баранов Н.А.* Система ценностей в микрополитике [Электронный ресурс] // Персональный сайт Николая Баранова. URL: http://nicbar.ru/mikropolitika_04.htm (дата обращения: 17.10.2014).
- ²⁵ Цит. по: *Инглхарт Р., Вельцель К.* Указ. соч. С. 345.
- ²⁶ Цит. по: *Баранов Н.А.* Указ. соч.
- ²⁷ *Гидденс Э.* Указ. соч. С. 90.
- ²⁸ Цит. по: *Кравченко С.А.* Модерн и постмодерн... С. 27.

Международные отношения: политические и социокультурные аспекты

Е.С. Мелкумян

ИРАНО-АРАБСКАЯ КОНКУРЕНЦИЯ В РЕГИОНЕ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА И ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА

В статье анализируются отношения между Ираном и арабскими странами, сложившиеся после прихода к власти нового иранского президента Х. Рухани, взявшего курс на развитие ирано-арабского сотрудничества. Дана характеристика истории их взаимоотношений и основных противоречий, которые их разделяли. Подробно рассматриваются позиции отдельных арабских стран в отношении инициативы Ирана о нормализации арабо-иранских отношений и налаживании взаимовыгодного сотрудничества. Большое внимание уделено анализу факторов, воздействующих на конкуренцию между Ираном и Саудовской Аравией – традиционными соперниками в борьбе за лидирующие позиции в регионе Ближнего Востока и Персидского залива.

Ключевые слова: Иран, арабские страны, конкуренция, территориальный конфликт, сирийский кризис, Ирак, Саудовская Аравия.

Между Ираном и арабскими странами исторически сложились отношения конкуренции, соперничества на региональном пространстве Ближнего Востока, которые наложились на представления о культурно-цивилизационном превосходстве персов и арабов, возникшие у этих двух народов еще в первые века ислама. Отношения Ирана с арабскими государствами были сложными и в новейший период их истории.

После свершения Исламской революции и провозглашения Исламской Республики Иран (ИРИ) в 1979 г. иранское теократическое руководство стало реализовывать доктрину «экспорта исламской революции», прежде всего в арабские страны. Используя

многочисленные шиитские общины в арабских странах, которые поддержали антимонархический переворот, совершенный под руководством шиитского духовенства, иранская власть стремилась изменить сложившийся в регионе баланс сил в свою пользу путем отстранения от власти правителей соседних арабских государств, которых они обвиняли в отходе от истинного ислама. В 1980-е годы Иран спонсировал создание экстремистских группировок в шиитской среде соседних арабских монархий. Он поддерживал создание Хизбаллы – шиитского политического движения в Ливане, оказывал содействие антиправительственным организациям в Кувейте и Бахрейне, поддерживал антиправительственные выступления шиитов в Восточной провинции Саудовской Аравии. В 1980 г. началась длившаяся восемь лет ирано-иракская война, итогом которой стало углубление раскола между Ираном и арабским миром.

Другая проблема, которая волновала руководителей соседних арабских государств – членов региональной организации – Совет сотрудничества арабских государств залива (ССАГЗ), объединившей в 1981 г. Бахрейн, Катар, Кувейт, Оман, ОАЭ и Саудовскую Аравию, была связана с поддержкой оказываемой Ираном действующим в регионе Залива террористическим организациям. Члены Совета сотрудничества редко прибегали к прямым обвинениям в адрес Ирана. Помимо нежелания осложнять отношения с ним, эти государства, по-видимому, принимали в расчет и опасность солидаризироваться с США, обосновывавшими необходимость бойкота Ирана обвинениями его в поддержке международного терроризма. К примеру, Саудовская Аравия не поддержала стремление Соединенных Штатов обвинить Иран в организации взрыва казармы американских военнослужащих на территории Саудовской Аравии в ноябре 1996 г.

Руководители ССАГЗ были очень осторожны в своих оценках иранского участия в беспорядках, периодически происходивших в 1990-е годы на Бахрейне. Когда в начале 1995 г. там произошли серьезные беспорядки, закончившиеся человеческими жертвами, власти возложили вину за это на некую экстремистскую организацию, якобы поддерживаемую из-за границы. Иран в этой связи не был назван прямо, однако бахрейнский посол в Иране был отозван для консультаций. Беспорядки на Бахрейне не прекращались. В июне 1996 г. бахрейнские власти обвинили Иран в том, что он поддерживает организацию «Хизбалла – Бахрейн», стремившуюся свергнуть правящий режим. Прямые обвинения в адрес Ирана привели к резкому обострению ирано-бахрейнских отношений, что вызвало беспокойство соседних государств. Члены ССАГЗ

предприняли усилия к их нормализации, поскольку не были заинтересованы в усилении региональной напряженности.

Противоречия между Ираном и арабскими странами носили как идеологический, так и политический характер. ИРИ претендовала на особое положение в мусульманском мире как единственное государство, реализовавшее исламскую модель развития, однако ей удалось добиться признания только со стороны мусульман-шиитов, представители других исламских конфессий продолжали считать лидером мусульман Саудовскую Аравию.

Политические установки ИРИ, критиковавшей сложившуюся систему международных отношений как отражавшую интересы Запада, который игнорирует интересы развивающихся государств, также не встретили поддержки у арабских государств, установивших с Западом союзнические отношения, так как они стремились к более полной интеграции в мировое экономическое и политическое пространство.

Иран и арабские государства также занимали диаметрально противоположные позиции по вопросу ближневосточного урегулирования: Иран не признавал законность существования Израиля и каких-либо переговоров с ним, тогда как арабская позиция основывалась на необходимости мирного разрешения конфликта политическими методами.

В 2000-е годы отношения между Ираном и арабскими государствами еще более обострились из-за актуализации проблемы иранской ядерной программы. Арабские страны, в первую очередь соседние с Ираном государства Персидского залива, с большим опасением воспринимали намерения Ирана развивать свою ядерную программу.

На протяжении многих лет, с того момента как Иран стал объектом критики со стороны мирового сообщества из-за его ядерной программы, члены ССАГЗ выступали за превращение региона Ближнего Востока в зону, свободную от ядерного оружия.

Этот вопрос беспокоил соседние с Ираном страны не только с точки зрения того, что Иран создаст ядерное оружие и будет обладать неоспоримым военным преимуществом по сравнению с другими государствами региона. Для государств-членов ССАГЗ эта проблема высвечивается и с точки зрения безопасности создания атомных электростанций в непосредственной близости от границ их государств. Ее интерпретируют и как стремление Ирана к региональной гегемонии. Для государств-членов Совета сотрудничества была невыгодна ситуация, сложившаяся в отношении Ирана, и потому, что отношения этой региональной организации с США

и странами ЕС осложнялись и в случае дальнейшей эскалации напряженности они должны были бы занять какую-то определенную позицию.

Кроме того, опасения арабских стран зоны Персидского залива вызывало стремление Ирана к наращиванию своей военной мощи. В 1990-е годы он увеличил численность вооруженных сил и интенсифицировал подготовку личного состава. Он также выделял все более значительные средства на производство и закупку современных видов вооружения и военной техники. В 1995 г. ассигнования Ирана на развитие собственных вооруженных сил составили 5 % бюджета страны¹.

Иран расширял и собственную военную промышленность. Он наладил производство многих видов вооружения и военной техники, в том числе ракет, танков и бронетанковой техники. Оснащение ВМС Ирана подводными лодками вызвало особую озабоченность соседних арабских государств-членов ССАГЗ, которые их не имели и поэтому считали их поставки в Иран нарушением сложившегося в регионе военно-стратегического баланса сил.

Изменения во внешней политике Ирана произошли после избрания в 2013 г. нового президента – Хасана Рухани. Он начал переговоры с США – государством, которое на протяжении всего периода, последовавшего после провозглашения Исламской Республики, воспринималось как главный враг иранского народа. Контакты с США способствовали подписанию международными посредниками и Ираном 24 ноября 2013 г. в Женеве предварительного соглашения по ядерной программе. Государства Совета сотрудничества приветствовали подписание соглашения, однако отметили, что оно может рассматриваться как «первый шаг к всеобъемлющему и постоянному соглашению по иранской ядерной программе, должное положить конец международному и региональному беспокойству, которое вызывала эта программа, а также способствовать укреплению безопасности и стабильности региона»².

Новым моментом во внешнеполитической деятельности Ирана стало и его стремление наладить отношения с арабскими странами, прежде всего с соседними странами-участниками ССАГЗ. Отношение арабских стран к этой инициативе Ирана не было единым. Лига арабских государств – организация, объединяющая все арабские страны, – не определила своей позиции по этому вопросу. На заседании глав и правительств этого объединения, проходившем в Кувейте в мае 2014 г., новые тенденции в политике Ирана не обсуждались.

Государства-члены ССАГЗ в заключительном коммюнике своего саммита, состоявшегося в декабре 2013 г., заявили о

необходимости развивать сотрудничество между государствами, входящими в эту организацию, и Ираном «на основе принципов добрососедства, невмешательства во внутренние дела, уважения суверенитета государств, отказа от использования силы или угрозы ее применения»³. Общая позиция всех членов ССАГЗ была достаточно сдержанной. В целом они поддержали новые тенденции в политике иранского руководства по отношению к государствам Совета сотрудничества и выразили надежду на то, что эти тенденции будут принимать форму практических шагов, что «отразится позитивным образом на стабильности, безопасности и сохранении мира в регионе»⁴.

Сдерживающим фактором для развития отношений между Ираном и его арабскими соседями были расхождения по ряду вопросов региональной политики, прежде всего они касались диаметрально противоположной позиции в отношении сирийского кризиса.

Иран поддерживал сирийский режим и правительственные войска, оказывая им вооруженную помощь, тогда как государства-члены Совета сотрудничества стояли на стороне оппозиции. Иран способствовал и участию в сирийском конфликте на стороне правящего режима своих союзников, прежде всего ливанского шиитского движения Хизбалла.

В июне 2013 г. Генеральный секретарь ССАГЗ Абдель Латыф Аз-Зияни обратился к странам-участницам этой организации с предложением поставить под жесткий контроль всех членов организации Хизбалла, проживающих в странах Залива⁵. Это произошло после появления информации о том, что ее отряды начали принимать участие в гражданской войне в Сирии на стороне правительственных сил.

Позиции всех государств-членов ССАГЗ касательно развития отношений с Ираном не были едины. Были как сторонники, так и противники сближения с Ираном. Оман наиболее активно выступал за то, чтобы поддержать инициативу президента Х. Рухани. Оман имел давние связи с Ираном. Нынешний правитель страны султан Кабус получил от иранского правительства военную помощь для подавления восстания в провинции Дофар. После провозглашения Исламской республики их отношения не претерпели серьезных изменений. Оман сохранил контакты с Ираном даже во время ирано-иракской войны. Он выступил против экономической и политической изоляции Ирана, на которой в период войны настаивали ближайшие союзники Ирака Египет и Саудовская Аравия. Оманское посредничество способствовало достижению соглаше-

ния о прекращении огня между воюющими сторонами. Предварительные секретные переговоры по этому вопросу были организованы Оманом и велись на его территории⁶.

Оман тем не менее, придерживался общей линии, проводимой ССАГЗ. Он поддерживал все резолюции, принимавшиеся этой организацией, в которых Иран подвергался критике за свою ядерную программу или же вмешательство во внутренние дела соседних стран. Однако для Омана Иран не представлял угрозы, так как в этой стране не было приверженцев шиизма, отсутствовали радикальные исламистские организации, не были отмечены акты терроризма. Расширение связей с Ираном не могло отразиться на его стабильном внутривосточном положении.

Другой страной, которая также традиционно стремилась сохранить отношения с Ираном, был Катар. Их экономические связи активно развивались, несмотря на то что Катар как член ССАГЗ был солидарен со своими партнерами в критической оценке политики Ирана в регионе Ближнего Востока. Его готовность к налаживанию контактов с Ираном определялась заинтересованностью в том, чтобы Иран упрочил свое положение на региональной арене, а Катар мог балансировать между двумя региональными державами – Саудовской Аравией и Ираном – и таким образом укреплять собственные региональные позиции.

Кувейт также поддержал инициативу иранского президента по налаживанию региональных контактов. Эмир Кувейта Сабах Аль-Ахмед Ас-Сабах в начале июня 2014 г. совершил официальный визит в Тегеран, в ходе которого были подписаны ряд соглашений. Несмотря на прогресс в развитии двусторонних связей, Кувейт как член ССАГЗ не мог проводить отличный от своих партнеров курс. Подписанные им соглашения касались, главным образом, экономической сферы и не могли изменить общее настроенное отношение к Ирану.

Отношения Ирана и ОАЭ омрачены существованием спорной проблемы о территориальной принадлежности трех островов в Персидском заливе – Большого и Малого Томба и Абу-Муса. Эти небольшие острова стратегически важны в силу того, что они расположены на стыке морских путей. Официальная точка зрения ОАЭ состоит в том, что Большой и Малый Томб исторически принадлежали входящему в федерацию ОАЭ эмирату Рас-аль-Хейма, а Абу-Муса – эмирату Шарджа. Иран же заявляет о собственных правах на эти острова, считая, что Великобритания в одностороннем порядке отторгла их у него и передала двум эмиратам Договорного Омана, которые вошли в состав ОАЭ.

Под давлением Ирана Великобритания предприняла меры, направленные на подписание меморандума между Ираном и Шарджей, в котором определялась юрисдикция острова Абу-Муса. В соответствии с этим меморандумом Шарджа согласилась на признание юрисдикции Ирана над севером острова при условии, что остальная часть его территории оставалась бы под юрисдикцией этого эмирата. Обе стороны признали 12-мильную зону территориальных вод, окружающих остров⁷. Однако Ирану не удалось достичь подобного же соглашения с эмиратом Рас-аль-Хейма в отношении островов Большой и Малый Томб. 30 ноября 1971 г. туда были направлены иранские войска, оккупировавшие оба острова. ОАЭ, которые в этот период были заняты созданием федерации после обретения политической независимости от Великобритании, стремились не осложнять отношения с Ираном, надеясь, что в дальнейшем удастся разрешить проблему островов путем переговоров. Однако с начала 1980-х годов Иран начал проводить политику захвата всего острова Абу-Муса. На его территории был возведен аэропорт и построены другие военные объекты.

Права ОАЭ на эти острова были поддержаны ЛАГ и ССАГЗ, которые уделяли этой проблеме более пристальное внимание.

Проблема островов постоянно фигурировала в повестке дня любых совещаний на высшем уровне, которые проводились государствами-членами ССАГЗ. Его позиция была отражена, в частности, в заключительном коммюнике саммита, проходившего в Кувейте в декабре 2013 г. В нем говорилось: «Совет сотрудничества оказывает полную поддержку ОАЭ в его конфликте с Ираном по поводу островов в Персидском заливе, его права на суверенитет над этими островами – Абу-Муса, Большой и Малый Томб, на их территориальные воды и воздушное пространство, а также на шельф. Он рассматривает эти три острова в качестве неотъемлемой части ОАЭ и осуждает все действия, которые предпринимает в их отношении Иран, считая их незаконными и не меняющими исторических фактов, которые подтверждают право ОАЭ на суверенитет над ними»⁸. Неизменно подтверждая свою позицию, государства ССАГЗ подчеркивают ее значение для стабилизации ситуации в регионе, а также привлекают к ней внимание мирового сообщества.

В условиях, когда Иран проявляет заинтересованность в улучшении отношений с арабскими государствами Залива, ОАЭ рассчитывает, что Иран начнет переговоры по спорной проблеме островов. Но в целом в вопросе об отношениях с Ираном ОАЭ солидаризируются с Саудовской Аравией и другими своими партнерами по Совету сотрудничества.

Отношения между Ираном и Бахрейном исторически были осложнены притязаниями Ирана на Бахрейн как неотъемлемую часть своей территории. Время от времени иранские политики их реанимируют, что приводит к очередному кризису в их отношениях. Еще одним фактором, воздействовавшим на ирано-бахрейнские отношения, была поддержка, оказываемая Ираном экстремистским шиитским группировкам, целью которых было свержение правящего режима.

Бахрейн прямо обвиняет Иран в поддержке антиправительственных террористических организаций. Бахрейнский министр иностранных дел Халед бен Ахмед Аль Халифа выступил на совещании министров иностранных дел ССАГЗ в Эр-Рияде и заявил о том, что к организации взрывов в Манаме в начале 2014 г. причастны группировки, включенные в список террористических организаций, в которых значительную роль «играют иранские элементы»⁹. Официальный дискурс Бахрейна после прихода к власти президента ИРИ Х. Рухани, обратившегося с призывом к соседним арабским странам наладить сотрудничество, не изменился.

Самым непримиримым противником ИРИ продолжает оставаться Саудовская Аравия, выражающая недоверие к новой иранской политике. Соперничество между двумя странами имеет длительную историю. В 1988 г. их противоречия достигли такой остроты, что они пошли на разрыв дипломатических отношений. Отношения были восстановлены только в 1991 г. В последние годы серьезным образом обострились разногласия между Саудовской Аравией и Ираном на региональном уровне. Саудовская Аравия стремится к поддержанию и укреплению арабского единства и выступает против иранских попыток расколоть его, поддерживая особые отношения с Сирией, ХАМАС и Хизбаллой, а также вмешиваясь во внутренние дела Ирака. В 2009 г. саудовско-иранское противостояние было перенесено на пограничную с Саудовской Аравией территорию Йемена.

Саудовское вооруженное отражение действий хуситов – религиозной секты, которая вела действия против правительства Йемена, поддержанных Ираном, – привело к новой эскалации напряженности между двумя ведущими странами.

«Арабские революции» изменили баланс сил в регионе, усилив позиции Саудовской Аравии, которая подтвердила стабильность своей политической системы и свою ведущую роль в регионе, опирающуюся на религиозный авторитет, а также финансовое и политическое влияние. Попытки Ирана спровоцировать масштабные антиправительственные выступления в Восточной про-

винции, населенной преимущественно шиитами, не увенчались успехом.

12 октября 2011 г. власти США раскрыли заговор, организованный в целях покушения на саудовского посла в Вашингтоне. В его организации обвинили группировку «Аль-Кодс», входящую в Корпус стражей исламской революции. Серьезные противоречия между двумя странами касались ситуации в Сирии и Ливане.

Новая страница в соперничестве двух стран была связана с конфликтом в Ираке, где террористическая организация – Исламское государство Ирака и Сирии – вела борьбу против центрального правительства. Летом 2014 г. ситуация крайне обострилась. Позиция Саудовской Аравии была озвучена ее министром иностранных дел принцем Саудом Аль-Фейсалом. Выступая на саммите Организации исламского сотрудничества в Дакаре 26 июня 2014 г., он прежде всего отверг обвинения премьер-министра Ирака Нури Аль Малики в том, что Саудовская Аравия поддерживает радикальные движения в Ираке, назвав их «беспочвенными». Он также подчеркнул, что «иракское правительство несет полную ответственность за достижение национального примирения, которое будет гарантировать социальную справедливость и равенство в правах и обязанностях, соответствующее национальным интересам, и положит конец любому вмешательству извне»¹⁰. Глава внешнеполитического ведомства Саудовской Аравии признал связь между ситуацией в Ираке и Сирии.

Конкуренция между арабскими странами и Ираном не прекратилась. Вряд ли удастся в кратчайшие сроки преодолеть все те противоречия, которые их разделяют. Главными, как представляется, остаются не только противоречия между Ираном и Саудовской Аравией, касающиеся региональных проблем, таких как Сирия, Ливан, Ирак, но и разделяющее их обоюдное стремление играть ведущую роль в регионе.

Примечания

¹ Зарубежное военное обозрение. 1996. № 5. С. 157.

² Киммат Аль-Кувейт тураххиб би таваджухат Иран туджаха «Аль-Халидж аль-арабий» ва таду иля ислах маджлис аль-амн (Саммит в Кувейте приветствует новые тенденции в политике Ирана в отношении «Арабского залива» и призывает к реформированию Совета Безопасности) [Электронный ресурс] // Аль-Хайят. URL: <http://alhayat.com/home/Print/581139?PrintPictures=0> (дата обращения: 16.12.2014).

- ³ Ibid.
- ⁴ Ibid.
- ⁵ Аз-Зияни: ат-тааруф аля мунтамей «Хизбалла» фи Аль-Халидж ихдаа ли ид-жраат аманийя (Аз-Зияни: знакомство с деятелями Хизбаллы в Заливе требует принятия мер безопасности) [Электронный ресурс] // Аш-Шарк Аль-Аусат. URL: <http://www.aawsat.com/print.asp?did=732094&issueno=12615> (дата обращения: 16.12.2014).
- ⁶ См.: Vasma Mubarak Saeed Oman, Iranian Rapprochement and a GCC Union [Электронный ресурс] // AlJazeera Center for Studies. URL: <http://studies.aljazeera.net/en/reports.2014/01/201> (дата обращения: 16.12.2014).
- ⁷ См.: *Al-Alkim Hassan Hamdan*. The GCC states in an unstable world: Foreign Policy Dilemmas of Small States. L., 1994. P. 112.
- ⁸ Ibid.
- ⁹ Самани саат халиджийя сахина сабакат карар сахб ас-суфара (Восемь часов ожесточенных споров стран Залива предшествовали решению об отзыве послов) [Электронный ресурс] // Аш-Шарк Аль-Аусат. URL: <http://www.aawsat.com/print.asp?did=763728&issueno=12882> (дата обращения: 16.12.2014).
- ¹⁰ Prince Saud Al-Feisal Addresses OIC Conference [Электронный ресурс] // Ministry of Foreign Affairs. URL: <http://www.mofa.gov.sa/sites/mofaen/aboutMinistry/Minister/OfficialSpeeches/Pages/NewsArticleID76832.aspx> (дата обращения: 16.12.2014).

ЗАБЫТОЕ ПИСЬМО С ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ: ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗАВЕЩАНИЕ ИТАЛЬЯНСКОГО КОММУНИСТА

Статья посвящена анализу политического завещания лидера Итальянской компартии Пальмиро Тольятти, поставившего целью преодоление раскола в коммунистическом движении и геополитического конфликта СССР и КНР в условиях нового витка холодной войны. Особое внимание уделяется исследованию предложенной им модели механизма и путей разрешения конфликтов в их острой стадии.

Ключевые слова: Пальмиро Тольятти, «Памятная записка», еврокоммунизм, холодная война, конфликты.

21 августа 2014 г. исполнилось полвека со дня кончины Пальмиро Тольятти – руководителя самой массовой и влиятельной коммунистической партии в капиталистическом мире. Внезапный недуг поразил его на отдыхе в Советском Союзе, посеяв сомнения по поводу обстоятельств его ухода среди итальянской общественности, в международном сообществе коммунистов.

Руководитель итальянских коммунистов оставил политическое завещание – «Памятную записку». Нелицеприятный для КПСС документ был написан в день, когда он заболел, и опубликован спустя месяц в «Правде».

«Неудобный» текст был обнаружен в главном официальном органе партии и правительства по решению Н.С. Хрущева (возможно, единоличному), видимо, с целью опровергнуть слухи о некоторых обстоятельствах, сопровождавших этот не вполне объяснимый уход¹.

Итальянский лидер прибыл в Ялту не только для отдыха: таков был ритуал – ему следовали руководители компартий, выполнявшие указания из Москвы. Он предпринял очередную попытку встретиться с советским лидером.

В последнее время Тольятти был озабочен не только серьезными осложнениями в мире вследствие геополитического противостояния сверхдержав после Ракетного кризиса 1962 г. и фактически начавшейся войны во Вьетнаме. Предметом его беспокойства стало обострение ситуации в Италии², что могло привести к смещению политической оси вправо, и глубокие разногласия внутри международного и итальянского коммунистического движения. Итогом стала «Памятная записка» – политическое завещание Тольятти и первый манифест еврокоммунизма на родине этого явления.

Интерес к «Памятной записке» подогревается таким значимым явлением холодной войны, как еврокоммунизм³, а также тем, что коммунистический лидер впервые досконально проанализировал стратегию *компромисса* как предпочтительного и, возможно, единственного средства преодоления геополитических конфликтов, осложненных биполярным или многополярным противостоянием. Исследуя политическое завещание Тольятти, аналитик-конфликтолог может получить квалифицированный ответ на вопрос: имеет ли компромисс реальные шансы в геополитических столкновениях, усугубленных вторжением в зону чьих-либо привилегированных интересов, – и в какой форме, – или он приводит к обратному результату.

ИКП стала спустя десять лет после смерти П. Тольятти второй (в ряде областей Италии – первой) по численности и электорату партией, влиятельной силой в стране. Руководство ИКП противопоставило себя КПСС и СССР и укрепило влияние в европейском левом движении⁴. Стратегия еврокоммунизма, выдвинутая последователем Тольятти Энрико Берлингуэром в середине 70-х гг. XX в. как левой *европейской*, а не только национальной альтернативы и как европейского третьего пути, в условиях нового витка конфронтации сверхдержав приобретала все новых сторонников в Европе, в том числе за «железным занавесом», поскольку восточноевропейские и советские инакомыслящие все чаще обращались к преимуществам этой стратегии. Популярность еврокоммунистических партий – итальянской и испанской – значительно возросла к концу 70-х гг. ушедшего столетия, но формальная исключительность ИКП из политической жизни, диктуемая реалиями холодной войны и прессингом США, привела к росту нестабильности в Италии⁵.

Сегодня еврокоммунизм ушел в прошлое, оставшись в исторической памяти европейцев одной из тех сил, которые в 70–80-х гг. XX в. подорвали авторитет КПСС и СССР и нанесли удар «из-за угла» советскому коммунизму, разрушив «железный занавес». Европейские коммунистические партии слились с европейской со-

циал-демократией⁶, исключили из своего дискурса коммунистическую риторику⁷ и усилили левую составляющую маятника власти в ряде европейских стран – Италии, Испании, Франции. В XXI в. влияние левых сил в европейских государствах периодически растет – значительная часть избирателей отдает им предпочтение, особенно в годы рецессии, что показали и выборы в руководящие органы Европейского союза, состоявшиеся в мае 2014 г.

На посту президента Итальянской Республики с мая 2006 г. находится Джорджо Наполитано – бывший член руководства ИКП и ближайший соратник П. Тольятти и Э. Берлингуэра, занимавшийся в 70-е гг. привлечением в ряды партии новых членов из разных социальных групп, организационной деятельностью и посвятивший этим проблемам ряд монографий⁸. А пост главы кабинета министров занимает Маттео Ренци – один из лидеров Демократической партии, ставшей прямой наследницей ИКП⁹.

11 августа 1964 г. Пальмиро Тольятти приехал в Москву с супругой Леонильде Йотти. Видимо, в тот момент его решение было спонтанным: он не известил никого о намерении как можно скорее встретиться с Н.С. Хрущевым, хотя руководство ИКП давно настаивало на встрече с советским лидером. Уже в течение нескольких лет функционеры ИКП не могли встретиться с первым секретарем ЦК КПСС, хотя почти ежегодно приезжали на отдых в СССР и неизменно получали ценные подарки¹⁰.

Встретившись с заведующим международным отделом ЦК Б.Н. Пономаревым, Тольятти стал настаивать на встрече с Н.С. Хрущевым, которой безуспешно добивался не впервые, поскольку в последние месяцы тот очевидно избегал контактов¹¹. Узнав, что Хрущев находится в поездке по стране, и, несмотря на это, все же рассчитывая увидеться с советским лидером, Тольятти отправился в Крым.

Лидер итальянских коммунистов был удручен тем, что наряду с противостоянием сверхдержав, хотя и несколько изменившим свой вектор, до предела обострились отношения двух самых крупных коммунистических стран – СССР и КНР – и, соответственно, двух «братских» партий. В подоплеке назревавшего конфликта просматривались уже не столько идеологические разногласия, сколько геополитические интересы Китая, активно включившегося в борьбу за мировое лидерство¹², хотя на уровне коммунистического движения даже само упоминание об этом было, конечно, недопустимым. Эскалация этого геополитического и идеологического конфликта привела к жесткой конфронтации, вылившейся во взаимные обвинения и навешивание ярлыков¹³, не только двух

крупнейших коммунистических партий. Возникшие противоречия обострили полемику между КПСС и ИКП, и в перспективе между ними мог произойти разрыв.

13 августа итальянский лидер написал исторический документ, который волею судьбы стал его политическим завещанием. *Памятная записка*, а еще точнее – *Памятка (Promemoria)* – была озаглавлена так, поскольку он намеревался вчерне изложить положения своей беседы (или, быть может, заявления?), как только встретится с первым лицом Советского государства. Затем Тольятти отправился в международный пионерский лагерь «Артек» и по возвращении собирался вернуться к работе над документом. По свидетельствам очевидцев, *товарищ* Пальмиро выглядел полным энергии. Однако, беседуя с советскими и итальянскими пионерами, отдохавшими в те дни в «Артеке», внезапно почувствовал себя плохо – произошло кровоизлияние в мозг. В течение последующей недели его лечили лучшие медики, которые провели сложнейшую нейрохирургическую операцию в судорожной попытке спасти итальянского коммуниста¹⁴. Но 21 августа Пальмиро Тольятти не стало – он ушел из жизни, не приходя в сознание¹⁵.

И лишь после кончины Тольятти в Ялту незамедлительно прибыл Н.С. Хрущев в сопровождении А.Н. Косыгина, Н.В. Подгорного и Л.И. Брежнева, а из Рима прилетели члены руководства Итальянской компартии. О «Памятной записке» в те дни не упоминалось, хотя после избрания Луиджи Лонго новым лидером итальянских коммунистов Хрущеву стало известно о существовании этого документа. В сентябре «Памятная записка» была напечатана в органах ИКП – журнале “Rinascita” (4 сентября) и газете “Unità” (5 сентября), а 10 сентября была опубликована в «Правде» без купюр.

Политическое завещание Тольятти содержало анализ ключевых моментов кризиса коммунистического движения, противоречий внутри социалистической системы и искажений в строительстве социализма.

Главный вопрос, занимавший мысли Тольятти, – острый конфликт между КПСС и Компартией Китайской Народной Республики¹⁶. Оценивая политику КПК в отношении «братских компартий» как «ошибочную» и «раскольническую»¹⁷, Тольятти проанализировал положение этой «экономически отсталой великой державы» и особенности «крестьянской революции» в КНР (курсив здесь и далее мой. – С. К.).

Выдвинутый лидером ИКП план деэскалации советско-китайского конфликта состоял в следующем. Во-первых, «не прекращать

полемику против принципиальных... позиций китайцев», во-вторых, вести ее «без словесных крайностей и без осуждений общего характера – на конкретные темы, объективным и убедительным образом и всегда проявляя уважение к противнику». Следует «организовать серию встреч», «без тщательно подготовленного коллективного обсуждения невозможно прийти к правильным формулировкам задач», «изолировать китайских коммунистов и противопоставить им сплоченный фронт» и, наконец, «подумать о посылке делегации... из нескольких партий, которая поставила бы перед... китайскими товарищами вопрос о поисках путей и конкретной формы сотрудничества»¹⁸.

Тольятти оспорил требование Хрущева о *немедленном* проведении нового международного совещания коммунистических и рабочих партий¹⁹. Во время подобной встречи – по его мнению, преждевременной – раздраженный неслыханным до тех пор непослушанием «китайских товарищей» советский лидер преследовал бы единственную цель – «торжественного отлучения китайской компартии» как «догматиков» и «раскольников». Неизбежным итогом совещания стал бы разрыв отношений двух крупнейших и находящихся у власти компартий и раскол в коммунистическом движении. Этого необходимо было избежать, по мнению Тольятти, любой ценой, направив усилия на борьбу против «разнузданной кампании, развернутой руководством Китая и Албании против Советского Союза, ее руководителей», на сотрудничество стран с различной социальной системой, основанное «на согласии, исключая ядерную войну»²⁰, и на отказ от силовых приемов, военно-превосходства и ядерного устрашения.

Для Фабия Кунктатора XX столетия, *железобетонного* партийца, мастера интриги, позиционной войны и компромисса, *нового Государя* в духе Макиавелли²¹, осуществлявшего политическую игру в лучших традициях *juste milieu*²², для конформиста-медлителя и перфекциониста²³, ставшего в 30–40-х гг. ближайшим соратником и даже «правой рукой» Сталина в Коминтерне, а после Второй мировой войны создателя «новой» массовой и независимой партии в капиталистической стране, было очевидно: нельзя строить социализм лишь в соответствии с одним-единственным жестко контролируемым из единого центра лекалом. Нужно «уметь порвать со схемами и искать новые пути»²⁴.

Вся жизнь Пальмиро Тольятти была положена на алтарь служения коммунистической идеологии в ее марксистско-ленинской чеканке, несмотря на его сомнения в ее непогрешимости, особенно в последние годы жизни²⁵. Несгибаемый Двудликий Янус с партий-

ным именем «*Лучший*», «Великий бюрократ Третьего Интернационала», считавший себя учеником Сталина (по крайней мере, до XX съезда), стал лишь лидером оппозиционной партии и главой парламентской фракции, пусть и такой многочисленной. Поэтому он использовал опыт, полученный в Коминтерне, для поэтапной инфильтрации во власть, применяя иной раз угрозу, чаще – изощренную хитрость и упрямство²⁶. А о власти он мечтал – хотел попасть «в комнату с кнопками»²⁷. Его соратник Антонио Грамши оценивал его как амбициозного и идущего напролом политика²⁸.

Вероятно, и поэтому, стремясь войти во властные структуры Италии, *Лучший* прилагал титанические усилия для преодоления раскола в мировом коммунистическом и рабочем движении любой ценой – замалчиванием событий, реально происходивших в СССР после XX съезда²⁹. «*Не выносить сор из избы*» – эта поговорка могла бы стать символическим выражением значимых акций лидера итальянских коммунистов. Он был убежден: коммунистическая идея в обновленном варианте была силой, способной привлечь к его партии (и к нему лично!) симпатии итальянских трудящихся – результатом стал бы рост электората ИКП. Рост влияния комдвижения в мировом масштабе оказался бы альтернативой блоковому противостоянию ядерных сверхдержав, обозначив «*третий путь*» и приведя к деэскалации конфликта СССР и США. Наконец, появилась бы возможность урегулировать геополитический конфликт двух социалистических стран, где произошли «*великие революции*»³⁰.

Автор «Записки» настаивал на достижении компромисса в борьбе против «*самых реакционных группировок империализма, крупных монополий, централизации руководства экономикой... антидемократических и авторитарных тенденций в экономике и политике*» США и западноевропейских стран³¹. Но компромисса – это слово он часто заменял словом «единство» – нужно достигать через «*многообразие позиций*», а не создавая снова «*централизованную организацию коммунистов*»³².

«Записка» проникнута недоумением в связи с откатом от решений XX съезда. Амбициозный коммунистический лидер неожиданно осмелился *поучать* руководство КПСС: нужно проанализировать условия развития советского общества, «чтобы извлечь урок для всех»³³.

Объяснение причин возникновения культа личности «*персональными пороками*» Сталина Тольятти считал недостаточным, заострив внимание на усилившемся «*скептицизме*», с которым даже близкие к нам круги воспринимают сообщения о *новых эконо-*

мических и политических успехах»³⁴ в странах социализма. По его мнению, нужно вскрыть истоки сталинского режима, чтобы не допустить его возрождения в любом виде. Озвучив такую позицию, Тольятти впервые не только открыто осудил сталинский режим, но и выступил против нерешительности Хрущева, к которому он, по свидетельству работавших с ним людей, испытывал недоверие и глубокую неприязнь³⁵. Его «ревизионизм» (так оценили его позицию в СССР) объяснялся легко: поскольку не были проанализированы глубинные причины сталинизма, часть вины за его преступления ложилась и на коминтерновца сталинской закалки.

Могло ли советское руководство извинить коммунистическому лидеру оговорку о «*деградации*» Советского Союза, допущенную им в одном из его интервью? Мог ли *товарищ Никита*, а тем более пришедшая ему на смену брежневская гвардия, принять то, что Тольятти в конце жизни осознал наконец, что коммунистическая идея в том виде, в котором она осуществлена в СССР, – это *утопия*?³⁶

Итак, *европейский третий путь, многообразие позиций, плюрализм взглядов*, терпимость, политика компромисса, *juste milieu*, *отсутствие признанного Центра* коммунистического и рабочего движения, чьи директивы являются непререкаемыми, – таков «сухой остаток» нового курса Пальмиро Тольятти. И именно на него стали опираться его наследники – адепты еврокоммунизма.

Култ Сталина, в течение четверти века довлевший над ведущей компартией мира, до сих пор оказывал, по мнению Тольятти, негативное воздействие на «братские» партии. Документы международных совещаний компартий 1957 и 1960 гг. рапортовали о небывалых достижениях СССР и стран социализма. На деле замалчивались искажения в теории и практике социалистического строительства, господствовал командный тон Кремля в отношениях с «братскими» компартиями, получавшими инструкции из Кремля. В случае неповиновения партий, получавших дотации из СССР, происходило вмешательство во внутренние дела суверенных стран. Во время венгерских событий 1956 г. Организация Варшавского договора (ОВД) совершила вооруженную интервенцию на территорию независимого государства, ликвидировав легитимное венгерское правительство³⁷. Лидер итальянских коммунистов не выразил открытого осуждения этой агрессии и одобрил казнь Имре Надя в Москве в июне 1958 г.³⁸

Двадцать лет спустя, на январском 1982 г. пленуме Итальянской компартии, архитектор еврокоммунизма Энрико Берлингуэр произнес речь, ставшую ярким манифестом этой доктрины. С негодованием восприняло брежневское руководство КПСС цен-

тральную мысль его доклада на пленуме: «*побудительный импульс Октябрьской революции 1917 г., ознаменовавшей собой начало новой эпохи, полностью исчерпал себя*»³⁹. *Коммунистический* лидер открыто сдал в архив учение Ленина о социалистической революции, о построении социалистического общества. *Коммунистический* лидер похоронил идею о плановой социалистической экономике, о преимуществах социализма в области политики, идеологии, морали. *Коммунистический* лидер заявил – и не где-нибудь в кулуарах, а с высокой трибуны, публично, – что *коммунистическая* идеология в ее советском исполнении не только страдает догматизмом, но и является закостеневшей и нежизнеспособной, т. е., по сути дела, утопией. Наконец, архитектор *еврокоммунизма* во всеуслышание озвучил мысль о том, за 65 лет существования советской власти в СССР четко проявились тенденции к жесткому авторитаризму и даже к деградации данной общественно-политической системы⁴⁰. Так авторы, обозначившие своей основной целью критику реального социализма, поставили точку – и закрыли книгу. А первые главы в этой книге написал лидер Старой итальянской гвардии – Пальмиро Тольятти.

Уход из жизни лидера итальянских коммунистов потряс Рим, поверг в глубокий многодневный траур всю Италию. Председатель Совета министров, лидер христианских демократов и политический оппонент Пальмиро Тольятти Альдо Моро принял решение об отправке самолета в СССР для совершения скорбной церемонии. Похоронная процессия собрала только в Риме около полутора миллионов человек⁴¹, и не все они были коммунистами. Это свидетельствовало о большом уважении итальянцев к *Лучшему из лучших* Старой гвардии. Равно как о том, что едва ли в Италии какие-либо силы желали его устранения в сложившейся ситуации: определяющим вектором была исключенность ИКП из власти – условие, диктуемое холодной войной. Поэтому отдельные детали его смерти представляются не вполне ясными и сегодня, хотя итальянские исследователи не поднимали эту тему и прямых свидетельств в пользу данной версии найти пока не удалось⁴².

Спустя месяц после публикации «Памятной записки» состоялся октябрьский пленум ЦК КПСС, отправивший Н.С. Хрущева на пенсию «по состоянию здоровья». Хрущев, очевидным образом уклонявшийся в последние годы от контактов с непредсказуемым итальянским лидером, все же, по-видимому, не оставлял мысли о возможности сохранения столь значимого союзника, каким был Тольятти, возглавлявший самую массовую партию в *капиталистической* Европе. Но ни энергичный новый

генеральный секретарь ЦК КПСС, строивший планы возвращения к командной манере отношений с братскими компартиями на основе «ограниченного суверенитета» и отхода от решений XX съезда, ни стоявшие за новыми советскими лидерами политические и социальные группы не были заинтересованы в дальнейшем росте влияния компартии⁴³, тем более такой независимой и массовой.

Примечания

- ¹ Месяцем ранее, 11 июля 1964 г., по пути в СССР, куда направлялся на отдых, умер лидер другой крупной компартии Западной Европы – Морис Торез.
- ² Среди факторов риска – деятельность спецслужб (СИФАР) и вероятность государственного переворота; предстоявшая 7 августа 1964 г. процедура избрания нового президента страны в связи с тяжелым заболеванием президента А. Сеньи (ХДП), следствием чего стало усиление позиций социал-демократов и социалистов – конкурентов Тольятти в борьбе за левый электорат.
- ³ Проблема еврокоммунизма не исследовалась ни в советский период из-за идеологической заостренности, ни в постсоветский: казалось, что тема утратила актуальность. Последние тенденции в левом спектре Италии и единой Европы подтверждают обратное. В российской литературе об этом лишь: *Попов Л.* Воспоминания о еврокоммунизме. М.: Межд. отношения, 2008; *Мокишин С.* Ялтинская записка П. Тольятти: взгляд из прошлого (Обозреватель – Observer. 1994. № 9) [Электронный ресурс] // Обозреватель – Observer. URL: http://www.observer.materik.ru/observer/N09_94/9_20.htm (дата обращения: 22.02.2014); *Белов Ю.* «Правда» про вирус еврокоммунизма [Электронный ресурс] // Коммунистическая партия Российской Федерации. URL: http://kprf.ru/party_live/110668.html (дата обращения: 30.03.2014).
- ⁴ *Berlinguer E.* La “questione comunista” 1969–1975. A cura di A. Tato’. Vol. 1–2. Roma: Ed. Riuniti, 1975. Vol. 2. P. 406; *Napolitano G.* Intervista sul PCI / A cura di E.J. Hobsbawm. Roma; Bari, 1976. P. 128–131; *Ball G.W.* Communism in Italy // The Atlantic Community Quarterly. 1976. № 2. P. 178–186; *Negri A.* Proletari e Stato. Per una discussione su autonomia operaia e compromesso storico. Milano: Feltrinelli, 1976. P. 51; *Pozzolini A.* Che cosa ha veramente detto Togliatti. Roma: Ubaldini, 1970. P. 23.
- ⁵ С 1944 по 1984 г. в Италии сменилось 44 правительства.
- ⁶ Президент Итальянской Республики Джорджо Наполитано посвятил этому книгу с красноречивым названием: «От ИКП – к европейским социалистам».
- ⁷ Определение «коммунистический» снято и из названия партии – Демократическая партия.

- ⁸ *Napolitano G.* I comunisti nella battaglia delle idee. Roma: Ed. Riuniti, 1975; *Idem.* Intervista sul PCI; *Idem.* Dal Pci al socialismo europeo. Un'autobiografia politica. Roma; Bari: Laterza, 2008; и др.
- ⁹ В 1991 г. после года раскола была создана Демократическая партия левых сил (PDS). В 2006 г. после расколов и слияний партия получила название «Демократическая партия».
- ¹⁰ Заместитель заведующего отделом ЦК КПСС, в начале 60-х назначенный старшим по приему итальянской партийной делегации, преподнес ее членам золотые часы, но вместо благодарности они заявили: «Опять золотые часы. А нам хотелось поговорить с товарищем Хрущевым».
- ¹¹ Среди лиц, встречавших Тольятти, не было ни одного фотокорреспондента, что снизило уровень его визита до рядового приглашения на отдых. Для человека, бывшего одним из руководителей Коммунистического интернационала тогда, когда Хрущев находился на райкомовском уровне, это была обида.
- ¹² *Бокфа Дж.* История Советского Союза: В 2 т. Т. 2. От Отечественной войны до положения второй мировой державы. Сталин и Хрущев. 1941–1964 гг. 2-е изд. М.: Междунар. отношения, 1994. Кн. 7. Раздел VIII. Столкновение с Китаем [Электронный ресурс] // Научно-просветительский журнал «Скепсис». URL: http://scepsis.net/library/id_3230.html (дата обращения: 25.03.2014).
- ¹³ Руководство КПК обвиняло советских лидеров в «обуржуазивании» и «ревизионизме», а те упрекали «китайских товарищей» в «догматизме» и «сектантстве».
- ¹⁴ Из Италии при содействии премьер-министра А. Моро прилетел известный хирург Ч. Фругони. Операция была проведена 20 августа с участием крупного советского хирурга проф. А. Арутюнова. См.: *L'Unità.* 1964. 20 agosto. P. 1; 21 agosto. P. 1.
- ¹⁵ *L'Unità.* 1964. 22 agosto. P. 1; *Бокка Дж.* Пальмиро Тольятти. М., 1977. С. 566.
- ¹⁶ См.: Еще раз о разногласиях товарища Тольятти с нами. К некоторым важнейшим вопросам ленинизма в нашу эпоху. Пекин: Изд-во лит-ры на иностр. яз., 1963. С. 25–57, 186 (ред. статья журнала «Хунци», № 3–4, 1963); *Macaluso E.* Comunisti e riformisti. Milano: Serie Bianca, 2014. P. 70–71.
- ¹⁷ Памятная записка // Правда. 1964. 10 сент. С. 3; *Il Promemoria di Yalta // L'Unità.* 1964. 5 sett. P. 1; Partito comunista italiano. Conferenza nazionale, 5. Napoli, 1964. Atti e risoluzioni. Il dibattito dei comunisti sui problemi di organizzazione del partito. Roma.: Ed. Riuniti, 1964. P. 10, 154.
- ¹⁸ Памятная записка...; *Il Promemoria di Yalta...*; *Pozzolini A.* Op. cit. P. 89–91.
- ¹⁹ Международные совещания были проведены в Москве в 1957 и 1960 гг.
- ²⁰ Памятная записка...; *Il Promemoria di Yalta...* P. 1, 3.
- ²¹ О макиавеллизме Тольятти написано много. Соратники по партии именовали его «двуликим Янусом». См.: *Il diritto al lavoro per legge L'illusione che fa male agli italiani // Corriere della sera.* 2012. 18 apr. P. 28; *Macaluso E.* Op. cit. P. 28–35; *Pons S.* La rivoluzione globale. Storia del comunismo internazionale 1917–1991. Torino: Einaudi, 2012. P. 257.

- ²² «Золотая середина» – политика компромисса; метод озвучен доктринерами П. Руайе-Колларом, Ф. Гизо в середине XIX в. Широко использовался крупнейшими политиками (К.Б. Кавур, У. Черчилль и др.).
- ²³ *Spriano P.* Il Compagno Ercoli: Togliatti segretario dell'Internazionale. Roma: Ed. Riuniti, 1981. P. 56, 190; *Franchi P.* Giorgio Napolitano. La traversata da Botteghe Oscure al quirinale. Milano: Rizzoli, 2013. P. 12–15.
- ²⁴ *Тольятти П.* Избранные статьи и речи: В 2 т. М.: Политиздат, 1965. Т. 1. С. 290, 378, 817; Т. 2. С. 83, 106, 821; *Togliatti P.* Il Partito. Roma: Ed. Riuniti, 1964. P. 27; *Idem.* Adeguare l'organizzazione del PCI ai problemi e compiti attuali. Roma, 1965. P. 15, 22–25; *Natta A.* Togliatti e il "Partito nuovo". Roma: Ed. Riuniti, 1974. P. 12–15.
- ²⁵ Не случайной была реакция Тольятти на разоблачения XX съезда: «Никита! Что ты делаешь?! Зачем порочишь Великого коммуниста?» В последующие годы он ведет себя иначе. Это его пусть относительно умеренное, но осуждение ввода войск ОВД в Будапешт. Это «Памятная записка». См.: *Spriano P.* Op. cit. P. 27–30, 191; *Idem.* Storia del Partito comunista italiano. Torino: Einaudi, 1970. Vol. 1. P. 233; *Macaluso E.* Op. cit. P. 42–44.
- ²⁶ *Boffa G.* Le ultime drammatiche ore di lotta con la morte // L'Unità. 2013. 18 dic. P. 18; *Bartoli D.* Un disegno fallito // L'Unità. 2013. 18 dic. P. 18.
- ²⁷ Согласно выражению лидера социалистов и конкурента Тольятти Пьетро Ненни, проникнуть в «комнату с кнопками» означает быть включенными в состав кабинета министров.
- ²⁸ Цит. по: *Franchi P.* Op. cit. P. 82.
- ²⁹ *Bocca G.* Storia della Repubblica italiana. Milano: Rizz. Editore, 1982. P. 118–119; *Franchi P.* Op. cit. P. 86, 101–102; *Macaluso E.* Op. cit. P. 72.
- ³⁰ Памятная записка...; Il Promemoria di Yalta...
- ³¹ Памятная записка...; Il Promemoria di Yalta... Сегодня многие из этих явлений остаются реальностью, проявляясь в тенденциях к усложнению глобализации.
- ³² Памятная записка...; Il Promemoria di Yalta...; *Togliatti P.* L'ultimo discorso di Togliatti alla Camera dei deputati. Adosto 1964. Roma: Ed. Riuniti, 1964. P. 15–17.
- ³³ *Тольятти П.* Указ. соч. Т. 2. С. 642, 643.
- ³⁴ Памятная записка...; Il Promemoria di Yalta...
- ³⁵ *Napolitano G.* Dal PCI al socialismo europeo. P. 99.
- ³⁶ Л. Колосов, в те годы специальный корреспондент газеты «Известия» в Риме, позднее свидетельствовал, что итальянский лидер, возможно, одним из первых осознал, что коммунизм в том виде, в котором он существовал в Советском Союзе, это утопия и что нужен другой путь. См.: *Колосов Л.С.* Сборок КГБ. Записки разведчика и журналиста. М., 2001. С. 213.
- ³⁷ *Napolitano G.* Dal PCI al socialismo europeo. P. 91–92.
- ³⁸ Тольятти поддержал казнь при условии, что она (или хотя бы сообщение о ней) состоится после парламентских выборов в Италии: это могло негативно повлиять на электорат ИКП. См.: *Napolitano G.* Dal PCI al socialismo europeo. P. 110.

- ³⁹ *Berlinguer E.* La Relazione di Berlinguer. Ruolo e iniziative del PCI per una nuova fase della lotta per il socialismo in Italia e in Europa // *L'Unità*. 1982. 12 gen. P. 1, 8.
- ⁴⁰ *Ibid.*
- ⁴¹ *L'Unità*. 1964. 26 agosto; 2014. 16 feb.
- ⁴² В Италии отсутствуют работы, где говорится о не совсем естественной смерти Тольятти, – вообще, данная тема явно обходится молчанием даже сегодня.
- ⁴³ 278. ГКЧП-64: классика жанра (*Политический журнал*. 2004. 11 окт. № 37 (40)) [Электронный ресурс] // *Хронограф*. URL: <http://hronograf.narod.ru/12/64gk.htm> (дата обращения: 31.03.2014).

К.А. Соловьев

РУСИНЫ АВСТРО-ВЕНГРИИ И РОССИЙСКОЕ
ОБЩЕСТВО: ДИСКУССИЯ О ПУТЯХ ФОРМИРОВАНИЯ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАЦИИ В «КАРПАТСКОЙ РУСИ»
В РОССИЙСКОЙ ПРЕССЕ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX В.

В статье исследуется идеальный проект построения политической нации в среде австрийских и венгерских русинов, который выработывался в ходе дискуссий в российской прессе второй половины XIX – начала XX в. Несмотря на то что доминанта проекта – сохранение любых связей между русинами и русскими – осталась неизменной, ряд его элементов претерпел существенную эволюцию. Во-первых, расширился круг возможных альтернатив. К страху перед полонизацией в Галиции и мадьяризацией в Венгрии добавилась боязнь украинизации в Галиции и Буковине. Во-вторых, к началу XX в. утвердилось сознание полного национального единства (а не просто близости) русинов и русских. В-третьих, расширился круг критериев, являвшихся основой для суждения о национальной идентичности. Если в 1860-х гг. таковыми были только язык и религия, то в начале XX в. к ним относились также образовательные учреждения, общественные организации и деятельность интеллигенции, что отражает переход к новому этапу формирования политической нации.

Ключевые слова: Австро-Венгрия, Карпатская Русь, русины, политическая нация, украинофильство и русофильство, русский национализм.

Процессы формирования политических наций на пространстве Центральной и Восточной Европы обладали ярко выраженной спецификой. Подавляющее большинство народов региона обрело собственную государственность лишь в XX столетии, в результате Первой мировой войны, а в некоторых случаях и с распадом социалистического лагеря. До этого времени они пребывали под властью крупных континентальных держав – Австрийской (с 1867 г. – Австро-Венгерской) и Российской империй, а также

Пруссии и Саксонии, в 1871 г. вместе с рядом других государств объединившихся в Германскую империю. Такое положение не могло не сказаться на эволюции этнического самосознания центрально- и восточноевропейских народов, а в конечном счете и на генезисе политических наций в регионе.

Тем большим своеобразием отличались этнические процессы среди восточных славян Австрийской (Австро-Венгерской) империи – русинов, коренных жителей Восточной Галиции, Буковины и Угорской Руси. Дело здесь было в близости русинов к русским – единственному славянскому народу, который на протяжении всего Нового времени обладал собственной государственностью, а значит, мог беспрепятственно следовать по пути национального строительства, не испытывая при этом ни дискриминации, ни даже малейшего давления с какой бы то ни было стороны. Впрочем, наиболее близким было родство русинов с украинцами, населявшими юго-западные земли Российской империи, в том числе и пограничные с Австрией районы. Можно сказать, что обе эти группы составляли малорусскую этническую общность, которая находилась тогда в непростой ситуации этнокультурного самоопределения и сама претендовала на формирование политической нации, отличной от русской («общерусской») и альтернативной ей, во всяком случае в пределах украино-русинского ареала¹. В этой связи русины Австрийской (Австро-Венгерской) империи стояли перед сложным выбором: принять ли им участие в формировании «большой» русской нации в качестве одной из ее этнографических групп или же вместе с российскими украинцами работать над созданием отдельной малорусской нации (которая впоследствии и станет собственно украинской). Положение усугублялось политическим доминированием в Галиции поляков, в Угорской Руси (Закарпатье) – мадьяр, которые заявляли свои исключительные претензии на эти земли и если не стремились к ассимиляции русинов, то видели в них неполноправное, долженствовавшее занимать второстепенные позиции во всех областях общественной жизни население. Наконец, австрийские власти прекрасно сознавали все эти противоречия и пытались использовать их для укрепления собственных позиций.

Столь непростая обстановка не могла не привлекать повышенного внимания российской стороны. Восточнославянские земли Австро-Венгрии, или, как их тогда называли, «Карпатская Русь», имели особое значение для Российской империи. Развитие событий в регионе по неблагоприятному для России сценарию могло затруднить построение русской политической нации, а при определенных условиях и угрожать территориальной целостности импе-

рии. Напротив, если бы этнополитическая динамика в карпатских землях соответствовала интересам России, у нее появились бы дополнительные рычаги воздействия на Австро-Венгрию. В этой связи важно было не допустить, чтобы процессы формирования политической нации в Карпатской Руси протекали в нежелательном для России ключе. И если российская администрация, как было выявлено в историографии, стала проявлять серьезную активность на этом направлении лишь накануне Первой мировой войны², то в обществе на протяжении всей второй половины XIX – начала XX в. шла более или менее оживленная полемика о путях формирования политической нации среди австрийских русинов. Анализ взглядов российских авторов позволит многое понять и в процессах становления собственно русской нации, и в этнических метаморфозах в Карпатской Руси, и, наконец, в эволюции представлений о сущности политической нации.

Более или менее значительный интерес в российском обществе события в карпатских землях, прежде всего в Галиции, стали возбуждать с конца 1850-х гг. Причин тому было несколько. Во-первых, это бесславный для России исход Крымской войны. Россия должна была восстановить подорванные позиции в Европе, а помочь ей в этом могли зарубежные славяне, находившиеся под властью Австрийской и Османской империй. Возросший интерес к русинам следует в этой связи рассматривать в контексте поворота во внешней политике Российской империи в целом. Во-вторых, это значительная активизация польского национального движения, вылившаяся в 1863 г. в полномасштабное восстание, а также выход на политическую арену украинского национального движения. Все это заставляло обращать особое внимание на районы Австрийской империи со значительным польским и малорусским населением, каковым и была Галиция. Наконец, это либерализация общественной жизни в Австрии, благоприятствовавшая большей активности самих русинов.

Первым сюжетом, привлечшим внимание российской общественности, можно считать неудачную попытку наместника Галиции графа А. Голуховского внедрить среди русинов латинское правописание в 1859 г. Российские издания усмотрели в ней «нападение на мирных и покорных сынов галицкой Руси»³, которое можно объяснить только одним мотивом: «чтоб Галицкие Русины не имели ничего общего со всеми прочими Руссами»⁴. Такая реакция свидетельствует о большой важности в глазах российских авторов вопросов, касавшихся правописания и языка в целом. Переход на латиницу грозил бы отрывом русинов от восточнославянского

культурного пространства, превращением их в часть чуждого России католического мира.

Важно также отметить, что на рубеже 1850–1860-х гг. основная угроза единству русинов и россиян связывалась с поляками, тогда еще не вполне потерявшими надежду на ассимиляцию русинов, возможное включение их в состав польской нации. «Тяжкая вина лежит на поляках», которые «посягают на духовную независимость и самостоятельность народа в Восточной Галиции», – писали издатели «Русской Беседы»⁵. Таким образом, в качестве неблагоприятного для России сценария тогда рассматривалось участие русинов в создании польской политической нации, исключающее сохранение каких-либо связей между ними и русскими.

Постепенно, однако, в этнических процессах в Галиции и реакции на них российской стороны стала вырисовываться еще одна перспектива. В этой связи весьма показательна дискуссия, вызванная рецензией Н.Г. Чернышевского на первые номера львовской газеты «Слово». Эта рецензия неоднократно становилась предметом подробного разбора⁶, так что целесообразно было бы ограничиться лишь наиболее важными с точки зрения рассматриваемой проблематики моментами. Конечно, и в ней уделяется достаточно много внимания польско-русинским взаимоотношениям, причем Чернышевский, в отличие от большинства других авторов, видит в поляках не врагов, а естественных союзников русинов в борьбе против австрийского гнета. Однако важное место в рецензии занимает проблема языка, которым написаны статьи газеты. Чернышевский полагал, что «Слово» как орган «галицких малороссов» должно писаться языком, который уже выработали «наши малороссы», но никак не «ломаным русским языком», языком «Москвы и Нижнего Новгорода», какой используется в газете⁷. Таким образом, с точки зрения Чернышевского, галицкие русины вместе с малорусами российской Украины входят в иное, отличное от русского языковое пространство, в котором невозможно использование русского литературного или, как тогда говорили, «общерусского» языка. Такая позиция была во многом созвучна умонастроениям российских украинофилов, но вызвала волну критики со стороны более умеренной части общественности.

Наиболее полный и обстоятельный ответ на статью Чернышевского дал В.И. Ламанский. Он счел глубоким заблуждением отказ русинам в праве пользоваться русским литературным языком – языком, общим для всех восточных славян, базирующимся в том числе и на церковнославянской лексике и сформированным усилиями как мало-, так и великорусов. Русский литературный язык

должен быть в Червонной и Угорской Руси языком науки и образованности (в том числе, очевидно, и прессы). Впрочем, Ламанский допускал и даже приветствовал литературную обработку местных русинских наречий и создание на ее основе изящной словесности по аналогии со словесностью на наречии российских малорусов – творениями И.П. Котляревского, Г.Ф. Основьяненко, Т.Г. Шевченко и других авторов⁸. Невозможность существования общей для всех малорусов (и российских, и австрийских) словесности он объяснял глубокими отличиями галицкого и карпатского наречий от украинских. Гипотетически, однако, можно говорить о еще одной причине, заставившей Ламанского отрицать возможность формирования единой малорусской словесности. Все более активным становилось в России украинское движение, все громче заявляло оно о языковом и культурном своеобразии малорусов, что в перспективе могло привести к формированию отдельной малорусской нации. Чтобы не допустить вовлечения в эти процессы русинов, необходимо было поддерживать их разобщенность с российскими украинцами, в том числе и в сфере литературы и языка. В случае если русинам и украинцам не удастся консолидироваться, они, имея достаточных сил для самостоятельного национального бытия, останутся в лоне «общерусского» народа и примут участие в формировании русской политической нации. Таким образом, хотя полемика между представителями радикального лагеря, каким был Чернышевский, и славянофилами формально касалась лишь языковых вопросов, фактически уже на этом этапе речь шла о перспективах национального строительства в Карпатской Руси: должны ли русины оставаться вместе со всеми русскими или формировать вместе с малорусами отдельную нацию.

Еще одним сюжетом, привлечшим внимание российской прессы в начале 1860-х гг., были изменения в религиозной жизни Галиции. Будучи униатами, русины признавали верховную власть Папы, но при этом должны были сохранять в чистоте православный обряд. На практике, однако, они вынуждены были уступать давлению со стороны католических иерархов, и их обряды, а также внешний вид священнослужителей все более уподоблялись западному. Некоторые авторы уже в конце 1850-х гг. писали об этих тенденциях как о факторе, способствующем отдалению русинов от русских⁹. Послабления в вероисповедной области начала 1860-х гг. вызвали к жизни так называемое обрядовое движение. Российские издания с воодушевлением сообщали об отказе священников от органов и монстранций, устройстве иконостасов, соответствующих изменениям в их одежде и внешнем облике¹⁰, а затем с досадой – об

административных мерах, помешавших движению набрать полную силу¹¹. Как видно, религия играла определенную роль в процессе формирования национальной идентичности в те годы. Пусть русины и подчинялись Папе, они стремились очистить свой обряд от латинских наслоений, а это также сближало их с русскими.

Итог полемике 1860-х гг. был подведен в книге В.И. Кельсиева «Галичина и Молдавия» (1868 г.). Кельсиев смотрел на ситуацию в Галиции с известным оптимизмом. Русины мужественно отстаивали свою идентичность перед лицом поляков, имея для этого богатый и обширный арсенал средств (литература, публицистика, общественные организации). Украинское движение в крае потерпело крах («его здесь за врага приняли»), в большинстве своем русины считали себя частью «большого русского народа», даже выражали слова надежды на присоединение Галиции к России, все больше ориентировались на русский литературный язык («единый возможный и единый популярный язык в Галичине – наш книжный»)¹².

Итак, в 1860-х гг. необходимость участия русинов в формировании «общерусского» национально-культурного пространства была осознана уже вполне четко, при этом круг альтернативных проектов «нациестроительства» в Карпатской Руси постепенно расширялся. Если в самом начале рассматриваемого периода российская власть и близкие к ней круги общества опасались вовлечения русинов в строительство польской нации, то вскоре обозначилась угроза обособления малорусской общности, которая включила бы в себя и российских украинцев, и австрийских русинов. Конечно, речь в абсолютном большинстве работ шла не о национальном родстве, тем более не о присоединении карпатских земель к России (лишь Кельсиев в одной из своих статей призывал завершить им «собрание земель русских»¹³). Подчеркивалась лишь языковая близость и вероисповедное тяготение русинов к русским. Очевидно, смещение акцента в сторону языка и религии было связано с ведущей ролью этих феноменов на раннем этапе формирования нации и эволюции представлений о ней. Языковая и религиозная идентичность являлась основой, на которой становится возможным национальное строительство и на которую впоследствии наслаиваются явления из области политики и геополитики.

Период конца 1860–1870-х гг. характеризовался относительным спадом интереса к русинам и Карпатскому региону. Такое затишье было во многом обусловлено поражением Австрии в войне с Пруссией, общим ослаблением ее позиций в Европе и вступлением в Союз трех императоров, одной из сторон в котором была Россия.

К тому же за это время значительно укрепилось международное положение России. Были аннулированы дискриминационные статьи Парижского мира, Россия в целом вышла из изоляции, в которой пребывала после Крымской войны. Ее внимание в 1870-х гг. было обращено главным образом на южных славян, страдавших от османского гнета. Не угрожало больше территориальной целостности империи разгромленное польское движение. Наконец, сдерживаемое административными барьерами и узостью социальной базы, серьезно ослабло и украинское движение.

Ситуация существенно изменилась в конце 1870-х гг. Победа России в войне с Турцией в 1878 г. привела к серьезным геополитическим сдвигам в Центральной и Юго-Восточной Европе. Резко обострились отношения России не только с Австро-Венгрией, но и со стоявшей за ней Германией, при поддержке которой австрийскими войсками была оккупирована территория Боснии и Герцеговины. Характерно, что уже в конце 1870-х гг. некоторые славянофильские деятели призывали к войне не только против Турции, но и против Австро-Венгрии¹⁴. Союз трех императоров де-юре продолжал существовать до конца 1880-х гг., однако еще в 1879 г. был заключен союзный договор между Германией и Австро-Венгрией, направленный против России. В то же время после победы над Турцией заметно возросла популярность России среди славянских народов Австро-Венгрии, что не могло не насторожить власти «двухединой монархии». Тем большую угрозу стали для них представлять сторонники общерусского национального проекта – галицкие, угорские и буковинские «москвофилы». Если еще в 1870-х гг. австрийские власти для их нейтрализации пытались поддерживать «украинофилов», то в рассматриваемый период они перешли к прямому давлению, вплоть до репрессивных мер¹⁵.

Все это способствовало возрождению интереса к Карпатской Руси. С 1880-х гг. наблюдался бурный рост числа публикаций, посвященных не только Галиции, но и прочим восточнославянским областям Австро-Венгрии – Буковине и Угорской Руси, которые до того времени почти не привлекали внимания российской общественности. При этом значительно расширился круг тем, затрагивавшихся в публикациях. Теперь это были не только язык и религия, но и экономическое положение края, быт, традиции и фольклор русинов, их общественные организации, периодические издания, деятельность представителей интеллигенции и многие другие сюжеты. Применительно к периоду конца XIX – начала XX в. речь может идти уже о полной, всеобъемлющей картине жизни восточнославянских земель, находившихся под властью Габсбургов.

Первое, что здесь следует отметить, – это утверждение не просто близости, как в 1860-е гг., но непосредственного национального единства галицких, буковинских и угорских русинов с русскими. Весьма показательно в этом смысле обращение к читателям в дебютном номере «Славянских известий», предваряющее новости в рубрике «Заграничная Русь». «Между западной нашей границей и Карпатами, – писали редакторы газеты, – по Карпатам и за ними живут такие же точно русские люди, как и по эту сторону границы; искони звучит там русская речь, славится русская вера, хранится русский быт и русский дух. И если, в смысле одноплеменности, всех славян считаем мы своими кровными братьями, то 3–4 миллиона русского населения Галичины, Буковины и Угорщины есть наша собственная плоть и кровь»¹⁶. С еще большей определенностью по этому поводу высказался В.И. Ламанский: «есть только одна русская национальность», которая включает в себя русских как в России, так и в Австро-Венгрии¹⁷. Характерно и то, что, если в 1860-х гг. лишь некоторые авторы последовательно называли русинов «русскими», на рубеже XIX–XX вв. такая тенденция наблюдалась в большинстве изданий панславистского и националистического толка, а к этнониму «русин» стали относиться все более предвзято. «Этим эпитетом умышленно наделяен галицко-русский народ своими врагами, и <...> галичанин считает его оскорбительным, потому что никто иной, как он сам, веками ратовал за признание своего русского имени и своей общности со всем русским народом», – писали редакторы «Галицко-русского вестника»¹⁸.

Такие настроения могли иметь несколько источников. Во-первых, это рост национализма в России, подпитываемый в том числе и все более напряженными отношениями с Австро-Венгерской империей. Во-вторых, это сами русофилы, пусть и преследуемые центральными и местными властями, но все же значительно окрепшие в идейном плане, закаленные в борьбе против поляков и украинофилов. «Эти люди заявляют смело и громко <...>, что Русь одна и неделима; что Червоно-Руссы принадлежат к малороссийской ветви единого русского пня», – восхищенно писал о них В.А. Бобринский¹⁹. Надо сказать, что значительную долю публикаций о карпатских землях составляли письма самих жителей края, в которых они декларировали свою общность с «закордонными» русскими, жаловались на бесконечные притеснения поляков, а также на все более жесткую политическую конкуренцию со стороны украинофилов. Большую роль играло здесь и то, что к рассматриваемому периоду основная масса считавших себя русскими галичан и буковинцев хорошо освоилась с «общерусским» языком и стала использовать

его в публичной сфере взамен «язычия», за которое критиковал «Слово» еще Чернышевский. «Галичане <...> говорят так же бегло и чисто, как и мы, на общерусском литературном языке», – писал Бобринский²⁰. В-третьих, это сам процесс формирования русской политической нации, равно как и эволюции представлений о ней. Очевидно, к концу XIX столетия он вступил в свою новую стадию, на которой уже невозможно было довольствоваться сознанием близости русинов и русских. Единственным приемлемым для России вариантом была не близость, но полное национальное единство русинов и русского народа.

Итак, русское национальное пространство, согласно представлениям панславистских и националистических кругов, охватывало и восточнославянские районы Австро-Венгрии. Задавались ли в этой связи российские деятели мыслью о необходимости привести политические границы в соответствие с национальными, поднималась ли ими проблема возможного присоединения карпатских земель к России? Здесь надо иметь в виду, что открыто заявленные требования присоединения Галиции, Буковины и Закарпатья могли бы привести к серьезному, а главное, совершенно не нужному тогда России осложнению в отношениях с Австро-Венгрией. В этих условиях российские националисты старались не афишировать свои стремления и переходили на язык намеков, впрочем, вполне понятных читателю. Например, «Славянские известия» ставили своей задачей «укрепление <...> органических уз между разобщенными еще политически частями самой Русской земли»²¹. По словам редакторов «Галицко-русского вестника», карпаторус «неотступно взирает на независимую Русь. В ней он черпает надежды на свое светлое будущее; от нее ждет духовного подкрепления, защиты и сочувственного привета»²². Примечателен и тот факт, что еще в конце 1880-х гг., когда прекратил свое существование союз трех императоров и возможность военного конфликта между Россией и Австро-Венгрией стала реальной, Главный штаб Российской армии подготовил «Сборник маршрутов Галиции, Буковины и Северной Венгрии»²³. Конечно, стратегическая значимость этих территорий объяснялась в первую очередь их географическим положением: Галиция и Буковина были единственными районами Австрии, имевшими общую границу с Россией. Однако повышенный интерес к ним со стороны российского генералитета мог быть обусловлен и сознанием этнической близости, а следовательно, и потенциальной благосклонности их населения к российским войскам, а также гипотетической возможностью предъявить претензии на них в случае

победы (тем более что Венгрия не имела общей границы с Россией). Идея присоединения карпатских земель, как бы тщательно ни пытались ее скрыть, с конца XIX в. носилась в российском воздухе и даже оказала определенное воздействие на теоретиков Главного штаба.

Таким образом, среди части российского общества постепенно стало утверждаться не просто сознание национального единства русинов и русских, но и ирредентистские настроения, сначала смутные, глухие, но затем все более определенные. Характерной чертой ирредентизма является отсылка к прошлому, к временам, когда разделенные политическими границами части национальной территории составляли единое целое. С одной стороны, это поддерживает сознание глубоких исторических связей между представителями этноса, живущими по разные стороны границы, а с другой – подводит определенную юридическую базу под возможные территориальные притязания. «Где этот древний Галич с знаменитыми князьями Романом и Даниилом, куда девались его славные сыны?» – задаются вопросом редакторы «Галицко-русского вестника», а затем пишут: «После смерти последнего галицко-русского <...> князя <...> Галицкая Русь <...> подпала под иноземное владычество <...>, утратила свою связь с остальным русским миром и под напором грубого насилия новых пришельцев пришла в окончательный упадок»²⁴. По словам А.С. Будиловича, современное взаимодействие между червонорусами и остальными русскими не соответствует «тем отношениям, которые неизбежно вытекают из понятия об *органическом единстве* всех ветвей русского племени», хотя в «*древние века* подобное взаимодействие, бесспорно, существовало»²⁵.

Впрочем, своего апогея эта тенденция достигнет в годы Первой мировой войны, когда появится масса работ по истории карпатских земель, в частности Галицко-Волынского княжества²⁶. Как дань ирредентизму можно рассматривать и некоторые положения манифеста Верховного главнокомандующего вел. кн. Николая Николаевича, опубликованного по случаю вступления российских войск в Галицию: «Достояние Владимира Святого, земля Ярослава Осмомысла, князей Даниила и Романа, сбросив иго, да водрузит стяг единой, великой, нераздельной России!»²⁷

Итак, благоприятным для России вариантом развития событий было бы пребывание русинов в составе русской политической нации. Какая же альтернатива рассматривалась на рубеже XIX–XX вв. в качестве нежелательной? Для ответа на этот вопрос необходимо помнить, что в поле зрения российских авторов тогда

находились все территории, составляющие Карпатский регион, а ситуация в них заметно различалась. Наиболее специфическим было положение в Закарпатье. Оно входило в состав Венгрии, которая с 1867 г. фактически была независимым государством, связываемым с Австрией лишь короной, армией и внешней политикой. Главной целью мадьяр – господствующей в Венгрии этнической группы – было создание единой мадьярской нации (*nemzet*), которая включала бы в себя все народности (*nemzetiség*) страны – и словаков, и румын, и сербов, и русинов²⁸. Ассимиляторская политика мадьяр в последние десятилетия XIX в. приняла невиданный размах. Результатом стало сохранение русинской идентичности в основном лишь среди простонародья, что вызывало беспокойство у российских деятелей. «Русское дело наиболее угнетено в Угорской Руси, где интеллигенция и духовенство совершенно угнетены мадьярскими властями», – писал Бобринский²⁹. Таким образом, в качестве нежелательного варианта развития событий в Угорской Руси рассматривалось вовлечение закарпатских русинов в процессы строительства мадьярской политической нации.

Несколько иначе смотрели на ситуацию в Галиции, а также в Буковине. Конечно, в 1890-х гг. жалобы на ассимиляторскую политику поляков в отношении русинов были еще достаточно распространенным явлением. «Поляки неустанно твердят... что русские галичане это не часть великого русского народа, <...> а сырой этнографический материал, подлежащий ополячению», – писал российский путешественник А. Сидоров³⁰. Вместе с тем он усматривал и еще одну угрозу русским в Галичине – украинофильство, которым, по его словам, увлеклась «большая часть <...> обществ и газет» и которое «действует на руку полякам»³¹. Выделение из «общерусского» национального пространства особой малорусской нации, которая, наряду с российскими украинцами, охватывала бы всех коренных жителей Карпатской Руси, больше уже не являлось предметом отвлеченного теоретизирования и академических дискуссий, как в 1860-е гг. Это был вполне реальный политический процесс, внушавший все большую тревогу российским деятелям. Украинская альтернатива рассматривалась как противоестественная, вопиющим образом противоречащая всему ходу и логике исторического развития восточного славянства. Украинофильство связывалось с «польско-ягеллоновскими мечтаниями» и «римско-венскими замыслами западного, австрийского панславизма»³², иными словами, в нем видели в первую очередь политический проект враждебных России сил, а не просто заблуждение узкого круга интеллигенции, как раньше. «Изобретено

было <...> новое название» – «русины», «стали сочинять новый язык», «началось создание антирусской Руси» – такими фразами изобилует книга Бобринского «Пражский съезд: Чехия и Прикарпатская Русь»³³. Если в XIX в. главная опасность, исходившая от поляков, заключалась в попытках ассимиляции русинов, то в начале XX в. они угрожали поддержкой украинофильства, которое теперь составило основную конкуренцию «общерусскому проекту» в Галиции и Буковине.

Эта конкуренция распространялась почти на все аспекты национальной самоидентификации, как на «традиционные», бывшие объектом противостояния поляков и русинов еще в середине XIX столетия, но видоизменившиеся к рассматриваемому периоду, так и на принципиально новые. Так, в 1890-х гг. во всех школах Галиции и Буковины взамен «издревле существовавшего» этимологического правописания было введено фонетическое, ориентирующееся на малорусское произношение и тем самым отдаляющее русинов от русских (напомним, что в 1850-х гг. российские деятели выражали беспокойство в связи с возможным внедрением среди русинов латиницы). Школьное дело в Галиции и Буковине теперь вообще стало предметом повышенного интереса со стороны российских авторов. По их словам, школы превратились в руках правительства в «орудие деморализации и денационализации». Преподавание ведется в них на «безобразном», «исковерканном» языке, «который “куется” украинофилами и который не похож ни на малорусский, ни на великорусский, ни на один славянский язык», а ученики исключаются за чтение Пушкина и Толстого³⁴. «Русские своей школы совершенно не имеют», – сокрушается Бобринский³⁵. Еще одна важная новация – интерес к москвофильским и украинофильским «учреждениям», т. е. общественным организациям, а также интеллигенции и ее деятельности. Ни одно описание карпатских земель не обходилось без подробного рассказа о «старорусских» и соперничающих с ними «младорусских» обществах, значительное место биографиям отдельных деятелей, их некрологам уделялось в периодических изданиях. В глазах российских авторов успешное функционирование «обществ», а тем более деятельность интеллигенции, приобретали особое значение. Именно от них зависело будущее русской нации в карпатских землях. «Культурная помощь народу в Прикарпатской Руси будет <...> безрезультатна, если не сохранится здоровая и патриотическая интеллигенция. И ныне вся ожесточенная борьба в Галиции и Буковине ведется между русской и украинской партиями из-за обладания интеллигенцией и учащейся молодежью, и окончательная победа останется

на стороне тех, кто воспитает более здоровую, сильную духовно и многочисленную культурную среду, за которой и пойдет народ», – писал Бобринский³⁶. Очевидно, атрибутом зрелой политической нации является не просто приверженность определенным ориентирам в сфере религии и языка, но сформировавшаяся (в первую очередь благодаря национальной школе) интеллигенция, пишущая на литературном языке и реализующая свои замыслы посредством общественных учреждений. Не случайно о закарпатских русинах отзывались как о «погибающем русском народе»³⁷, хотя русинская идентичность была еще достаточно широко распространена в крестьянской среде. Именно мадьяризация интеллигенции, почти полное отсутствие прессы и общественных организаций препятствовали не только включению угрорусов в русское национальное пространство, но и вообще формированию какой-либо нации в их среде. Иными словами, лишь наличие образованного класса, а также публичной сферы делает возможным становление зрелой политической нации. Если же слой интеллигенции, а вместе с ним и публичная сфера не сформируются, национальная идентичность останется в зачаточном состоянии, сколь бы значительной ни была языковая и вероисповедная специфика.

Рассмотрев основные направления дискуссии об австрийских русинах, развернувшейся в российском обществе во второй половине XIX – начале XX в., можно констатировать, что выработанный в ее ходе идеальный проект построения политической нации в русинской среде претерпел определенную эволюцию, хотя его доминанта – сохранение связи между всеми ветвями восточного славянства – осталась неизменной. Изменения коснулись, во-первых, круга нежелательных для России альтернатив. Если в начале 1860-х гг. опасались в основном включения русинов в польское национальное пространство, то постепенно стал оформляться украинский проект, к началу XX в. превратившийся, во всяком случае в Галиции и Буковине, в главную угрозу общерусскому единству, хотя в Закарпатье роль нежелательной альтернативы по-прежнему играла мадьяризация русинов. Во-вторых, к концу столетия господствующим стало сознание полного национального единства между русинами и русскими, а не просто некой неопределенной близости между ними. Наконец, если близость определялась лишь относительным сходством в области языка и религии, то утвердившееся впоследствии сознание национального единства было во многом связано с появлением интеллигенции и началом ее деятельности в публичной сфере. Такая динамика, очевидно, отражает переход от ранней к более зрелой стадии фор-

мирования политической нации, на которой решающее значение имеет уже не языковая и вероисповедная идентичность, но выход на общественную арену образованного класса как главного носителя национальной идеи.

Примечания

- ¹ *Миллер А.И.* Украинский вопрос в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб.: Алетейя, 2000. 260 с.
- ² *Бахтурина А.Ю.* Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны. М.: АИРО-XX, 2000. С. 47–49; *Клопова М.* Защита на Днестре и Сане: «Русское движение» и его судьба накануне Первой мировой войны // *Родина*. 2010. № 3. С. 88–93.
- ³ О попытке ввести между униатскими русинами в Галиции латинские буквы и перевести священные книги на простонародное, галицко-малорусское наречие // *Церковная летопись Духовной беседы*. 1860. № 7. С. 118.
- ⁴ Протест галицких русинов против Австрийского министерства в защиту народного образования и языка // *Русская беседа*. 1859. № 6. С. 92.
- ⁵ Там же. С. 81.
- ⁶ См., например: *Пашаева Н.М.* Очерки истории русского движения в Галичине XIX–XX вв. 2-е изд., доп. М.: Имперская традиция, 2007. С. 47–48.
- ⁷ *Чернышевский Н.Г.* Полн. собр. соч.: В 15 т. Т. 7. М., 1950. С. 776.
- ⁸ *Ламанский В.И.* Геополитика панславизма. М.: Институт русской цивилизации, 2010. С. 629–632. На сходной позиции стояли и другие авторы. См., например: *Гогоцкий С.* Заметка на статью «Современника» «Национальная бестактность» // *Вестник Юго-Западной и Западной России*. 1862. № 1. С. 25–26.
- ⁹ В какой степени православно-восточное богослужение сохранило у галицийских и венгерских русинов свой первоначальный вид // *Духовная беседа*. 1859. Т. 6. № 20. С. 233–234.
- ¹⁰ *Лаверовский П.* Известие о состоянии униатской церкви у русских в Галиции // *Духовный вестник*. 1861. Т. 1. № 1. С. 107.
- ¹¹ *Раевский М.* Из Вены // *Духовная беседа* 1864. № 23. С. 174–175.
- ¹² *Кельсиев В.И.* Галичина и Молдавия. СПб.: Печатня В. Головина, 1868. IV. 351 с.
- ¹³ *Кельсиев В.И.* Первый русский царь, Иван Васильевич // *Нива*. 1872. № 10. С. 155–156.
- ¹⁴ *Дьяков В.А.* Славянский вопрос в пореформенной России (1861–1895) // *Вопросы истории*. 1986. № 1. С. 42.
- ¹⁵ *Свистун Ф.* Прикарпатская Русь под владением Австрии: В 2 ч. Ч. 2. Львов: Типография Ставропигийского института, 1896. С. 394–396.
- ¹⁶ *Заграничная Русь* // *Славянские известия*. 1889. № 1 и 2. С. 21.

- 17 *Ламанский В.* Ответ на письмо г. Драгоманова // Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества. 1885. № 2. С. 81.
- 18 Обращение к читателям // Галицко-русский вестник. 1894. № 1. С. 6.
- 19 *Бобринский В.А.* Пражский съезд. Чехия и Прикарпатская Русь. СПб.: Изд-во в пользу Галицко-русск. о-ва в Петербурге, 1909. С. 11–12.
- 20 Там же. С. 12.
- 21 Заграничная Русь... С. 21.
- 22 Обращение к читателям... С. 5.
- 23 Россия. Главный штаб. Военно-ученый комитет: Сборник маршрутов Галиции, Буковины и Северной Венгрии, с приложением географических и статистических сведений. СПб., 1889. 4, IV. 384 с.
- 24 Обращение к читателям... С. 1.
- 25 *Будилович А.С.* О необходимости укрепления духовных связей России с Червонной Русью // Галицко-русский вестник. 1894. № 1. С. 12.
- 26 *Савино Дж.* «Самая коренная русская область»: образ Галиции в русской националистической периодике в 1914–1915 гг. [Электронный ресурс] // Academia. URL: http://www.academia.edu/3756080/_1914-1915_ (дата обращения: 25.06.2014).
- 27 Цит. по.: *Аристов Ф.Ф.* Карпаторусские писатели. Т. 1. М.: Типография Т-ва Рябушинских, 1916. С. 38.
- 28 *Magosci P.R.* The Shaping of a National Identity Subcarpathian Rus', 1848–1948. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1978. P. 56.
- 29 *Бобринский В.А.* Указ. соч. С. 11.
- 30 *Сидоров А.* Из путевых заметок // Галицко-русский вестник. 1894. № 2. С. 21.
- 31 Там же. С. 24.
- 32 *Ламанский В.* Ответ на письмо г. Драгоманова... С. 82.
- 33 *Бобринский В.А.* Указ. соч. С. 48–49.
- 34 *Витте де Е.А.* Буковина и Галичина. Лето 1903 г. Киев.: [Б. и.], 1903. С. 6.
- 35 *Бобринский В.А.* Указ. соч. С. 62.
- 36 Там же. С. 101.
- 37 *Н.* Письма из Угорской Руси: погибающий русский народ // Славянское обозрение. М., 1894. С. 270.

УЛЬТИМАТУМ КЕРЗОНА СОВЕТСКОЙ РОССИИ 1923 г.: НОВАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Статья посвящена анализу деятельности министра иностранных дел Великобритании лорда Джорджа Натаниэля Керзона в момент обострения советско-британских отношений весной–летом 1923 г., когда официальный Лондон выступил с ультиматумом в адрес Москвы, а два государства оказались на грани полномасштабного вооруженного конфликта.

Ключевые слова: советско-британские отношения, внешняя политика Великобритании и СССР, дипломатическая деятельность лорда Керзона.

Занимая пост министра иностранных дел Великобритании с 1919 по 1924 г., Джордж Натаниэль Керзон никогда не изменял мнения о характере советского режима, названного им на Имперской конференции, проходившей в июне 1921 г., «достойным сожаления». Пожалуй, единственную поправку в свое представление о большевизме он внес незадолго до своей отставки с поста министра иностранных дел в начале 1924 г., когда признал, что советский порядок стабилизируется, потому что «все личности или организации, способные помериться с ним силой, уничтожены»¹. Очевидно, что для главы Форин-офиса как представителя консервативного британского истеблишмента большевизм выступал в качестве конкурирующей системы политического устройства, бросившей вызов либеральной демократии и обладающей притягательной силой в глазах колониальных народов. Другими словами, по мнению Керзона и всей властной элиты Соединенного Королевства, за немногими исключениями, большевизм своим существованием не только подрывал основы Британской империи, но и ставил под сомнение «великую цивилизаторскую миссию» англосаксов в глобальном масштабе.

Поэтому, несмотря на заключение торгового соглашения с РСФСР в марте 1921 г. и участие советской делегации в работе Лозаннской конференции 1922–1923 гг., предубеждение Джорджа Натаниэля против политики Москвы только возрастало². Иного трудно было бы ожидать, поскольку случаи, мягко говоря, недружественного отношения нового режима к подданным британской короны, а также преследование инакомыслящих являлись нередким делом в Советской России. У Лондона вызывали возмущение аресты англичан сотрудниками ЧК по обвинению в шпионаже, задержание британских рыболовецких судов в двенадцатимильной зоне советских территориальных вод и репрессии в отношении священнослужителей. Что же касается лично Керзона, то успехи большевистской дипломатии в Персии, Афганистане и республиках Закавказья только подтверждали его точку зрения о возрастании угрозы Индии со стороны Москвы, действовавшей против интересов Англии, как он считал, методами лживой пропаганды, шантажа и подкупа как по официальным каналам, так и через Коминтерн³.

Надо сказать, что в наиболее острый период советско-польского вооруженного конфликта 1919–1921 гг. британское правительство по крайней мере трижды направляло в адрес Москвы ноты ультимативного характера, а именно 11 и 20 июля, а также 4 августа 1920 г. Однако тогда правительство возглавлял Ллойд Джордж, который умел разговаривать с большевиками, держа «стальной кулак в бархатной перчатке», что в известной мере снимало с руководителя Министерства иностранных дел значительную долю ответственности. В начале мая 1923 г. положение было принципиально иным, поскольку Керзон исполнял обязанности главы Кабинета в отсутствие тяжелобольного Э. Бонар Лоу, разрабатывая и принимая внешнеполитические решения не только в силу должностного положения, но и потому, что являлся самым авторитетным членом правительства.

Определенную роль при этом сыграли два обстоятельства: упорное нежелание Кремля обсуждать с Р. Ходжсоном – британским дипломатическим агентом в Москве – вопросы гуманитарного характера, к примеру выплату компенсаций семьям казненных или освобождение арестованных подданных Соединенного Королевства, а также категорический отказ Москвы прекратить гонения на священников. Особое возмущение Р. Ходжсона и, естественно, Форин-офиса вызвали беспрецедентные пропагандистские заявления заведующего англо-американским и латиноамериканским отделом Народного комиссариата иностранных дел (НКИД) Г.И. Вайнштейна (бывшего директора школы в Брест-Литовске, прожившего в

США несколько лет), который напомнил англичанам о репрессиях против ирландцев и индусов⁴. Примечательно, что на этот раз даже Ллойд Джордж в письме к Керзону от 1 мая 1923 г. призвал его занять самую жесткую позицию по отношению к Советам⁵.

В меморандуме для британской миссии Керзоном собственноручно были сформулированы основные претензии к советскому правительству. Именно этот меморандум, полученный Ходжсоном из Лондона 2 мая 1923 г., и был вручен им заместителю наркома М.М. Литвинову спустя шесть дней. Требования Уайтхолла сводились к прекращению содействия национально-освободительным движениям на Ближнем и Среднем Востоке, отзыву советских полпредов из Ирана (М.Н. Шумятского) и Афганистана (Ф.Ф. Раскольников), сокращению зоны территориальных вод вдоль побережья Северного Ледовитого океана, отказу от политики репрессий в отношении служителей культа и выплате денежных компенсаций семьям британских подданных, подвергшихся аресту или казни в Советской России. В случае непринятия Кремлем условий ноты в течение десяти дней Лондон пером Керзона оставлял за собой право разорвать двусторонний торговый договор от 16 марта 1921 г.⁶

Ультимативное обращение британского правительства вызвало в Москве и столицах ведущих держав эффект разорвавшейся бомбы. В воздухе вновь запахло международным вооруженным конфликтом. По признанию Я.А. Берзина, представлявшего интересы РСФСР на берегах Темзы, все члены советской торговой миссии «серьезно готовились к отъезду»⁷. Об усилении напряженности свидетельствовал тот факт, что Л.Б. Красин, уже возглавлявший советскую делегацию на переговорах о торговом соглашении в 1920–1921 гг., немедленно вылетел из Москвы в британскую столицу на самолете! Вероятно, этот полет стал одним из первых в истории не только российской, но и мировой дипломатии⁸. Уже 17 мая 1923 г. (небывалая оперативность для Москвы!) эмиссар Кремля встретился с Керзоном для продолжительной беседы. В протоколе этой встречи было зафиксировано, что Красин «уполномочен дать искреннее обещание, что впредь [советские представители. – *Е. С.*] будут избегать всяких действий, которые могут быть поняты Великобританией как враждебные»⁹. Любопытно, как сам Красин отзывался о свидании с главой Форин-офиса в письме к супруге 18 мая: «Вчера я был у Керзона; персональный прием был очень любезный, даже необычный для этого сухаря, но по существу я добился малого»¹⁰.

Но еще до этой встречи, 13 мая, Литвинов составил и направил Керзону ответную ноту за подписью Чичерина¹¹. С одной стороны, в

ней отвергались как не соответствующие действительности обвинения по поводу антибританской деятельности советских полпредов в странах Востока, а с другой – помимо дезавуирования всех провокационных заявлений Вайнштейна была сделана попытка выдвинуть контрпретензии, в частности по вопросу о денежной компенсации британского правительства семьям 28 бакинских комиссаров, якобы арестованных и казненных англичанами на берегах Каспия в 1918 г.¹²

Между тем свою главную задачу Чичерин и Литвинов видели в том, чтобы выиграть время, используя в интересах Москвы противоречия между Англией, Францией и Германией, обусловленные кризисом вокруг Рура¹³. Здесь надо сделать небольшое отступление, чтобы упомянуть о перехвате и дешифровке переписки представителей РСФСР за рубежом с руководством НКВД, что давало возможность британской разведке, а через нее и Форин-офису, находиться в курсе всех планов и замыслов Кремля в отношении не только метрополии, но и зависимых от Великобритании государств Азии¹⁴. Характерно, что решение о контроле за разведывательной деятельностью со стороны Министерства иностранных дел было принято Военным кабинетом еще в 1919 г. Согласно этому решению, учреждался Комитет по разведывательной службе (Secret Service Committee) под председательством Керзона, который как руководитель Форин-офиса получил право первичного отбора всей корреспонденции, перехваченной и дешифрованной сотрудниками МИ-5, для последующего ознакомления с ней премьер-министра и других членов правительства¹⁵. И хотя в марте 1923 г. Кремль в служебной переписке с дипломатами изменил код, уже через несколько недель британским специалистам удалось найти ключ и к нему, что, по всей видимости, также оказало влияние на принятие Керзоном решения о направлении столь грозной ноты в адрес Москвы. Примечательно, что советские спецслужбы довольно быстро обнаружили новую утечку секретной информации, запретив в июне 1923 г. все контакты советских граждан с британскими поданными и вновь изменив систему шифровки служебных телеграмм со второй половины того же года¹⁶.

Возвращаясь к оценке реакции Москвы на ноту лорда Керзона в мае 1923 г., отметим, что провал тактики затягивания ответа на конкретные претензии Лондона, вызвавшей только ужесточение позиции автора ноты, заставил НКВД уполномочить Красина заявить о готовности правительства РСФСР пойти на максимальные уступки Лондону. Они включали отзыв полпредов из Ирана и Афганистана, выплату компенсаций англичанам, пострадавшим от советских властей, и, что самое любопытное, согласие подписать Лозаннскую

конвенцию по проливам, саму возможность которого всего четыре месяца назад отверг нарком Г.В. Чичерин!¹⁷ 19 мая Я.А. Берзин дал развернутое интервью британской прессе, целиком выдержанное в примирительном тоне¹⁸, а 23 и 28 мая состоялись встречи Красина с Керзоном, на которых первый представил развернутый меморандум советского правительства. Его содержание в целом удовлетворило главу британского МИДа, позволив снизить градус конфронтации.

Таким образом, помимо протестных выступлений левых лейбористов и коммунистов¹⁹, урегулирование кризиса стало возможным благодаря двум обстоятельствам: глубокому личному разочарованию Джорджа Натаниэля, так и не получившего 21–22 мая пост премьер-министра, что, конечно, уменьшило его заинтересованность в продолжении конфронтации, но главное – чрезвычайно гибкой позиции, занятой Москвой, фактически «капитулировавшей», согласно признанию Литвинова в телеграмме Берзину от 4 июня 1923 г., «по всем пунктам, приняв требования, абсолютно несовместимые с нашим суверенитетом». Примечательно, что ниже в телеграмме заместитель наркома, возможно несколько стущая краски, констатировал вызванное этим шагом умаление престижа Советской России на Востоке, где «открыто говорят о прекращении ее существования в качестве независимого государства»²⁰.

Впрочем, переписка между Москвой и Лондоном относительно требований, изложенных в майской ноте Керзона, продолжалась вплоть до конца июня 1923 г., хотя после завершения экстренной миссии Красина ее цель скорее заключалась в том, чтобы уточнить детали «капитуляции Москвы», которая завершила Лондон в прекращении подрывной деятельности на границах Британской Индии, заменила полпредов в Тегеране и Кабуле, освободила арестованные английские рыболовные траулеры, на время прекратила наиболее одиозные процессы против духовенства и согласилась выплатить денежную компенсацию семьям каждого из репрессированных британских подданных в размере от 3 до 10 тыс. ф. ст.²¹

В то же время, несмотря на принятие фактически всех требований Уайтхолла, большевистская пропаганда стремилась изобразить очевидное поражение Москвы как безусловную победу «первой страны социализма». Страницы «Правды», «Известий» и других рупоров официоза были заполнены «гневными письмами трудящихся», единодушно осуждавших «ультиматум Керзона» и заверявших «партию и правительство» в стремлении защитить страну от «британского империализма». Советские газеты пестрили карикатурами под символическими названиями, такими как «Большевики пишут письмо Керзону», вызывающими у читателя

исторические реминисценции. В Москве и некоторых других крупных городах прошли организованные властями демонстрации протеста. Даже на коробках со спичками появилась этикетка, на которой был изображен самолет с громадным кукишем вместо пропеллера и соответствующей подписью: «Наш ответ Керзону!»²².

Что касается официального уровня, то уже 15 июня 1923 г. один из идеологов и практиков Коминтерна К. Радек, выступая на расширенном пленуме Исполнительного комитета этой организации, заявил о стремлении лорда Керзона подчинить советскую политику британскому сценарию, удалив ее из списка «решающих факторов на Востоке» и пригрозив «войной», чтобы ликвидировать большевистскую угрозу в зародыше²³. Спустя несколько месяцев в кратком обзоре внешней политики за 1923 г. Г.В. Чичерин, развивая мысль Радека, счел возможным констатировать, что «майский ультиматум Керзона был крупнейшей попыткой наших противников за истекший период расшатать наше международное положение, но он, наоборот, показал уже достигнутую нами прочность положения»²⁴.

По всей вероятности, именно эти оценки, не соответствовавшие реальному положению вещей, и легли в основу позднейших интерпретаций эпизода с «ультиматумом Керзона», которые можно найти в трудах советских историков, с одной стороны, обвинивших руководителя Форин-офиса в намерении чуть ли не «развязать новую интервенцию против СССР», а с другой – приписав творцам внешней политики Москвы «дипломатическую победу»²⁵. Но подлинным апофеозом искажения исторических событий стала безосновательная версия о решающей роли майской ноты в срыве планов Керзона занять пост премьер-министра²⁶.

Сам Джордж Натаниэль вслед за британской прессой позитивно оценивал свой майский дипломатический демарш, о чем свидетельствует его письмо к послу в Париже лорду Крю, датированное 13 июня 1923 г.: «Я думаю, что могу заявить о большой победе над советским правительством, и я надеюсь, что они будут вести себя, хотя бы какое-то время, более осмотрительно»²⁷. Справедливости ради отметим, что даже некоторые консервативные периодические издания требовали от Форин-офиса в мае–июне того же года большей сдержанности в нападках на большевиков²⁸.

Хотя после принятия правительством СССР требований, изложенных Керзоном в ноте 1923 г., его внимание переключилось на урегулирование противоречий с Францией по проблеме германских репараций, он, естественно, не оставлял без внимания отношения с Москвой. Так, в конце лета руководитель Форин-офиса выступил против аккредитации в Лондоне нового главы советской

дипломатической миссии Х. Раковского, который не раз с высоких трибун и в печати выступал за ликвидацию Британской империи с помощью Коминтерна. Только под нажимом премьер-министра С. Болдуина и воздействием очередной серии успокоительных нот НКИД, заверявших Форин-офис в том, что мнение Раковского, которое он уже якобы скорректировал, не отражало официальную точку зрения, руководитель МИД Соединенного Королевства 31 августа 1923 г. счел возможным дать согласие на приезд полпреда²⁹.

В заключение отметим, что отставка лорда Керзона с поста министра иностранных дел 25 января 1924 г. также не изменила негативное восприятие им «большевистского эксперимента». Очередной скандал вокруг известного письма Г.Е. Зиновьева, разразившийся в октябре 1924 г. уже после юридического признания лейбористским правительством СССР, которое Керзон, естественно, не мог одобрить, только усилил это ощущение. Выступая с парламентской трибуны, он, в частности, подчеркнул: «Я считаю, что нынешнее правительство России есть не только самое худшее, но и самое жестокое, которое когда-либо держало в своих руках судьбу народов... Не думайте, что русское правительство есть группа, представляющая собой хоть часть своей страны. Ничего подобного. Это маленькая кучка людей численностью в несколько сот человек, и очень малый процент которых – русские; они, как хищники, питаются телами этого несчастного народа... Все их стремления направлены к поднятию восстаний в Ирландии и доминионах, к ведению бесконечной пропаганды и борьбы против всего того, что мы считаем святым в своей жизни. Чем меньше мы будем иметь дела с большевиками, тем будет лучше для нас»³⁰.

Но к середине 1920-х гг. политику в коридорах Уайтхолла определяли уже другие люди...

Примечания

- ¹ Цит. по: *Northedge F. The Troubled Giant. Britain among the Great Powers, 1916–1939.* N. Y.; Washington: Praeger, 1966. P. 210. О том, что Керзон подобным образом отзывался о большевистском правительстве, свидетельствует дипломатический представитель Великобритании в Москве Р. Ходжсон, см.: *Hodgson R. Memoirs of an Official Agent: Trading with Russia, 1921–1923* // *History Today.* 1954. № 4. P. 523.
- ² Следует отметить, что годовой объем торговли между Советской Россией и Великобританией к сентябрю 1922 г. (22 млн ф. ст.) не достиг и половины суммы товарооборота 1913 г. (56 млн ф. ст.), см.: Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 069. Референтура по Англии. Оп. 10. Папка 28. Д. 17. Л. 46 об. Зам. министра иностранных дел Р. Макнейлл – члену Палаты общин от лейбористов Э. Морелю, сентябрь 1922 г.

- ³ British Library. India Office Library and Records (IOLR). F 112/236. Memorandum by Curzon on Russian trade negotiations, 14 November 1920. Также см.: *Ronaldshay L.* The Life of Lord Curzon. Being the Authorized Biography of George Nathaniel Marquise Curzon of Kedleston. L.; N. Y.: E. Benn, 1928. Vol. 3. P. 355; *White S.* Britain and the Bolshevik Revolution. A Study in the Politics of Diplomacy, 1920–1924. L.: Macmillan, 1979. P. 151–158; *Лавров С.В.* Политика Англии на Кавказе и в Средней Азии в 1917–1921 гг. // Вопросы истории. 1979. № 5. С. 92.
- ⁴ Вся переписка Вайнштейна и Ходжсона отложилась в следующем деле: IOLR. F 112/236. № 1–5. Hodgson to Chicherin; Weinstein to Hodgson; Hodgson to Weinstein; Curzon to Hodgson, 30, 31 March, 1, 4 April, 2 May, 1923. Также см.: National Archives of the United Kingdom. Public Record Office (PRO). FO 418/59. Memorandum by Curzon, 2 May, 1923.
- ⁵ Documents on British Foreign Policy 1919–1939 (DBFP) / Ed. by R. Butler, J. Burg. L.: His Majesty Stationary Office (HMSO), 1961. Ser. 1. Vol. 25. Lloyd George to Curzon, 1 May, 1923.
- ⁶ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 4. Папка 23. Д. 329. Л. 5–7. Нота Керзона советскому правительству, 8 мая 1923 г.
- ⁷ Там же. Папка 24. Д. 1923. Л. 10. Берзин – Литвинову, 11 мая 1923 г.
- ⁸ *Карпова Р.Ф.* Л.Б. Красин – советский дипломат. М.: Соцэкгиз, 1962. С. 151. Стоит заметить, что, по информации русской военной контрразведки, Л.Б. Красин являлся секретным сотрудником царской охраны с 1894 по 1902 г., хотя эти сведения нуждаются в подтверждении. См.: *Орлов В.Г.* Двойной агент. Записки русского контрразведчика. М.: Современник, 1998. С. 159.
- ⁹ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 4. Папка 23. Д. 330. Л. 8. Протокол беседы Керзона и Красина, 17 мая 1923 г.; PRO. FO 418/59. Note of Curzon's parley with Krasin, 17 May, 1923.
- ¹⁰ Цит. по: *Кремнев Б.Г.* Красин. М.: Молодая гвардия, 1968. С. 229.
- ¹¹ *Шейнис Э.С.* Максим Максимович Литвинов: революционер, дипломат, человек. М.: Политиздат, 1989. С. 226–227.
- ¹² АВП РФ. Ф. 04. Оп. 4. Папка 23. Д. 329. Л. 23–33. Нота Чичерина британскому правительству, 11 мая 1923 г.; Документы внешней политики СССР (ДВП СССР) / Ред. А.А. Громыко. М.: Политиздат, 1962. Т. 6. С. 288–296; PRO. FO 418/59. Note by Chicherin to the British government, 13 May, 1923; IOLR. F 112/236. Reply by the Soviet government, 13 May, 1923 (разница в датах, по-видимому, объясняется тем, что нота Чичерина была направлена в пятницу, а ее получение зарегистрировано чиновниками Форин-офиса только в воскресенье).
- ¹³ Информацию о таких попытках можно найти в мемуарах британского посла в Берлине. См.: *D'Abernon E.* An Ambassador of Peace. L.: Hodder and Stoughton, 1929. Vol. 2. P. 172, 216.
- ¹⁴ IOLR. F 112/236. Telegrams of the Soviet diplomats, 1920–1923.
- ¹⁵ Подробнее о роли лорда Керзона в реорганизации разведывательной службы Великобритании после Первой мировой войны и борьбе против агентов Коминтерна см.: *Jeffery K., Sharp A.* Lord Curzon and Secret Intelligence // Intelligence and International

- relations, 1900–1945 / Ed. by C. Andrew, J. Noakes. Exeter: University of Exeter Press, 1987. P. 103–126, esp., P. 104–105; *Johnson R.* Spying for Empire. The Great Game in Central and South Asia, 1757–1947. L.: Greenhill Books, 2006. P. 235–237.
- ¹⁶ Подробнее об этом см.: *Анин Б.Ю., Петрович А.И.* Радиопрошпионаж. М.: Международные отношения, 1996. С. 189–190.
- ¹⁷ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 4. Папка 24. Д. 333/1923. Л. 2–4. Проект телеграммы Красину в ответ на ультиматум Керзона, 19 мая 1923 г.
- ¹⁸ ДВП СССР. Т. 6. С. 320–321. Интервью Я.А. Берзина британской прессе, 19 мая 1923 г.
- ¹⁹ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 4. Папка 23. Д. 33. Л. 33–35. Выступление А. Гендерсона, май 1923 г.
- ²⁰ Там же. Папка 24. Д. 333. Л. 11–18. Литвинов – Берзину, 4 июня 1923 г.
- ²¹ *White S.* Op. cit. P. 167–168; Советская историческая энциклопедия (СИЭ). М.: Советская энциклопедия, 1965. Т. 7. С. 189–190. См. переписку относительно удовлетворения требований англичан к правительству РСФСР: АВП РФ. Ф. 04. Оп. 4. Папка 23. Д. 33; Англо-советские отношения со дня подписания торгового соглашения до разрыва (1921–1927 гг.). С. 58–59; ДВП СССР. Т. 6. С. 288–302.
- ²² *Кремнев Б.Г.* Указ. соч. С. 227.
- ²³ Цит. по: *Soviet Russia and the West. 1920–1927. A Documentary Survey* / Ed. by X. Eudin-Joukoff, H.H. Fisher. Stanford, CA: Stanford University Press, 1957. P. 188.
- ²⁴ Цит. по: История дипломатии / Ред. А.А. Громыко и др. М.: Политиздат, 1965. Т. 3. С. 327.
- ²⁵ См., например: *Лемин И.М.* Внешняя политика Великобритании от Версаля до Локарно. 1919–1925 гг. М.: Политиздат, 1947. С. 406–410; *Карпова Р.Ф.* Указ. соч. С. 153; *Кремнев Б.Г.* Указ. соч. С. 229.
- ²⁶ *Волков Ф.Д.* Крах английской политики интервенции и дипломатической изоляции Советского государства (1917–1924). М.: Политиздат, 1954. С. 299–322; *Виноградов К.Б., Бузынина Н.К.* Лорд Керзон: рекорды тщеславия // Монархи, министры, дипломаты XIX – начала XX в. / Ред. К.Б. Виноградов. СПб.: Санкт-Петербургский ун-т, 2002. С. 286–289; *Василенкова О.В.* Англо-советские отношения в 1918–1924 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владимир: Владимирский государственный педагогический университет, 2007. С. 19.
- ²⁷ Цит. по: *Ronaldshay L.* Op. cit. Vol. 3. P. 356. Curzon to Crew, 13 June 1923.
- ²⁸ С таким обращением, к примеру, в июне 1923 г. выступил влиятельный ежемесячный журнал «Национальное обозрение» (National Review). См.: *White S.* Op. cit. P. 162.
- ²⁹ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 4. Папка 23. Д. 321, 322. Переписка о назначении Х. Раковского, июль–август 1923 г.
- ³⁰ Там же. Ф. 069. Референтура по Англии. Отрывки и обзоры британской прессы, 1924 г. Times, 27, 28, October 1924.

Регионы мира: динамика и модели взаимодействия

Ю.В. Ирхин

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ АРЕАЛ КОНФУЦИАНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ: ГДЕ ПРЕДЕЛЫ ПРОЕКТА?

В статье проанализирован пространственно-временной ареал конфуцианской цивилизации; культурные, социальные, экономические, этнические, этические и политические ценности Китая, других конфуцианских стран Дальнего Востока. Показаны генезис, современный потенциал и достижения Китайской Народной Республики. Автор исследует современную модель управления и развития КНР как государства-цивилизации, рассматривает ее проблемы, преимущества и возможности. анализирует стратегическое проектирование развития КНР, современную геополитику Китая и ее перспективы.

Ключевые слова: пространственно-временной ареал, конфуцианская цивилизация, конфуцианские ценности, нация, государство, проектирование, геополитика.

Китай – это цивилизация, которая выдает себя за нацию.

Л. Пай

Конфуцианская этика убеждает, что каждый человек при помощи знания и неустанного старания способен выстроить свою успешную дорогу жизни.

И. Малевич

Китай – родина великого Конфуция (551–479 гг. до н. э.), а конфуцианская цивилизация – воплощение его идеалов и максим. Конфуций официально входит в число ста самых известных мыс-

© Ирхин Ю.В., 2015

Статья подготовлена в рамках реализации Программы стратегического развития РГГУ на 2012–2015 гг. (проект 2.1.1) по кафедре теоретической и прикладной политологии факультета истории, политологии и права РГГУ.

лителей планеты¹. Он – единственный за всю мировую историю человек, чьим именем названа одна из величайших цивилизаций. Вот уже более двух с половиной тысяч лет его учение лежит в основе ее культурной и управленческой матрицы. Знание наизусть сборника высказываний Конфуция – «Лунь юй» («Суждения и Беседы») тысячелетия являлось обязательным требованием китайского классического образования.

Конфуцианская цивилизация является одной из древнейших в мире. Первые государственные образования на территории Китая относятся к началу II тысячелетия до н. э. Китайцы – авторы многих великих изобретений и достижений. Среди них – компас, бумага, порох, фарфор, книгопечатание, Великая китайская стена, древнейшая и сложнейшая иероглифическая система письма, мировые шедевры литературы и живописи, фундаментальные открытия в сфере гуманитарных и социальных наук, искусство управления государством².

До XIX в. Китай был одним из самых передовых мировых государств и культурным центром Восточной Азии. Со временем он стал проигрывать в экономическом и военном развитии странам Запада и США, стал объектом их колониальной экспансии и превратился в полуколонию. 1 октября 1949 г. была провозглашена Китайская Народная Республика. Избрав в конце 80-х годов XX в. эффективный курс экономического и стабильного политического развития, Китай начал со временем серьезно конкурировать с ведущими странами мира в области экономики, науки, космоса, обороны и др. Сегодня это вторая держава мира по экономическому потенциалу.

КНР является ведущим государством конфуцианской цивилизации, которая охватывает страны наиболее динамично развивающегося, колоссального по своему природному и человеческому потенциалу дальневосточного макрорегиона, включающего также Тайвань, Японию, Республику Корею, КНДР, Вьетнам, Сингапур и др. Характерной особенностью этой цивилизации является ее неотрадиционалистская, преимущественно конфуцианская политическая и культурная матрица. Сердце конфуцианской цивилизации – Китайская Народная Республика, Республика Китай (Тайвань)³ и Республика Корея (Южная Корея).

Страны конфуцианской цивилизации вот уже более трети века демонстрируют значительные успехи в социально-экономическом развитии независимо от специфики политического устройства: достигнутые результаты процесса модернизации в КНР, с экспортно-рыночной моделью экономики и преимущественно однопартийной политической системой, впечатляют не меньше, чем на-

учно-техническое «чудо» постиндустриальной, многопартийной, неотрадиционалистской, синтоистско-конфуцианско-буддийской Японии, сохранившей институт монархии.

Общей социокультурной основой развития большинства государств Восточной Азии является замешанная на конфуцианстве и даосизме система общественных отношений, социальных и политических институтов. Она образует некоторое структурное ядро, которое и определяет социокультурный характер модернизационных сдвигов, задает тон в жизни общества и государства. В результате отлаженный веками мощный конфуцианский социальный генотип срабатывает во многом как бы автоматически. Патриотизм, дух просвещенного патернализма, развитое чувство долга и ответственности, высокая культура труда, организованность и элементы коллективизма, стремление к личному и общественному совершенствованию – все эти и другие элементы конфуцианской морали, этики и управленческой культуры в значительной степени способствовали прогрессу Японии, быстрому экономическому развитию так называемых малых драконов: Гонконга, Тайваня, Южной Кореи, Сингапура, Малайзии, выдающимся социально-экономическим достижениям и возвышению Китайской Народной Республики.

Суть конфуцианства сводится к следующим максимам: стремлению к гуманности, добродетельности, справедливости, умеренности, учтивости, мудрости, искренности, исполнению долга, самосовершенствованию, уважению ритуала и традиций, просвещению, сохранению народа и др⁴.

Максимы Конфуция

Человек расширяет Путь, а не Путь расширяет человека.

Владеть собою настолько, чтоб уважать других, как самого себя, и поступать с ними так, как мы желали бы, чтобы с нами поступали, – вот что можно назвать *человеколюбием*. Выше этого нет ничего.

Если наставлять добродетелью и поддерживать порядок посредством ритуала, люди будут знать, что такое стыд, и будут вести себя пристойно.

Секрет доброго правления: правитель да будет правителем, подданный – подданным, отец – отцом, а сын – сыном.

Когда верхи чтят ритуал, никто из простолюдинов не посмеет быть непочтительным; когда верхи чтят долг, никто из простолюдинов не посмеет быть непокорным; когда верхи любят честность, никто из простолюдинов не посмеет быть нечестным.

Когда богатства распределяются равномерно, то не будет бедности.

Когда в стране царит гармония, то народ не будет малочислен.

Когда царит мир в отношениях между верхами и низами, не будет опасности свержения правителя.

Если музыка и ритуал процветают, наказания не применяются надлежащим образом.

Если выдвигать справедливых, устранять несправедливых, народ будет повиноваться.

В кругу семьи почитай родителей. Вне семьи почитай старших. Будь честен и милостив с людьми, возлюби добро. Если, соблюдая эти правила, ты еще будешь иметь досуг, используй его для учения.

Мера наслаждения определяется уровнем воспитания.

В основу конфуцианства заложен принцип постоянного совершенствования всех его участников по мере взросления, в силу обучения, воспитания, овладения наукой и т. д. Одно поколение (20 лет) следует за другим, три поколения составляют шестидесятилетний цикл, который входит в еще более крупную циклическую систему (300 лет). Идеи постоянного самосовершенствования, осмысления и достижения порядка органично вписаны в традиционный китайский (восточный) циклический календарь (12 лет по пять циклов и/или срок жизни трех поколений) и становятся, по сути, бесконечными.

В конфуцианстве особое внимание уделяется принципу добродетели – «дэ». Этот принцип распространяется и на людей, причастных к управлению. Так, управляющие верхи должны быть совершенными («цзюнь-цзы») и подчинены строгим нормам ритуала – «ли»: чувству долга, справедливости, стремлению к знаниям, верности, уважению к старшим, гуманному отношению к подчиненным. Мудрый, благородный руководитель всегда идет путем («дао» – путь, служение) выполнения долга и готов к отставке. Конфуций отмечал значение четкой организации и формализации естественной деятельности с тем, чтобы каждый соблюдал свои обязанности и находился на отведенном ему месте, должности, посту. Конфуцианцы считали обязательным опосредование законов нравственно-этическими нормами и традициями воспитания.

Понятие «жэнь» («гуманность» и «человечность»), которое в доконфуцианский период распространялось в основном на сферу межличностных отношений, в трудах Конфуция стало включать различные аспекты политического управления, направленного на поддержание общественной гармонии ненасильственными методами. За добродетели и усердие, по конфуцианским нормам, по-

лагались долгая жизнь, здоровье и богатство в этом мире и добрая память поколений. Просветительско-педагогическая доктрина Конфуция основывалась на принципе равных возможностей: минимальной платы за обучение со стороны неимущих. Особое значение придавалось бережливости. В дискурсе конфуцианской культуры было разработано учение «цзин цзи» (о рациональной экономике). Значительное место в нем отводилось разумной экономии, недопустимости чрезмерных налогов, рационального перераспределения средств в государстве, соблюдению меры в потреблении природных ресурсов, продуктов труда и жизненной энергии самого социума и составляющих его людей как единого целого.

Таблица 1

Максимы рационального управления⁵

Цели	Способы
Наставление народа	Улучшение нравов, выбор и обретение достойных наставников, наставления в соблюдении меры потребления. Средство исправления нравов народа – ритуал и конфуцианское образование
Повелевание народом	Строгое соблюдение законов и применение метода наград и наказаний
Управление народом	С помощью верных сановников и достойных чиновников
Обеспечение народа	Создание запасов, поощрение земледелия и «взятие с народа не более установленной нормы»

Конфуцианство явилось особой разновидностью рационализма. Если деятельность пуританина обуславливалась во многом энтузиазмом отдельной личности, то жизнь конфуцианца опосредовалась ритуалом традиции, клановых отношений, долгом, самосовершенствованием. Устойчивость социальных отношений в конфуцианстве, в качестве их обратной стороны, могла выступать тормозом при решении производственных задач, если они не инициировались передовой элитой.

Массовый современный интерес к конфуцианству объясняется двумя базовыми факторами. Во-первых, с ним связывают зримые многообразные социально-экономические и научные достижения государств конфуцианского ареала. Конфуцианство предопределяет принципы художественно-эстетической практики, жизнен-

ной рассудительности и здравого смысла, социальных отношений, управления, повиновения долгу и закону. Во-вторых, считается, что нравственный потенциал конфуцианства способен при его реализации в известной степени демпфировать крайности либерализма, индивидуализма, бездуховности и иных пороков; способен содействовать гармонизации общественных отношений как внутри стран, так и в мировой политике.

В конфуцианстве существуют различные направления. Среди ученых и политиков часто обсуждается вопрос о совместимости идей демократического развития общества с конфуцианством. Одни исследователи (С. Хантингтон и др.) отмечают, что традиционное конфуцианство следует считать скорее авторитарной концепцией, чем демократической, несмотря на его гуманистические принципы, и с оговоркой, что оно ни в коем случае не санкционирует авторитарную политическую систему. Так, Япония и Южная Корея сумели обеспечить достаточную степень политического участия и индивидуальной свободы, не поступившись ни в малой степени своими основополагающими культурными ценностями. В этом же направлении происходит развитие и Тайваня⁶. По-разному можно понимать также и традиционный конфуцианский акцент на роли согласия и сотрудничества, а не на разнообразии мнений и конкуренции.

Другие исследователи, например Ф. Фукуяма, выделяют те сферы общества, где конфуцианство не противоречит демократическим преобразованиям⁷. Среди них: традиционная конфуцианская система конкурсных государственных экзаменов для отбора претендентов на должности в госаппарате; введение особой, контрольной власти в системе разделения властей; внимание к образованию и просвещению (высокий образовательный уровень является важной основой демократического развития); стремление к постоянному самосовершенствованию и обучению; роль большой семьи как своеобразного института гражданского общества; значение базовых семейных ценностей семьи и их распространение на все общество и управление; определенная толерантность конфуцианства и его открытость к новациям и др.

Конфуцианские принципы сыграли важную роль в формировании китайской экономической стратегии. Среди них: опора на собственные силы и поддержка национальных производителей, сочетание модернизации с интересами развития китайского общества, массивное «конкурентно-экспортное» вхождение Китая в мировой рынок при защите национальных интересов и культуры, устойчивость национальной валюты и самые большие запасы дол-

ларов в мире после США (3 млрд), наличие в стране единого центра управления хозяйства и его гибкие отношения соподчинения с региональными субъектами.

Все сказанное выше свидетельствует о богатых возможностях конфуцианства в целом как диалектической системе традиционных принципов развития китайской культуры и цивилизации, которые всегда открыты для многообразных модификаций и трансформаций, в соответствии с очередными вызовами эпохи и времени, но всегда на национальной почве⁸.

Следует выделить и то, что большая часть значительных зарубежных инвестиций в Китай представлена *прямыми капиталовложениями* в сферу материального производства. Кроме того, многие инвестиции имеют ярко выраженный *этнический характер* – представляют вклады этнических китайцев со всего мира. Подобная техногенно-экспортно-традиционалистско-этническая стратегия нацелена как на сохранение устойчивости и управляемости китайского общества в условиях XXI в., так и на постоянное повышение его *конкурентоспособных качеств* в производстве соответствующих видов товаров и услуг, общем усилении геополитического и/или этнокультурного влияния. Ряд ученых полагают, что конфуцианские принципы сегодня играют на Востоке ту же позитивную роль, что в свое время исполняла протестантская этика на Западе.

В последние десятилетия КНР занимает особое место в Восточной Азии и во всем мировом сообществе, что объясняется ее природным, человеческим, индустриально-технологическим, научным, культурным и военным потенциалом, последовательным курсом руководства страны на социально-экономическую модернизацию и достигнутыми результатами⁹.

КНР – одна из немногих стран в мире, где эффективно осуществляется долгосрочное прогнозирование и планирование, увязанное с соответствующими стратегическими и среднесрочными целями. Творчески учитывается максима Конфуция: «Кто не продумывает далекое, столкнется с неприятностями в ближайшем будущем»¹⁰. Стратегическая программа превращения Китая в современную постиндустриальную державу и формирования постиндустриального общества охватывает период в 70 лет – с конца XX в. и до середины XXI в.! Эта стратегия развития (1980–2050 гг.) включает три этапа.

В период до 2010 г. было намечено создать в КНР «целостную систему социалистической рыночной экономики» и поднять жизненный уровень всего населения до уровня малого благосостояния. Эти цели были реализованы.

Задачи второго (современного) этапа (2011–2030 гг.) состоят в осуществлении развернутой научно-технической революции и создании основ информационного общества.

Третий этап (2031–2050 гг.) должен поднять Китай на постиндустриальный уровень и к середине XXI в. «засыпать падь», отделяющую его от высокоразвитых стран в области экономики и техники.

КНР демонстрирует устойчивые и высокие темпы экономического роста, значительные достижения в сфере промышленности, ракетно-космического производства, электроники, культурной и спортивной жизни. Темпы экономического развития КНР за все последние сорок лет были беспрецедентными (в среднем до 9–10 % в год). Страна имеет самые большие золотовалютные запасы в мире и самый большой объем иностранных инвестиций. Ежегодно в КНР производится около 300 млн компьютеров, 1 млрд мобильных телефонов, более 20 млн автомобилей и т. д. В Китае наибольшее количество пользователей Интернета по сравнению с любой другой страной. В рейтинге ста лучших университетов мира в 2013 г. было восемь китайских (включая Гонконг и Сингапур). Когда в 2012 г. Нобелевскую премию по литературе впервые получил китайский писатель Мо Янь, то буквально в течение часа все тиражи его книг («Страна вина», «Красный гаолян») были полностью раскуплены в стране. КНР также стала ведущей спортивной державой.

В 2003 г. был успешно осуществлен запуск первого китайского космонавта, и КНР стала третьей в мире космической державой. В июне 2012 г. первая китайская женщина-космонавт Лю Ян и ее коллеги на космическом корабле «Шэньчжоу-9» совершили двухнедельный полет в космос и произвели ручную стыковку двух орбитальных объектов. В декабре 2013 г. китайский луноход «Жемчужный заяц» (в литературе Дальнего Востока тени на Луне ассоциируются с силуэтом зайца) достиг Луны, прилунился, благополучно сошел на поверхность и приступил к исследованию спутника Земли. В 2016 г. планируется высадка китайских космонавтов на Луне, а в 2030 г. – открытие постоянной лунной обитаемой базы КНР.

В соответствии с официальными данными международных организаций КНР к 2007 г. по объему своего внутреннего валового продукта перегнала Японию и вышла по этому показателю на второе место в мире (после США), причем разрыв между ними сокращается: в 2011 г. ВВП США составлял 15,3 трлн долл., а КНР – 11,4 трлн долл. В 2010–2015 гг. КНР стала опережать США уже не только по темпам экономического развития (соответственно 8 % и 3 %), но и по объему прироста ВВП.

Среди других стран конфуцианского ареала по объему ВВП можно выделить Японию (4-е место в мире – после Индии, соответственно 4,3 и 4,1 млрд долл.), Южную Корею (14-е), Тайвань (Республика Китай) – 19-е место в мире и др.¹¹

Интересно, что Россия в 2013 г. впервые вплотную приблизилась к ФРГ – 5-е место по объему ВВП (3 млрд долл.), заняв в этом рейтинге 6-е место в мире. Иначе говоря, в первой шестерке государств по уровню ВВП два – представители стран конфуцианского ареала (КНР и Япония), одно – индо-буддийской цивилизации, два – западной, одно – евразийской. Следует уточнить, что 7-е, 8-е и 9-е места занимают Бразилия (Латинская Америка), Великобритания и Франция (снова западноевропейский ареал).

Понятно, что доходы граждан КНР на душу населения в силу более чем миллиардной его численности, разумеется, на порядки ниже, чем в индустриально развитых странах. Но вот что важно: за последние десятилетия в КНР сформировался значительный городской средний класс, насчитывающий более трехсот миллионов человек. Кроме того, государство, передав землю в аренду крестьянам на срок до 90 лет и всячески поддерживая сельское хозяйство, создало необходимые условия для успешного обеспечения населения страны продовольствием, а легкой промышленности – сырьем.

Общий уровень грамотности в КНР, качество образования и науки в среднем пока уступают этим показателям в наиболее развитых странах, но китайцы все успешнее используют у себя наиболее эффективные и продвинутые мировые технологии в этих и иных сферах¹².

КНР обладает самым большим человеческим потенциалом на планете в сравнении с другими странами. Дополнительным человеческим фактором успешного экономического развития этой страны является также поддержка ее курса со стороны хуацяо – около 200 млн выходцев из Китая, этнических китайцев за рубежом. Хуацяо играют важную роль в аккумуляции финансов и реализации соответствующих бизнес- и иных планов. Среди этнических китайцев – семь лауреатов Нобелевской премии (из них 4 по физике).

По своим географическим размерам КНР занимает 3-е место в мире, после России и Канады¹³. Самоназвание Китая – Чжун го – означает «Срединное государство». Это смысловое понятие отражает традицию представлений китайцев о самих себе именно как о центре цивилизованного мира. Даже сама картинка иероглифа «чжун» означает центр, середину и сразу «подтягивает» мысль именно к этому смыслу. В определенные исторические периоды Китайской империи ее границы были достаточно обширными.

В современных условиях КНР в целом придерживается своих международно признанных границ. Вместе с тем следует обратить внимание на то, что в научном и официальном дискурсах КНР используются три ее понимания как политико-географического объекта:

- 1) собственно территория КНР (без Тайваня);
- 2) «Большой Китай» как государство (включая Тайвань, Пескадорские о-ва, о-ва Цзиньмэнь и Мацзу);
- 3) «Большой Китай» как «большая китайская цивилизация» – весь китайский цивилизационный ареал, включая многочисленные китайские диаспоры по всему миру и вытекающие понятия: «экономико-культурная сфера большого Китая», «экономическая сфера большого Китая» и др.¹⁴

В 1995 г. военный отряд КНР захватил Парасельские острова (ранее были у Вьетнама), а затем один из островов Спратли (ранее – у Филиппин). В результате площадь китайских морских владений в этом регионе многократно увеличилась. В 2012 г. КНР предъявила претензии к Японии по поводу пяти взятых в 1945 г. под ее контроль островов Сенкаку (на кит. – Дяоюйдао), где были найдены большие залежи газа. Эта позиция КНР была поддержана Тайванем.

Современный Китай руководствуется стратегической программой развития страны до 2020 г., которая выстроена на основе двух концепций: «научного развития» и «социальной гармонии». Согласно первой, экономика КНР должна отойти от сложившейся в 90-е годы XX в. модели роста за счет экспорта дешевых товаров и сконцентрироваться на разработке собственных передовых технологий. Другим источником роста должно стать увеличение внутреннего потребления. Наконец, важными задачами объявлены укрепление рынка, реформа госпредприятий и постепенный демонтаж государственных монополий. В итоге к 2020 г. Китай должен увеличить ВВП в четыре раза по сравнению с 2000 г.

Четвертая модернизация Китая (после аграрной, индустриальной и военной) – это эффективное использование достижений НТР, научно-техническая и технологическая постиндустриальная модернизация. Характерно, что обучение и особенно повышение квалификации ученых и управленцев обычно ведется за рубежом в ведущих мировых центрах; с 1996 г. управленческий персонал науки и наукоемких производств набирается только по конкурсу. На науку выделяется до 10 % бюджета – это один из самых высоких в мире показателей.

Этот курс призван уберечь Китай от общественных потрясений вроде «цветных революций». Дело в том, что реформы в КНР

в основном коснулись горожан и жителей восточных приморских провинций, в то время как почти 800-миллионное китайское крестьянство во многом так и не вкусило плодов преобразований. Выход руководство КНР видит в создании среднего класса, для чего государство усилит поддержку малого бизнеса, а также увеличит финансирование бюджетников¹⁵.

XVIII съезд КПК (ноябрь 2012 г.) избрал новое, пятое, поколение руководителей страны во главе с Си Цзиньпином¹⁶. Препрежнее поколение, во главе с Ху Цзиньтао, традиционно подготовило естественное для КНР обновление руководства. В решениях съезда поставлена задача удвоения ВВП к 2020 г. Следуя принципу тройного представительства, партия должна постоянно представлять требования развития передовых производительных сил Китая, прогрессивное направление передовой китайской культуры, коренные интересы самых широких слоев китайского народа. В качестве долгосрочной цели планируется к 100-летию КНР (т. е. к 2049 г.) превратить Китай в «богатое, могущественное, демократическое, цивилизованное и гармоничное модернизированное социалистическое государство».

В свое время президент США Р. Рейган заметил, что «Америка никогда не уступит ни одной стране мира первенство в информационных, военных и банковских технологиях, ибо потеря даже одного из этих приоритетов “технологической безопасности” аналогична проигрышу в войне». По первым двум направлениям КНР уже начала реально конкурировать с США, а в 2016 г. предполагает сделать юань конвертируемой валютой. Будущее покажет, сможет ли конфуцианская цивилизация должным образом ответить на вызовы XXI в., совершенствуя свою систему ценностей и неуклонно расширяя человеческий, научно-технологический и культурный ареал во времени и пространстве.

Примечания

- ¹ См.: *Сигэки Каидзука*. Конфуций: Первый учитель Поднебесной. М., 2004.
- ² См.: *Фукуяма Ф.* Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI в. М., 2006. С. 6.
- ³ Китайская Республика (ее часто называют по столице Тайвань, что означает в переводе с кит. «удобная бухта») как современное государство образовалась в результате поражения в гражданской войне 1946–1950 гг. партии Гоминьдан и части китайской элиты, которая переместилась на этот остров. США и страны Запада изначально поддерживали и поддерживают Тайвань, пытаются противо-

поставить его КНР. Тайвань ранее даже входил в Совет Безопасности ООН, но в 1971 г. это место было передано КНР, которая проводит по отношению к Тайваню взвешенную политику: «Одна нация, два государственных устройства» – и не вполне признает его суверенитет.

- ⁴ См.: *Мудрость Конфуция: Афоризмы и изречения*. М.: Олма-Медиа-Групп, 2014.
- ⁵ См.: *Искусство властвовать* / Пер. с кит. Г.В. Зиновьева. М., 2001.
- ⁶ См.: *Huntington S. Democracy's Third Wave* // *Journal of Democracy*. 1991. № 2. P. 24.
- ⁷ См.: *Fucuyama F. Confucianism and Democracy* // *Journal of Democracy*. 1995. Vol. 6. № 2. P. 28.
- ⁸ См.: *Кинддж Д. Китай, который потряс мир* / Пер. с англ. И.В. Кузнецова. М.: АСТ, 2008.
- ⁹ См.: *Naisbitt J., Naisbitt D. China's Megatrends: The 8 Pillars of A New Society*. N. Y.: HarperCollins Publishers, 2010.
- ¹⁰ *Конфуций*. Лунь юй. СПб., 2000. С. 112.
- ¹¹ См.: *Irkhin Y.V. Global Development, Waves and Periods in 2000, 2020 and 2040* // *Problems of Contemporary World Futurology* / Ed. by V.I. Yakunin. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2011. P. 315–325.
- ¹² См.: *Kynge J. China Shakes the World: A Titan's Rise and Troubled Future – and the Challenge for America*. N. Y.: Houghton Mifflin, 2006. P. 7.
- ¹³ Территория РФ составляет 17075 тыс. км², Канады – 9976, КНР – 9596, США – 9518, Бразилии – 8511, Австралии – 7686, Индии – 3287, Аргентины – 2766, Казахстана – 2727.
- ¹⁴ См.: *Тимофеев О.А. Эволюция концепции государственного суверенитета в Китае* // *Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование*. 2012. № 2. С. 115–116.
- ¹⁵ См.: *Кондрашова Л.И. Прогнозы экономического развития Китая* // *Научный эксперт*. 2012. № 7. С. 101.
- ¹⁶ Генеральный секретарь КПК и Председатель ЦВС Си Цзиньпин родился в 1953 г., закончил престижный пекинский университет Циньхуа (химик-технолог), имеет степень доктора по юриспруденции, был вице-мэром г. Сямэнь в свободной экономической зоне (недалеко от Тайваня), и. о. губернатора провинции Фуцзянь, секретарем Шанхайского горкома КПК, затем стал членом высших партийных органов, с 2008 г. – зампреда народного правительства КНР.

П.Г. Кошкин

ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА РОССИИ
В РЕДАКЦИОННЫХ СТАТЬЯХ «НЬЮ-ЙОРК ТАЙМС»
В 2010–2013 гг.: КАЧЕСТВЕННЫЙ
АНАЛИЗ КОЛОНОК

В статье обсуждаются тенденции в освещении событий в России и изменение ее образа в редакционных статьях газеты «Нью-Йорк таймс» за четырехлетний период, с 1 января 2010 г. по 31 декабря 2013 г. На примере «Нью-Йорк таймс» автор, в частности, показывает, как восприятие России менялось в американских СМИ в исторической ретроспективе, чтобы выявить, какие основные факторы влияли на формирование образа страны.

Ключевые слова: американская колумнистика, российско-американские отношения, контентный анализ, «Нью-Йорк таймс», редакционные статьи.

Внутренняя и внешняя политика Кремля оказывает большое влияние на образ России в американских СМИ. В этом можно убедиться, проанализировав воздействие на него событий 2010–2013 гг. Подготовка к зимней Олимпиаде в Сочи, парламентские и президентские выборы и последовавшая за ними волна протестов 2011–2012 гг., вступление во Всемирную торговую организацию (ВТО), серия противоречивых законов, принятых Государственной думой, позиция России по сирийскому вопросу, перезагрузка российско-американских отношений – все эти события нашли свое отражение в американской прессе, в частности в ее флагмане – газете «Нью-Йорк таймс».

В данной работе мы проведем качественный анализ редакционных статей «Нью-Йорк таймс», а также задействуем исторический метод, чтобы выявить связь между прошлым и настоящим в создании образа России в американской прессе, проследив эволюцию этого образа на страницах «Нью-Йорк таймс».

Как показывают результаты качественного анализа редакционных статей газеты, опубликованных с 1 января 2010 г. по 31 декабря 2013 г., за этот небольшой срок образ России на ее страницах резко изменился.

Хотя измерительный анализ говорит о том, что редакция относится к курсу российского руководства неблагоприятно (из 48 статей, опубликованных в газете за упомянутый период, 31 – негативна по отношению к России¹), качественный анализ дает более сложную картину того, как восприятие России менялось на протяжении четырех лет. Однако вначале для выявления общих тенденций рассмотрим, как ее образ трансформировался с XIX по XXI в.

Образ России в американских СМИ в исторической ретроспективе

Западные и российские исследователи отмечают, что до последних двух десятилетий XIX в. образ России в США был в лучшем случае позитивным либо нейтральным, так как острых противоречий между странами не возникало². По выражению бывшего посла США в России А. Вершбоу, российско-американские отношения в тот период были «корректными, но не особенно насыщенными»³. Так, во время Гражданской войны в США поддержка Россией северных штатов в борьбе против рабства и визит российских военных кораблей в Нью-Йорк и Сан-Франциско вызвали положительный отклик среди американских журналистов, публицистов и дипломатов, что способствовало «романтизации» России в американской прессе и литературе⁴. Однако в последние десятилетия XIX столетия отношение к России в США резко изменилось, что было связано, с одной стороны, с событиями в России, а с другой – с внутренней «повесткой дня» в самих США, их стремлением усилить свое политическое влияние в мире⁵.

Образ России в конце XIX – начале XX в.

Одним из событий, изменивших восприятие России в США, стало убийство императора Александра II в 1881 г. и приход к власти Александра III, ознаменовавшийся началом новой волны политической реакции – ограничением свободы слова и проведением антизападной политики, направленной на то, чтобы вернуть Россию на «особый путь», отказавшись от иностранного влияния. Все это ак-

тивно освещалось американскими газетами того времени, которые сыграли не последнюю роль в создании нового образа России.

Как отмечают западные исследователи, убийство российского государя потрясло мир и попало на первые полосы американских газет на следующий же день⁶. Оно вызвало широкий резонанс среди журналистов, публицистов и политических деятелей. Некоторые журналисты воспринимали это событие как справедливый ответ на насилие, произвол и деспотизм, царившие в России⁷.

На формирование образа России в США огромное влияние оказал американский журналист, путешественник и писатель Джордж Кеннан (1845–1924), который начиная с 1865 г. путешествовал по Сибири и Дальнему Востоку и в созданных на основе своих впечатлений произведениях рассказывал американцам о тюремно-карательной системе России. Его книга «Сибирь и ссылка», опубликованная в 1891 г., стала очень популярной в США, закрепив представление о России как стране, в которой царят произвол и деспотия. «Существующее там положение позорит русское правительство в глазах всего цивилизованного мира», – писал Кеннан, утверждая, что его цель – заставить Александра III «покраснеть от стыда»⁸.

Кишиневский еврейский погром 1903 г., в результате которого были убиты десятки евреев и сотни получили серьезные ранения, и Русско-японская война 1904–1905 гг. сыграли огромную роль в создании негативного образа России. Несмотря на то что японский флот напал на русские военные корабли в Порт-Артуре, США встали на сторону Японии, обвинили Россию в агрессии, а саму Русско-японскую войну охарактеризовали как «борьбу цивилизации с варварством», повторив тем самым известную мысль Кеннана, который в тот период публиковался в журнале «Аутлук» (“The Outlook”) и представлял в своих статьях Японию как оплот цивилизации, а Россию – как символ средневекового варварства⁹.

Образ России в XX в.

Первая мировая война внесла существенные коррективы в образ России и усилила стремление американцев к ее более объективному, многостороннему пониманию, достоверному знанию и разрушению мифов и стереотипов. Когда у России и США появился общий враг, Германия, торгово-экономическое, военно-политическое и гуманитарное сотрудничество стало укрепляться. Американская пресса, которая отвечала запросам внешней политики США того

времени, начала формировать новый, демонический образ Германии. В таких условиях необходимость сильно критиковать Россию пропадала, и она – как и Япония в период Русско-японской войны – превратилась в достойного союзника Запада в борьбе против Германии и «сделалась центром внимания, восхищения и надежд американцев»¹⁰. Так, в одной из статей, опубликованной в американском журнале «Крафтсман» (“The Craftsman”), отмечалось, что пора обращать внимание на позитивные аспекты России. Говоря о «таинственных», «глубоких» и в то же время «пугающих» сумерках России, автор романтизирует ее образ, отмечая, что в России есть «странный рокочущий звук, растекающийся по пространствам», «звук строящейся демократии»¹¹.

Октябрьская революция 1917 г., установление советской власти и Гражданская война дали повод американским журналистам создать новый миф – о так называемой красной угрозе (red scare), исходившей от советского государства. Подписание пакта Молотова–Риббентропа в 1939 г., вторжение Красной армии в Польшу и Финляндию осенью того же года, сталинская политика по отношению к странам Прибалтики еще сильнее ударили по имиджу СССР¹². А вот Вторая мировая война оказала положительное влияние на изменение этого имиджа в американской прессе. После вступления Соединенных Штатов в войну и побед Красной армии на Восточном фронте 81 % американцев считали СССР равноправным союзником, при этом Сталин в 1943 г. повторно (впервые – в 1939 г.) стал «человеком года» по версии журнала «Тайм», но теперь его образ рассматривался в позитивном свете¹³.

После того как Россия и США победили общего врага во Второй мировой войне, идеологическое противостояние снова начало набирать обороты и при активном участии журналистов переросло в холодную войну. Этому способствовала и известная речь британского премьер-министра Уинстона Черчилля в американском городке Фултоне, которая была растиражирована американской прессой как «сенсационная»¹⁴. Если после окончания Второй мировой войны многие американцы считали Сталина выдающимся лидером, а СССР воспринимали как страну, которая одержала победу над фашизмом, то после выступления Черчилля Сталин и Советский Союз превратились в мировое «пугало».

Чтобы понять, насколько резко и прямолинейно американские журналисты оценивали СССР, стоит обратить внимание на «красный номер» журнала «Кольерс» (“Collier’s”) от 27 октября 1951 г., в котором были опубликованы вымышленные истории о плане

СССР начать ядерную войну. Рассказывалось о возможностях американцев русского происхождения и диссидентов вести борьбу с Советским Союзом изнутри, о вероятности третьей мировой войны и оккупации американскими войсками Москвы. Заголовки этого выпуска говорили сами за себя: «Главные события третьей мировой войны» (“Principal Events of World War III”), «Война, которой мы не хотим» (“The Unwanted War”), «Ядерный удар по Вашингтону» (“Washington Under the Bomb”), «Атомное наступление на Москву» (“A-Bomb Mission to Moscow”)¹⁵.

Примерно в тот же период, когда президент Рональд Рейган объявил Советский Союз «империей зла», в нашей стране начались демократические преобразования. Отношение прессы США и американцев к Москве снова меняется в лучшую сторону, и интерес к России возрастает, что можно проследить по контентному анализу некоторых американских СМИ. Если в марте–мае 1985 г. в «Крисчен сайенс монитор» (“The Christian Science Monitor”) было опубликовано всего 13 статей о внутренней политике СССР, то в 1989 г. за тот же период количество материалов о Советском Союзе увеличилось почти в три раза, до 37, причем журналисты больше писали об экономике, политике и правах человека, в то время как интерес к теме культуры снизился. При этом количество позитивных и нейтральных материалов выросло в 3–4 раза¹⁶. Количество позитивных и нейтральных материалов, опубликованных в «Нью-Йорк таймс» (“The New York Times”), «Вашингтон пост» (“Washington Post”) и «Лос-Анджелес таймс» (“Los Angeles Times”) с января 1988 по январь 1989 г., в среднем в 2–3 раза превышает число негативных статей, при этом широко освещаются гласность, перестройка, вывод советских войск из Афганистана, визит М. Горбачева в Нью-Йорк, а также советско-американское сотрудничество в военной и ядерной сферах¹⁷.

Все это говорит о том, что в США наступал очередной период увлеченности Россией и ее «романтизации». Большую роль в этом сыграли президент СССР М. Горбачев и первый президент новой России Б. Ельцин, которых американская пресса во многом идеализировала. Горбачева американские СМИ изображали самым видным мировым лидером¹⁸, а Ельцина считали реформатором, демократом и народным лидером (его образ непременно символизировал победу над путчистами в 1991 г. и «триумф света над тьмой»)¹⁹. Однако после первой и второй чеченских кампаний многие американские СМИ пересматривают свое отношение к Б. Ельцину, а следовательно, и к России: снова наступает разочарование²⁰.

Образ России в первое десятилетие XXI в.

Когда к власти приходит В. Путин, американские журналисты проявляют к нему, как справедливо отмечает О. Бакулин, «сдержанно-выжидательное отношение»²¹, что можно отчасти объяснить хорошими отношениями между российским президентом и его американским коллегой Дж. Бушем-мл., а также общей угрозой международного терроризма. Однако нарастание авторитарных тенденций во внутренней политике России – в частности, «дело Ходорковского», отмена прямых выборов губернаторов, ограничение свободы слова, государственный контроль телевидения и других СМИ, притеснения и убийства журналистов, – а также противоречивая внешняя политика Кремля сыграли огромную роль в изменении отношения к российскому президенту и России в целом. К 2004 г. установившийся в России режим воспринимается в США как патерналистский, а В. Путин – как «средневековый царь», диктатор, поклонник Ленина и Сталина, который в своем стремлении восстановить Советский Союз сворачивает процесс демократизации России²².

С избранием Д. Медведева президентом в 2008 г. надежды на изменение России в лучшую сторону вновь возрождаются: образ руководителя страны, готового проводить либеральные реформы и направить Россию на путь модернизации и инновационного развития, во многом импонирует американскому обществу и СМИ. На президентство Медведева приходится так называемая перезагрузка российско-американских отношений, цель которой – минимизировать разногласия между странами и усилить двустороннее сотрудничество по многим направлениям. Однако российско-грузинский конфликт неблагоприятно сказывается на имидже России, которую снова начинают воспринимать как агрессора. В период президентства Медведева положительные и негативные образы России сосуществуют, сменяя друг друга в зависимости от внутренней и внешней повестки дня в обеих странах.

С 2012 г., после избрания В. Путина на третий президентский срок, СМИ США в очередной раз теряют надежду на изменение России. Последующие события, свидетельствующие об усилении авторитарных тенденций и антиамериканизма в российском обществе, – в частности, запрет на усыновление американскими семьями российских детей, осуществление цензуры в Интернете, принятие закона, запрещающего пропаганду гомосексуализма, – свели на нет все достижения «перезагрузки». Даже Олимпиада в Сочи, которая могла бы способствовать более позитивному вос-

приятию России, в сложившихся условиях не сыграла значительной роли. На фоне украинского кризиса 2013–2014 гг., аннексии Крыма и военных действий на юго-востоке Украины восприятие России в США становится одним из самых негативных за всю историю отношений двух стран²³, а некоторые эксперты начали говорить о новой холодной войне между Россией и Западом²⁴.

Итак, образ России в США на протяжении почти 130 лет многократно менялся с позитивного на негативный и наоборот. Безусловно, на трансформацию этого образа огромное воздействие оказывали основные тенденции в российской внутренней жизни и внешней политике. Однако зачастую субъективное и одностороннее восприятие американских журналистов, их оценка событий в России лишь через призму американских ценностей увеличивали количество мифов и стереотипов о стране, что «мешало им в прошлом и продолжает мешать в настоящем трезво оценивать события, происходившие в России, будь то Российская империя, СССР или постсоветская Россия»²⁵.

Как изменился образ России в «Нью-Йорк таймс» с 2010 по 2013 г.

Качественный анализ редакционных статей «Нью-Йорк таймс» о России, опубликованных с 1 января 2010 г. по 31 декабря 2013 г., подтверждает исторические метаморфозы восприятия России, показывая, как быстро менялся ее образ в этот короткий период времени и как надежда уступила место разочарованию.

Редакционные статьи о России можно разделить на три тематических направления: 1) общество и внутренняя политика (проблемы прав человека, выборы, протесты, Олимпиада в Сочи, наука и культура и т. д.); 2) Россия в глобальной политике (протесты в Украине, гражданская война в Сирии, вывод войск НАТО из Афганистана, ядерное разоружение); 3) экономика, бизнес и торговля. Проанализируем некоторые из статей детально.

Общество и внутренняя политика

Права человека в России занимают особое место в редакционной политике «Нью-Йорк таймс». Почти все статьи по данной тематике негативны по своему характеру. Они затрагивают самые острые вопросы российской внутренней повестки дня:

нарушения на президентских и парламентских выборах, проблему политических заключенных, протесты против действующего режима и реакцию на них властей, цензуру в Интернете, запрет «пропаганды гомосексуализма» и усыновления российских детей американцами, однополыми иностранными парами и одинокими гражданами государств, где легализованы однополые браки.

Даже формально хорошие новости из России, такие как освобождение М. Ходорковского, активистов «Гринпис» и участниц группы «Пусси Райот» (“Pussy Riot”) в конце 2013 г., расцениваются «Нью-Йорк таймс» как «имперские жесты» (“imperial gesture”), а не как торжество справедливости. Принятие решения о помиловании вовсе не означает признание того, что «эти заключенные были несправедливо посажены в тюрьму», пишут авторы редакционной статьи²⁶.

В статьях про предстоящую Олимпиаду в Сочи также звучит критика в адрес России, поскольку в них, как правило, поднимается тема прав человека. Так, авторы редакционной статьи «Война Путина против геев», комментируя российский закон, запрещающий пропаганду нетрадиционной сексуальной ориентации, заявляют, что подобный закон противоречит хартии Международного олимпийского комитета и создает риски ущемления прав спортсменов с нетрадиционной сексуальной ориентацией во время Олимпиады. Редакторы выражают обеспокоенность тем, что Россия движется в опасном направлении – «от главенства закона к главенству ненависти» (“from pursuing the rule of law to the rule of hate”)²⁷.

Не остается без внимания и запрет усыновления российских сирот американскими семьями в ответ на «закон Магнитского». Уже в заголовке статьи «Нью-Йорк таймс» подчеркивает свою позицию: «Российские сироты как политические пешки». Подобный шаг газета называет «жестоким», «циничным», «антиамериканским» и пагубным для российско-американских отношений²⁸. Вместе с тем «Нью-Йорк таймс» выражает искреннее сочувствие российскому мальчику Артему Савельеву, которого приемная американская мать отправила одного на самолете в Россию с запиской к российским властям принять его обратно. Газета возмущается случившимся: «Возвращать ребенка назад, как будто он пара испорченных брюк, совершенно недопустимо»²⁹.

В положительном ключе о России говорится лишь в двух редакционных статьях, посвященных достижениям российской науки. В одной из них речь идет о талантливых ученых, которые

совершают «настоящий подвиг», проводя исследования в Антарктиде на скованном льдом озере Восток, одном из самых крупных источников пресной воды на Земле³⁰. В другой – рассказывается об освоении космоса российскими учеными и подчеркивается необходимость развития международного сотрудничества в этой сфере³¹.

Россия в глобальной политике

В редакционных статьях по этой тематике складывается не столь однозначный образ России. Несмотря на то что большинство из них носит негативный характер, позитивных оценок действий Кремля в материалах, затрагивающих различные аспекты российской внешней политики, гораздо больше, чем в статьях на тему внутренней политики.

Например, в нескольких материалах, посвященных сирийскому конфликту, «Нью-Йорк таймс» приветствует план России по уничтожению сирийского химического оружия, называет подобный шаг дипломатическим успехом Москвы и Вашингтона и выражает удовлетворение тем, что «Россия и США впервые за долгое время работают вместе, чтобы достигнуть общей стратегической цели»³². Примечательно, что в статьях на тему Сирии за 2012 г. мы наблюдаем критику в адрес Путина. Редакция неоднократно называла Россию «главным поставщиком оружия» режиму Асада, считая, что «на руках Москвы кровь *доблестных сирийцев*»³³.

В конце 2013 г. в редакционных статьях, посвященных украинскому кризису, Россия вновь предстает как агрессивный и циничный геополитический игрок, который использует методы экономического шантажа и политического запугивания. Символом такой России выступает Путин – «неисправимый солдат холодной войны, который не остановится ни перед чем, чтобы сохранить свое влияние над тем, что Москва называет ближним зарубежьем», который считает, что «Украина принадлежит России, и только России», который пытается «*бить дубинкой по бывшим вассалам*», чтобы втянуть их в экономическую и политическую зависимость, и который «томится по тем дням, когда железный занавес разделял [европейский] континент»³⁴. Такое восприятие российского президента сохранится в газете в течение всего украинского кризиса и в 2014 г.

Экономика, бизнес и торговля

В редакционных статьях на тему торгово-экономических отношений образ России также эволюционирует в 2011–2013 гг. Здесь ключевую роль играет вступление России во Всемирную торговую организацию (ВТО) в августе 2012 г. Например, если в сентябре 2010 г. издание писало о том, что Россия дестабилизирует рынок мировой сельскохозяйственной продукции и провоцирует продовольственный кризис³⁵, то в конце 2011 г. после подписания Россией соглашения о вступлении в ВТО тон редакции меняется. Характерен заголовок одной из статей – «Россия выходит из холода». На английском он звучит еще выразительнее, так как здесь использовано известное идиоматическое выражение: «Russia, *In From the Cold*». Это означает, что газета положительно оценивает то, что Россию принимают в привилегированный клуб государств³⁶. «Прцветающая Россия, играя по правилам, сможет принести пользу мировой экономике», – пишет издание, отмечая, что американские экономические интересы будут защищены в большей степени, если Россия будет членом ВТО, а не аутсайдером³⁷.

Выводы

На восприятие и эволюцию образа России в редакционных статьях «Нью-Йорк таймс» влияют несколько факторов.

Во-первых, существует информационная повестка дня газеты в выборе тем о России. Качественный анализ редакционных статей «Нью-Йорк таймс» за 2010–2013 гг. показывает, что представленный в них образ России частично зависит от их тематики. Если речь идет о внутренней политике, правах человека, то восприятие России остается негативным даже при освещении хороших новостей (амнистия М. Ходорковского). Если поднимается проблема дипломатического конфликта в Сирии, то отношение к политике России положительное или нейтральное. Если затрагивается тема торгово-экономических отношений и вступления в ВТО, то Россия трансформируется из страны-изгоя, провоцировавшей продовольственный кризис, в полноценного члена ВТО, интегрированного в мировое сообщество.

Во-вторых, субъективное восприятие авторов и редакторов газеты влияет на отношение к той политике, которую проводит Россия. Ведь колонки и редакционные статьи по определению субъективны и персонализированы; они несут яркое личностное начало, что, однако, вовсе не исключает достижение общей сбалансированности за счет использования концепции Op-ed (opposite to the editorial)³⁸.

В-третьих, восприятие России в газете «Нью-Йорк таймс» во многом определяется сменяющимися друг друга циклами надежд и разочарований в российско-американских отношениях.

И наконец, в-четвертых, российские внутренние и внешнеполитические авторитарные тенденции влияют на восприятие России в газете «Нью-Йорк таймс». Если бы российские власти не давали причин для критики, возможно, тогда бы на страницах газеты сформировался совсем иной, более благоприятный образ страны.

Примечания

- ¹ Кошкин П.Г. Концепция Ор-Ед в газете «Нью-Йорк таймс» на примере освещения событий в России // Вестник РГГУ. 2014. № 18 (140). Серия «Международные отношения. Зарубежное регионоведение». С. 194–204.
- ² См.: Журавлева В.И. Понимание России в США: образы и мифы (1881–1914). М.: РГГУ, 2012. 1136 с.; Бакулин О.А. Образ современной России в американских СМИ // Медиальманах. 2007. № 6 (23). С. 4–16; Foglesong D.S. The American Mission and the “Evil Empire”: The Crusade for a “Free Russia” Since 1881. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 352 p.
- ³ Vershbow A. The U.S.-Russia Relationship: Past and Future. Moscow State Diplomatic Academy. 2003. Nov. 18, цит. по: Бакулин О.А. Указ. соч. С. 7.
- ⁴ Журавлева В.И. Указ. соч. С. 55.
- ⁵ Там же. С. 61.
- ⁶ Foglesong D.S. Op. cit. P. 7–12.
- ⁷ Ibid. P. 12.
- ⁸ George Kennan to R.W. Gilder. November 3, 1888. СС. Box 53. NYPL, цит. по: Дэвис Д., Трани Ю. Кривые зеркала. США и их отношения с Россией и Китаем в XX веке. М.: Вагриус, 2009. С. 41.
- ⁹ Дэвис Д., Трани Ю. Указ. соч. С. 42.
- ¹⁰ Бахметьев Ю.П. – Штюрмеру, 18/31 июля 1916 г. Россия и США. Документы. С. 620, 632, цит. по: Журавлева В.И. Указ. соч. С. 1000–1001.
- ¹¹ The Slav: His Splendour, His Misery, and His Place Among the Nations of Tomorrow // Craftsman. 1914. Vol. 27. Nov. P. 135, цит. по: Журавлева В.И. Указ. соч. С. 997–998.
- ¹² Levering R.B. American Opinion and the Russian Alliance. 1939–1945. N. Y., 1976. P. 35, цит. по: Бакулин О.А. Указ. соч. С. 8.
- ¹³ См.: Бакулин О.А. Указ. соч. С. 8.
- ¹⁴ Рукавишников В.О. Холодная война, холодный мир: общественное мнение в США и Европе о СССР/России, внешней политике и безопасности Запада. М.: Академический проспект, 2005. С. 141.

- 15 Collier's Weekly. 1951. Oct. 27 [Электронный ресурс] // UNZ.org. URL: <http://www.unz.org/Pub/Colliers-1951oct27> (дата обращения: 17.06.2014).
- 16 *Lukosiunas M.A.* Enemy, Friend, or Competitor? A Content Analysis of the Christian Science Monitor and Izvestia // Beyond the Cold War: Soviet and American Media Images. N. Y.: SAGE Publications, Inc. 1991. P. 101–102, 106.
- 17 *Chang W.H.* Image of the Soviet Union in American Newspapers: A Content Analysis of Three Newspapers // Beyond the Cold War... P. 66, 68.
- 18 *Dennis E.E.* Image of the Soviet Union in the United States: Some Impressions and an Agenda for Research // Beyond the Cold War... P. 50–51.
- 19 *Foglesong D.S.* Op. cit. P. 203–204.
- 20 Ibid. P. 205–210, 215–218.
- 21 *Бакулин О.А.* Указ. соч. С. 9.
- 22 Там же. С. 12–14; *Foglesong D.S.* Op. cit. P. 219–227; *Koshkin P.* Does the West demonizes Putin and idealizes Yeltsin?: Interview of Harvard's Professor Timothy Colton [Электронный ресурс] // Russia Direct. URL: <http://www.russia-direct.org/content/does-west-demonize-putin-and-idealize-yeltsin> (дата обращения: 18.06.2014).
- 23 См.: *Swift A.* Americans' View of Russia, Putin Are Worst in Years [Электронный ресурс] // Gallup, Inc. URL: <http://www.gallup.com/poll/167402/americans-views-russia-putin-worst-years.aspx> (дата обращения: 20.06.2014); *Idem.* In U.S., Record 68 % View Russia as Unfriendly or an Enemy [Электронный ресурс] // Gallup, Inc. URL: <http://www.gallup.com/poll/168110/record-view-russia-unfriendly-enemy.aspx> (дата обращения: 20.06.2014).
- 24 *Legvold R.* Managing the New Cold War [Электронный ресурс] // Foreign Affairs. 2014. July/Aug. URL: <http://www.foreignaffairs.com/articles/141537/robert-legvold/managing-the-new-cold-war> (дата обращения: 20.06.2014).
- 25 *Журавлева В.И.* Указ. соч. С. 12.
- 26 *Schmetmann S.* Insights Into Democracy, Refined in a Russian Prison [Электронный ресурс] // The New York Times. 2013. Dec. 22. URL: <http://www.nytimes.com/2013/12/23/opinion/insights-into-democracy-refined-in-a-russian-prison.html> (дата обращения: 22.06.2014).
- 27 Editorial: Mr. Putin's War on Gays [Электронный ресурс] // The New York Times. 2013. July 27. URL: <http://www.nytimes.com/2013/07/28/opinion/sunday/mr-putins-war-on-gays.html> (дата обращения: 25.06.2014).
- 28 Editorial: Russian Orphans as Political Pawns [Электронный ресурс] // The New York Times. 2012. Dec. 21. URL: <http://www.nytimes.com/2012/12/22/opinion/russian-orphans-as-political-pawns.html> (дата обращения: 26.06.2014).
- 29 Editorial: A Save, Loving Home [Электронный ресурс] // The New York Times. 2010. Apr. 17. URL: <http://www.nytimes.com/2010/04/18/opinion/18sun2.html> (дата обращения: 27.06.2014).
- 30 Editorial: Ice-Fishing in the Deepest Depth [Электронный ресурс] // The New York Times. 2012. Feb. 10. URL: <http://www.nytimes.com/2012/02/11/opinion/ice-fishing-in-the-deepest-depths.html> (дата обращения: 27.06.2014).

- ³¹ Editorial: A Russian Robot, a Martian Moon [Электронный ресурс] // The New York Times. 2011. Nov. 5. URL: <http://www.nytimes.com/2011/11/06/opinion/sunday/a-russian-robot-a-martian-moon.html> (дата обращения: 27.06.2014).
- ³² См.: Editorial: Diplomacy as Deterrent [Электронный ресурс] // The New York Times. 2013. Sept. 11. URL: <http://www.nytimes.com/2013/09/12/opinion/diplomacy-as-deterrent.html> (дата обращения: 28.06.2014); Editorial: A Diplomatic Proposal for Syria [Электронный ресурс] // Ibid. 2013. Sept. 9. URL: <http://www.nytimes.com/2013/09/10/opinion/a-diplomatic-proposal-for-syria.html> (дата обращения: 28.06.2014).
- ³³ См.: Editorial: Can Mr. Obama Avoid Mission Creep? [Электронный ресурс] // The New York Times. 2013. Sept. 6. URL: <http://www.nytimes.com/2013/09/07/opinion/can-mr-obama-avoid-mission-creep.html> (дата обращения: 29.06.2014); Editorial: President Assad's Latest Bluff [Электронный ресурс] // Ibid. 2012. Apr. 9. URL: <http://www.nytimes.com/2012/04/10/opinion/the-latest-bluff-of-president-bashar-al-assad-in-syria.html> (дата обращения: 29.06.2014); Editorial: Assad Lies [Электронный ресурс] // Ibid. 2012. Apr. 20. URL: <http://www.nytimes.com/2012/04/21/opinion/bashar-al-assads-lies.html> (дата обращения: 29.06.2014); Editorial: Killing in Syria [Электронный ресурс] // Ibid. 2012. Feb. 6. URL: <http://www.nytimes.com/2012/02/07/opinion/killing-in-syria.html> (дата обращения: 29.06.2014).
- ³⁴ См.: Editorial: Ukraine Backs Down [Электронный ресурс] // The New York Times. 2013. Nov. 28. URL: <http://www.nytimes.com/2013/11/29/opinion/ukraine-backs-down.html> (дата обращения: 29.06.2014); *Schmemmann S.* Waiting to See If Ukraine Tilts East or West [Электронный ресурс] // Ibid. 2013. Nov. 16. URL: <http://www.nytimes.com/2013/11/17/opinion/sunday/waiting-to-see-if-ukraine-tilts-east-or-west.html> (дата обращения: 29.06.2014); Editorial: Vladimir Putin Clings to the Past [Электронный ресурс] // Ibid. 2013. Nov. 19. URL: <http://www.nytimes.com/2013/11/20/opinion/vladimir-putin-clings-to-the-past.html> (дата обращения: 29.06.2014).
- ³⁵ Editorial: Not a Food Crisis [Электронный ресурс] // The New York Times. 2010. Sept. 12. URL: <http://www.nytimes.com/2010/09/13/opinion/13mon3.html> (дата обращения: 30.06.2014).
- ³⁶ Idioms. To come in from the cold [Электронный ресурс] // The Free Dictionary by Farlex. URL: <http://idioms.thefreedictionary.com/come+in+from+the+cold> (дата обращения: 30.06.2014).
- ³⁷ Editorial: Russia, In From The Cold [Электронный ресурс] // The New York Times. 2011. Nov. 11. URL: <http://www.nytimes.com/2011/11/13/opinion/sunday/russia-in-from-the-cold.html> (дата обращения: 30.06.2014).
- ³⁸ См. подробнее о ней: *Кошкин П.Г.* Указ. соч.

«БРАТЬЯ-МУСУЛЬМАНЕ»
И «СВОБОДНЫЕ ОФИЦЕРЫ» В ЕГИПТЕ:
МЕЖДУ СОТРУДНИЧЕСТВОМ И КОНФРОНТАЦИЕЙ

Статья посвящена анализу взаимоотношений между двумя значимыми внутривластными силами в Египте в середине XX в. Особое внимание уделено развитию конфликта между «Свободными офицерами» и «Братьями-мусульманами».

Ключевые слова: Египет, Насер, армия, ислам, «Свободные офицеры», «Братья-мусульмане».

Египет в 1920-е гг. переживал достаточно бурное и насыщенное событиями время. Изменились состояние дел в стране и ее статус на международной арене. В 1922 г. Египет обрел политическую самостоятельность, прекратив свое существование в качестве протектората Британской империи, и был провозглашен конституционной монархией во главе с бывшим султаном, который стал королем Фуадом I. В 1923 г. появилась конституция, предусматривающая создание двухпалатного парламента. В январе 1924 г. прошли первые парламентские выборы – отправная точка «либерального эксперимента», продлившегося более 30 лет, до провозглашения республики в 1953 г.

В политической жизни страны в этот период существовали три центра силы. Два из них были представлены внутренними египетскими игроками – победившей на выборах 1924 г. партией «Вафд» во главе с борцом за независимость Египта, кумиром миллионов Саадом Заглулем, с одной стороны, и королем со своими сторонниками – с другой, а один – внешним игроком, Великобританией, которая после провозглашения независимости продолжала оказывать воздействие на египетскую политику. Взаимоотношения этих сторон в целом сводились к тому, что Вафд и король сражались за власть с переменным успехом, а англичане поддерживали то одних,

то других исходя из своих интересов. В это время «Вафд» начинал дробиться, от него отделялись новые политические образования – Либерально-конституционная партия в 1922 г., Саадистская партия в 1938 г. и Независимый Вафдистский блок в 1942 г., которые, пытаясь приобрести политический вес, начинали сотрудничать с дворцом.

Зарождение организаций «Братья-мусульмане» и «Свободные офицеры» и их отношения до переворота 23 июля 1952 г.

Отсутствие единого центра власти, коррумпированность правящих кругов и неблагоприятная экономическая обстановка в стране¹ привели к тому, что симпатии египтян стали завоевывать вновь возникающие оппозиционные движения с различными взглядами на будущее Египта. В этот период в Египте зародились и начали набирать вес новые силы, в числе которых были и те, которые в дальнейшем решали судьбу страны, – ассоциация «Братья-мусульмане»² и армия, выходцы из которой сформировали организацию «Свободные офицеры».

Армия к 1940-м гг. стала одним из наиболее модернизированных институтов египетского общества. Ее возглавляли квалифицированные специалисты, а офицеры благодаря уровню своего обучения могли рассматриваться как часть образованного класса³. В свою очередь, ассоциация «Братья-мусульмане» оказывала большое влияние на идеи, вызревавшие у первого поколения образованных и националистически настроенных египетских офицеров, которых вследствие их происхождения, политических предпочтений и отношения к египетской действительности называли «интеллигенцией в хаки»⁴. Французский писатель Роже Вайан, бывший в Египте в то время, описывая свои наблюдения, утверждал, что египетская армия почти полностью находилась под влиянием «Братев-мусульман»⁵.

Люди, которые сформировали организацию «Свободные офицеры», прошли примерно одинаковый путь: все они выросли в атмосфере 1930-х гг., закончили национальную военную академию, что способствовало развитию патриотизма и представлений об особой роли армии⁶; они были участниками Палестинской войны 1948 г., закончившейся позорным поражением; их политические ориентации не были на стороне Вафда, скорее они симпатизировали оппозиционным движениям, таким как «Братья-мусульмане»

и «Миср аль-Фата» («младоегиптяне»)⁷. В 1940-е гг. «Братья-мусульмане» дополнили свой состав представителями офицерского корпуса: в 1943 – 1944 гг. к ним присоединились Насер и его коллеги⁸. Что касается видения будущего страны, то оно было в большой степени общим для «Братьев-мусульман» и «Свободных офицеров»: они разделяли актуальные идеи национализма и социальной справедливости, с тем отличием, что «Братья-мусульмане» опирались на исламское вероучение как источник, внушающий доверие большинству населения. И те и другие имели сходные взгляды на желаемый путь развития Египта, политический строй и внешнюю политику⁹.

Большинство лидеров будущих революционных событий, включая Гамаль Абдель Насера и будущего первого президента страны Мухаммеда Нагиба, принадлежали к так называемым мусульманским секуляристам (*muslim secularists*) – слою, включавшему в себя «военную интеллигенцию» и некоторые сегменты национальной буржуазии¹⁰. В их представлении возрождение Египта зависело от продолжения социальной, политической и экономической модернизации, с тем чтобы страна стала «здоровым современным государством, экономически развивающимся, с высокими жизненными стандартами... и светской властью»¹¹. «Мусульманские секуляристы» разделяли концепции, альтернативные традиционному исламскому консерватизму, такие как отделение религии от политики. Люди, входившие в состав «Братьев-мусульман» и «Свободных офицеров», имели очень схожее представление о том, куда должна двигаться страна, чтобы измениться в лучшую сторону.

У обеих сторон задолго до 1952 г. зрели планы государственного переворота. Некоторые исследователи полагают, что «Братья-мусульмане» готовили переворот еще с 1947 г., однако по ряду обстоятельств этот план не был реализован. По некоторым данным, и Насер готовил переворот еще с 1942 г. (когда англичане заставили короля Фарука сделать премьер-министром Мустафу Наххаса¹²). В это время обстановка в стране накалилась. После окончания Второй мировой войны в стране царило насилие и не утихали беспорядки. «Братья-мусульмане» были в эпицентре столкновений. В декабре 1948 г. премьер-министр Мустафа Нукраши объявил ассоциацию вне закона и был убит, как и его предшественник Ахмад Махир. Новый премьер-министр Ибрагим Абдель Хади, которому удалось выжить в результате покушения, проводил в отношении «Братьев-мусульман» более жесткую политику, и они ушли в подполье. Спустя два месяца был убит их харизматичный лидер,

верховный наставник Хасан аль-Банна, его преемником стал египетский судья Хасан аль-Худайби, человек, известный своим осуждением насилия, сторонник аль-Банна, не входивший, однако, в состав организации.

Позиция этих двух лидеров по поводу участия организации в политической жизни страны не была одинаковой. В 1942 г. «Братья-мусульмане» собирались участвовать в парламентских выборах, однако Наххас воспрепятствовал этому. В выборах 1945 г., которые были бойкотированы Вафдом, участвовали шестеро представителей «Братьев-мусульман», включая аль-Банну, однако они потерпели поражение. Английское руководство считало, что «Братья-мусульмане» обладали политическим потенциалом, будучи сравнительно молодой организацией, не успевшей еще морально разложиться.

В начале 1950 г. аналитики в английском посольстве прогнозировали, что «Братья-мусульмане», легализованные в том же году в качестве лишь религиозной ассоциации, будут представлены на выборах независимыми кандидатами. Хотя на этих выборах, последних в парламентскую эпоху, абсолютное большинство получил Вафд (228 из 319 мест)¹³, «Братьев-мусульман» по-прежнему считали перспективной политической силой. В начале 1952 г. британский посол Ральф Стивенсон полагал, что аль-Худайби согласится вступить в коалиционное правительство, что король может однажды попросить его сформировать правительство, которое под руководством «Братьев-мусульман» будет квалифицированным и, хотя бы в начале своей деятельности, менее коррумпированным, чем Вафд. Помимо коррупции, присутствовал и идеологический момент, который в выгодном свете выставлял «Братьев-мусульман» и дискредитировал Вафд – стратегия вафдистских лидеров начиная с Заглюля выражалась в маневренных действиях, они пытались договориться с Великобританией, мировым сообществом и были против насильственных революционных акций. Такая позиция интерпретировалась египетским обществом как предательство национальных интересов. С этой точки зрения «Братья-мусульмане» оказывались в роли истинных выразителей чаяний египетского народа, ведь они не казались запятанными переговорами с противником.

Однако, начиная с лидерства аль-Худайби, организация не стремилась к активному участию в политической жизни Египта в рамках парламентской деятельности. В марте 1952 г., когда аль-Худайби предложили принять участие в выборах, он отверг эту мысль. 28 марта «Братья-мусульмане» провозгласили идею

«неучастия в выборах» и как организация, и как независимые кандидаты, объяснив это тем, что выборы проводились на принципах, «противоречащих стандартам “Братьев-мусульман” и сущности их призыва»¹⁴. Однако они все равно обладали реальной властью, учитывая народную поддержку (в этом аспекте они уступали только Вафду), квазиевную секретную организацию и ячейки в армии и полиции. Организация была настолько влиятельной, что позже офицеры называли ее «государством в государстве». Это качество имело и негативный эффект в виде внутренней раздробленности и нестабильности в рядах «Братьев-мусульман», что особенно ярко проявилось после июльских событий 1952 г.

Отношения «Братьев-мусульман» и «Свободных офицеров» после переворота 23 июля 1952 г.

Вначале «Братья-мусульмане» выразили одобрение перевороту. В заявлении, опубликованном 1 августа, организация провозглашала поддержку армейского движения и представляла политическую платформу для нового правительства. Предлагались три обязательные фазы политических изменений: освобождение политических заключенных, отстранение от политической жизни старых партийных коррумпированных лидеров, улучшение «условий, порождающих угнетение» (британской оккупации) и, как дополнение, такие меры, как экономические реформы (освоение земель, индустриализация, аграрная реформа), и, наконец, религиозные меры (превращение мечетей в культурные центры общества, преподавание религии для военных). Это вполне стандартный набор мер, предусматривающих смену правящих кругов, обновление экономики и придание происходящему религиозного оттенка для большей легитимации действий. Однако на стадии воплощения этих планов в жизнь появились разногласия. Представителям «Братьев-мусульман» предложили войти в состав вновь назначенного кабинета министров, что вызвало новые споры внутри организации относительно ее статуса. Аль-Худайби и его сторонники настаивали на том, чтобы не превращаться в политическую партию, которая могла бы попасть под контроль правительства. Его оппоненты, в частности фракция под названием «Свободные братья», в знак протеста предложили ограничить срок нахождения на посту верховного наставника до трех лет, вынуждая аль-Худайби уйти в отставку. В итоге аль-Худайби не только остался на своем посту,

но и добился определения «Братьев-мусульман» как религиозной ассоциации, однако ему не удалось предотвратить дальнейшее усиление разногласий.

В этот период позиция «Свободных офицеров» по отношению к «Братьям-мусульманам» была лояльной и терпимой. Правительство выпустило политических заключенных¹⁵, объявило о своем намерении провести расследование по делу убийства Хасана аль-Банни; режим открыто поддержал кандидатов от «Братьев-мусульман» на выборах в студенческий союз Каирского университета. Насер посещал митинги вместе с лидером студенческого движения «Братьев-мусульман». В конце 1952 г. аль-Худайби одобрил отмену старой конституции. В январе следующего года режим включил трех представителей «Братьев-мусульман» в Конституционный комитет, состоящий из 50 человек. Организация достигла высокого уровня легитимности. Однако всего год спустя, к январю 1954 г., отношения двух сторон дошли до конфликтной стадии: «Братьев-мусульман» распустили, деятельность этой организации была запрещена, а на обложке очередного выпуска египетского журнала «Роз аль-Юсеф»¹⁶ появилась карикатура, изображавшая поверженного террориста с внешностью, характерной для «Братьев-мусульман», – в тарбуше и с бородой, над которым стоял человек в очках и военной форме, олицетворявший новую эпоху¹⁷.

Однако разрыв между бывшими союзниками на тот момент был скорее акцией против усиливающегося влияния аль-Худайби, чем целенаправленным разрушением организации. Это произошло не из-за идеологических разногласий, которые были минимальны: «Свободные офицеры» на момент прихода к власти вообще не имели идеологии как таковой, как и долгосрочной стратегии действий на политическом поле, их приоритетом являлась ликвидация старого порядка. К концу января 1954 г. более сотни арестованных «Братьев-мусульман» были освобождены, исключая ближайших соратников верховного наставника. Официальные коммюнике и персональные заявления офицеров критиковали поведение аль-Худайби, а не организацию «Братьев-мусульман» в целом. В годовщину убийства Хасана аль-Банни Насер лично посетил могилу «мученика» и почтил его память словами, символическая нагрузка которых одновременно была направлена против нынешнего руководства «Братьев-мусульман» и реабилитировала имидж организации в ее первоначальном виде, сказав, что аль-Банна посвятил жизнь «делу достойных принципов ради всеобщего блага, а не временных единоличных желаний»¹⁸.

В это время тайная полиция «Братьев-мусульман» окончательно вышла из-под контроля руководства. Предположительно, ее члены участвовали в покушении на Насера в октябре 1956 г., после чего начался новый, более резкий виток репрессий, когда были арестованы тысячи членов движения.

* * *

Таким образом, начиная с 1920–1930-х гг. формировались силы, гетерогенные по своему составу и находившиеся в оппозиции правящей верхушке. Людей, формирующих эти силы, объединял фактор общего врага в лице в первую очередь британской администрации, а также старого режима – неэффективного короля, коррумпированных политиков и чиновников. Самой мощной и всеохватывающей организацией были «Братья-мусульмане», которые включали всех желающих, в том числе членов секретной группы «Свободные офицеры», состоявшей из представителей египетской армии. И «Братья-мусульмане», и «Свободные офицеры» готовили планы переворота, который удалось быстро и бескровно осуществить мобильным, энергичным и, что выгодно отличало их от «Братьев-мусульман», высокоорганизованным офицерам. После переворота, когда выяснилось, что никакие другие силы не готовы управлять государством, офицеры остались у власти. «Братья-мусульмане» по-прежнему не выказывали желания войти в рамки госаппарата в виде кабинета министров или созданной офицерами «Партии освобождения». Наоборот, они начали укреплять свое влияние как самостоятельная сила. «Братья-мусульмане» были ценны как союзники, но в другом качестве они представляли потенциальную угрозу для режима. К тому же верховный наставник назначил нового, неизвестного офицера человека, главой тайной полиции, которая часто действовала по своему усмотрению, не чуралась насильственных акций, в том числе, возможно, организации покушения на Насера, что не могло устроить новое руководство страны. Поэтому люди, так рьяно боровшиеся за одно дело в период до переворота 1952 г., после него оказались по разные стороны баррикад.

Примечания

- ¹ В Египте в начале 1930-х гг. разразилась экономическая депрессия вследствие мирового экономического кризиса. Цены на египетский хлопок упали на две трети, на 40 % сократились доходы от сельского хозяйства.
- ² Ассоциация «Братья-мусульмане», созданная в 1928 г. в г. Исмаилия, к середине 1930-х гг. получила широкое распространение по всей стране. Ее основатель,

Хасан аль-Банна, помимо апелляции к политическим принципам, основанным на исламе, демонстрировал приверженность идеям египетского национализма. К 1940-м гг. «Братья-мусульмане» уделяли много внимания общественным моментам, оказывали помощь беднейшим районам и стали спонсировать создание больниц и школ, превратившись в значимого игрока, обладающего как человеческими, так и материальными ресурсами, которого поддерживали не только обездоленные, но и средние слои, а также часть сословия профессионалов.

- ³ См.: *Черновская В.В.* Формирование египетской интеллигенции в XIX – первой половине XX в. М.: Наука, 1979. С. 115.
- ⁴ См.: *Gordon J.* Nasser's blessed movement: Egypt's Free Officers and the July Revolution: Studies in Middle Eastern History. Oxford: Oxford University Press, 1992. P. 48.
- ⁵ См.: *Вайан Р.* Что я видел в Египте: Пер. с фр. М.: Изд-во иностр. лит., 1953. P. 52.
- ⁶ См.: *Беляев И.П., Примаков Е.И.* Египет: время президента Насера. М.: Мысль, 1974. С. 290.
- ⁷ Оппозиционная египетская группировка, отличающаяся радикальными взглядами.
- ⁸ См.: *Gordon J.* Op. cit. P. 45.
- ⁹ См.: *Борисов А.Б.* Роль ислама во внутренней и внешней политике Египта (XX в.). М.: Наука, 1991. С. 92.
- ¹⁰ Слой египетской национальной буржуазии начал складываться вследствие притока иностранного, в первую очередь английского, капитала после событий 1882 г.; дополнительный приток сил буржуазии получила после 1931 г., когда в качестве уступки со стороны британцев был введен новый таможенный тариф, призванный защитить египетскую торговлю и промышленность от конкуренции.
- ¹¹ *Harris C.P.* Nationalism and revolution in Egypt: the role of the Muslim brotherhood. The Hague: Mouton and Co, 1964. P. 95.
- ¹² Мустафу Наххаса ненавидели и считали предателем, поскольку во время его пребывания у власти в 1936 г. был подписан договор с Великобританией. 4 февраля 1942 г. британские власти потребовали от короля назначить вафдистское правительство, стянув бронетехнику к дворцу Абдин.
- ¹³ См.: *Stephens R.* Nasser: a political biography. L.: Penguin Press, 1971. P. 89.
- ¹⁴ *Gordon J.* Op. cit. P. 30.
- ¹⁵ Были амнистированы политические заключенные, арестованные в период с 26 августа 1936 г. (дата заключения англо-египетского соглашения) по 23 июля 1952 г. Указ об амнистии не коснулся тех, кто обвинялся в поджогах, убийстве или шпионаже, но в некоторых случаях – убийства премьер-министра, министра из Вафда и видного судьи – было объявлено дополнительное помилование.
- ¹⁶ «Роз аль-Юсеф» – египетский журнал, основанный в октябре 1925 г. и существующий по сей день.
- ¹⁷ *Gordon J.* Op. cit. P. 191.
- ¹⁸ *Ibid.* P. 106.

ЕГИПЕТ ПРИ Х. МУБАРАКЕ: ОСВОЕНИЕ НОВЫХ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОСТРАНСТВ

Статья описывает египетско-американские отношения в период правления Хосни Мубарака. Египет стремился к лидерству на Ближнем Востоке с момента образования республики. Поскольку собственных средств Каиру не хватало, ему была необходима поддержка извне. Исторически наиболее весомую внешнюю помощь Египту оказывали США, однако в эпоху Х. Мубарака Египет стал осваивать новые внешнеполитические пространства.

Ключевые слова: Мубарак, Египет, США, внешнеполитические пространства.

Хосни Мубарак пришел к власти в Египте в 1981 г., сменив на посту президента Анвара Садата, который был убит во время военного парада. Так Египет вступил в эпоху правления Хосни Мубарака, длившуюся три десятка лет. Одной из основных проблем, которая встала перед новым президентом в области международных отношений, была выработка внешнеполитического курса.

Арабская Республика Египет (далее – АРЕ), являясь одной из ключевых стран Ближнего Востока с географической, политической, экономической и религиозной точек зрения, стремилась к лидерским позициям на Ближнем Востоке с момента образования республики в 1952 г., но для реализации масштабных планов ей была необходима опора на сильного внешнего союзника.

Еще в 1950-х гг. Египет начал налаживать отношения с американцами, понимая, что США были способны оказать ему весомую политическую и экономическую поддержку, поскольку наряду с СССР сменили Францию и Великобританию в роли ведущих мировых держав. Из-за неоднозначных настроений в Конгрессе Ва-

шингтон занял неопределенную позицию по отношению к Каиру. Тогда глава Египта Г.А. Насер, который стал президентом страны в 1954 г., решил выбрать в качестве внешнеполитического партнера СССР. В то же время политико-экономические контакты с США Египет полностью не прекращал.

Советско-египетская дружба окончилась в начале 1970-х гг., когда к власти в АРЕ пришел А. Садат. Он заложил новый экономический и политический курс так называемого инфитаха, или политики открытых дверей, который предполагал перевод Египта на капиталистические рельсы¹. В период правления А. Садата египетско-американские отношения переживали период небывалого расцвета.

Таким образом, к моменту прихода Х. Мубарака, имевшего не менее серьезные региональные амбиции, чем его предшественники, Египет накопил опыт сотрудничества с двумя крупнейшими державами мира. Этот факт поставил перед новым главой государства вопрос, делать ли основной упор на Вашингтон, к тому моменту главного союзника и партнера Каира, или же осваивать новые внешнеполитические пространства.

Безусловно, партнерство с США было выгодным для Египта в экономической и военной областях. За десятилетие, которое А. Садат находился у власти, благосостояние Египта улучшилось вдвое².

После начала в Египте политики «инфитаха» и по сей день Соединенные Штаты являются одним из его важнейших внешнеэкономических партнеров. В товарообороте между странами преобладают такие важные для экономического благополучия области, как энергетическая, техническая (включая военную технику) и пищевая.

Сотрудничество по военной линии всегда имело для сторон особое значение, поскольку Египет является стратегическим центром в беспокойном Ближнем Востоке. Каиру была важна военная поддержка Вашингтона, в то время как США рассчитывали, что в случае необходимости смогут перебросить свои войска на египетские территории.

В 1988 г. Египет получил статус союзника США в числе государств, которые не входят в НАТО. Это позволило ему пользоваться льготным экспортным контролем при закупке американской военной техники³. Со своей стороны, Египет предоставлял Соединенным Штатам облегченные условия для полета американских самолетов, военно-морской флот США имел льготы при прохождении через Суэцкий канал, являющийся важной стратегической артерией на пути к богатому нефтяными ресурсами Персидскому заливу. При Х. Мубараке Каир и Вашингтон регулярно проводи-

ли военные учения (например, совместные учения «Сверкающая звезда», которые осуществляются с 1981 г.), в США велась также подготовка египетских военных специалистов⁴.

Тесное и длительное сотрудничество Египта и США обеспечивала и американская экономическая помощь. В среднем Египет ежегодно получал от США около 2 млрд долл.⁵ Соединенные Штаты переводили в Египет миллиарды долларов даже в период правления Г.А. Насера, когда Египет был ориентирован на Советский Союз.

Наличие серьезного военно-экономического потенциала, которое Каиру обеспечивало партнерство с Вашингтоном, было важно для ведения борьбы за взрывоопасный Ближний Восток, но нельзя сказать, что сотрудничество с США однозначно приблизило Египет к лидерским позициям в регионе.

Египетско-американское сотрудничество всегда было ограничено интересами Израиля. Тель-Авив может напрямую влиять на политику Вашингтона через свое весьма представительное в Конгрессе еврейское лобби. Поэтому США никогда не позволяли Египту опередить Израиль с точки зрения закупок военной продукции. Экономическая помощь Вашингтона Каиру также была ограниченной и не увеличивалась со временем. В 1990-е гг. она не превышала среднего объема, который Египет получал с конца 1970-х гг.⁶

Подписанное при А. Садате мирное соглашение с Израилем 1979 г. при посредничестве США имело неоднозначные последствия для Египта⁷. С одной стороны, Египет смог проявить внешнеполитическую самостоятельность и подтвердить свой имидж сильного независимого государства, к которому он стремился. С другой стороны, арабские соседи посчитали, что Египет под влиянием США отныне будет преследовать интересы их главного регионального соперника – Израиля. В этой связи членство Египта в Лиге арабских государств (далее – ЛАГ) было заморожено. Египет, являясь одним из государств-основателей ЛАГ, попал в региональную изоляцию, что ставило под вопрос вес египетского слова в ближневосточных отношениях, а также затрудняло реализацию контактов с арабскими странами.

Объектом раздора в американо-египетских отношениях не раз становились конфликты на Ближнем Востоке (главным образом арабо-израильский конфликт), в которых интересы Каира и Вашингтона расходились.

Что касается палестино-израильского спора, то, с одной стороны, Египет поддерживал усилия США, направленные на мирное

разрешение конфликта. В частности, Каир был заинтересован в реализации плана «Дорожная карта», который был разработан в 2003 г. «четверкой» коопонсоров мирного процесса (ООН, ЕС, Россией и США) при участии Египта, Иордании и Саудовской Аравии⁸.

С другой стороны, в отличие от США, действующих на стороне израильтян, Х. Мубарак поддержал «братских» ему палестинцев и выступил за отвод израильских войск к границам 1967 г. и осуществление законного права палестинского народа на создание своего государства. Египет последовательно осуждал израильские вторжения в приграничные с ним арабские государства, убийства Израилем палестинских духовных лидеров.

Сложности и расхождения в отношениях между США и Египтом вызвали военные конфликты в Ираке (2003 г.), Ливии (2011 г.) и Сирии (с 2011 г.), в которых США принимали военное и дипломатическое участие. Х. Мубарак был заинтересован в стабильном Ближнем Востоке, от чего непосредственно зависели туристические и инвестиционные потоки, проходимость кораблей через Суэцкий канал. В этой связи Каир выступил против вмешательства Вашингтона во внутренние дела арабских государств. В частности осуждение Каира вызвала доктрина Буша, реализованная против Ирака в 2003 г. и заключающаяся в праве США наносить упреждающие удары в случае появления угрозы их национальной безопасности⁹.

Учитывая плюсы и минусы сотрудничества с Соединенными Штатами, президент Х. Мубарак первоначально продолжил курс своего предшественника и оставил Вашингтон своим главным союзником. На тот момент отказ от сотрудничества с США был бы несвоевременным, поскольку объективной альтернативы американцам не существовало. Однако в 1990-е гг. изменились политические реалии как на Ближнем Востоке, так и на мировой арене в целом. Это подтолкнуло Каир прокладывать новые векторы в своем внешнеполитическом пространстве.

В первую очередь Египет стал налаживать отношения с арабскими странами. К середине 1990-х гг. сложились наиболее удачные условия для перевода отношений с арабскими соседями на новый уровень в связи с подписанием египетско-израильского мирного соглашения. В 1993 г. Израиль и Организация освобождения Палестины подписали в Осло Декларацию о принципах, основанную на готовности сторон признать друг друга и разрешить конфликт путем переговоров¹⁰. В этом контексте Египет уже выглядел не предателем интересов арабских стран, а прогрессивным государством, первым из арабских стран сделавшим шаг к миру с Тель-Авивом.

Х. Мубарак всегда стремился расширить имеющиеся тесные экономические контакты с арабскими странами. Государства Персидского залива, получающие высокие доходы от нефтедобычи, могли бы стать альтернативой США в вопросе предоставления финансовой помощи. В 1998 г. вступило в силу соглашение об арабской зоне свободной торговли, одним из инициаторов подписания которого выступил Египет¹¹.

Немаловажным направлением внешней политики Египта стал Евросоюз. По мнению Х. Мубарака, опыт ЕС в создании наднациональных институтов мог бы быть полезен для заимствования арабскими странами. В 1995 г. Египет участвовал в Барселонской конференции, по итогам которой были выработаны пути развития сотрудничества между странами Евро-Средиземноморского региона¹².

Х. Мубарак видел в Евросоюзе, начало которому положило подписание Маастрихского договора в 1992 г., привлекательного партнера для Египта¹³. ЕС мог бы быть интересен Египту с точки зрения сотрудничества в области технологического развития, уровень которого в Европе достаточно высок.

В 2000-е гг. Евросоюз занимал первое место среди основных внешнеторговых партнеров Египта. С 2004 по 2011 г. взаимная торговля между Египтом и ЕС увеличилась более чем в два раза¹⁴. Х. Мубарак также небезосновательно рассчитывал, что Египет сможет укрепиться в европейских странах в качестве крупного экспортера сырья, так как по доказанным запасам природного газа Египет вошел в тройку лидеров среди африканских стран (2 трлн куб. м в 2011 г.)¹⁵.

Внимание Египта в 1990-е гг. привлекла Россия. В 1991 г. Советский Союз распался, и Россия как новый политический игрок и потенциальный экономический партнер стала представлять для Египта интерес, учитывая наличие исторической базы партнерства между странами, заложенной при Г.А. Насере.

Еще в 1990-е гг. АРЕ и РФ создали нормативно-правовую основу для двусторонних отношений. Важными областями российско-египетского сотрудничества являлись энергетика, туризм, продовольствие, военно-техническая сфера. По данным ОЭСР, из почти 15 млн туристов, отдохнувших в Египте в 2010 г., более 3 млн составляли россияне¹⁶. Каир превратился в крупнейшего импортера российской пшеницы. В 2010 г. Египет закупил около 14,3 млн т зерна, что составляло более 7 % от общего числа экспортируемой Россией пшеницы¹⁷.

Одним из основных векторов внешней политики Египта являлось африканское направление. Это было связано с возросшим ин-

тересом Х. Мубарака к интеграционным объединениям. С целью развития африканское направление своей внешней торговли Каир вступил в 1998 г. в Ассоциацию общего рынка Восточной и Южной Африки (далее – КОМЕСА). С 2000–2004 гг. египетский экспорт в страны КОМЕСА вырос почти в четыре раза¹⁸.

Африканское направление вызывало опасения Х. Мубарака с точки зрения вопроса распределения водных ресурсов реки Нил. Ряд африканских стран, которые наряду с Египтом используют воды этой реки, требовали пересмотра египетско-суданского договора 1959 г., закрепившего за Каиром привилегированное право на водозабор из Нила. Это обязывало Каир вступать в тесные контакты с африканскими партнерами.

Стоит также выделить и азиатское направление внешней политики Египта, в частности турецкое и китайское, которое представляет важность для Египта как с экономической, так и политической точки зрения.

Китай и Турция стали одними из основных египетских торговых партнеров, что было связано с увеличением темпов роста этих азиатских государств. К 2011 г. Китай занял третью строчку в списке крупнейших стран-импортеров из Египта, Турция – пятую. Из суммарного египетского экспорта на долю Китая и Турции приходилось примерно 9 и 5 % соответственно¹⁹.

Экономическое сотрудничество с Китаем было направлено на расширение египетского экспорта в эту крупнейшую азиатскую страну и увеличение поставок китайского вооружения. Египет был заинтересован в притоке инвестиций из Китая и рассчитывал перенимать накопленный китайский опыт в области экономических реформ. Каир также волновала политическая позиция Пекина по ближневосточному конфликту как одного из постоянных членов Совета Безопасности ООН.

Торговые связи с Турцией интересовали Египет, в частности, в вопросе экспорта египетского газа в Европу. В 2005 г. Турция и Египет подписали соглашение о свободной торговле²⁰. Налаживание политических контактов с Турцией, членом НАТО, было важным для Каира, конкурирующего с Анкарой за влияние на Ближний Восток. Серьезные опасения Египта вызвало подписание в 1996 г. турецко-израильского военного соглашения, в котором египетские власти видели попытку создания регионального союза²¹.

Итак, пытаясь составить противовес американо-египетскому партнерству, Египет эпохи Х. Мубарака начал активно осваивать новые и углублять старые направления сотрудничества на международном уровне. Вашингтон, безусловно, сохранил основополага-

ющую значимость для Каира, однако Х. Мубараку удалось расширить и разнообразить внешнеполитическое пространство страны. Это придало Египту большую самостоятельность на мировой арене, открыло перед страной новые возможности в области политико-экономического сотрудничества и способствовало повышению конкурентоспособности Египта в борьбе за лидерство на Ближнем Востоке.

Примечания

- ¹ См.: Ближний Восток: война и политика / Под ред. Г.Г. Исаева, А.А. Сотниченко. М.: Издат. дом Марджани, 2010. С. 50–51.
- ² См.: Maddison Project Database [Электронный ресурс] // University of Gronongen. Gronongen Growth and Development Centre. URL: http://www.ggdc.net/maddison/maddison-project/data/mpd_2013-01.xlsx (дата обращения: 21.08.2014).
- ³ См.: *Мамед-заде П.* Современная политика Египта: приоритеты и особенности. М.: МГИМО-Университет, 2007. С. 133.
- ⁴ См.: *Мамед-заде П.* Египет – США: развитие отношений в начале XXI в. // Современный исламский Восток и страны Запада. М.: Ин-т изучения Израиля и Ближнего Востока, 2004. С. 40.
- ⁵ См.: *Sharp J.M.* Egypt: The January 25 Revolution and Implications for U. S. Foreign policy. Washington, DC, 2011. P. 23.
- ⁶ Ibid.
- ⁷ См.: Treaty of Peace Between Israel and Egypt. March 26, 1979 [Электронный ресурс] // Israel Ministry of Foreign Affairs. URL: <http://www.mfa.gov.il/mfa/foreignpolicy/peace/guide/pages/israel-egypt%20peace%20treaty.aspx> (дата обращения: 21.08.2014).
- ⁸ См.: «Дорожная карта» урегулирования палестино-израильского конфликта. Опубликована Государственным департаментом США 30 апреля 2003 г. // Программы урегулирования палестино-израильского конфликта: три года после переговоров в Кемп-Дэвиде и Табе. М.: Ин-т изучения Израиля и Ближнего Востока, 2004. С. 64.
- ⁹ См.: *Мамед-заде П.* Египет – США... С. 29.
- ¹⁰ См.: Text: 1993 Declaration of Principles [Электронный ресурс] // BBC. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/in_depth/middle_east/israel_and_the_palestinians/key_documents/1682727.stm (дата обращения: 21.08.2014).
- ¹¹ См.: *Мамед-заде П.* Современная политика Египта... С. 130.
- ¹² Там же. С. 134.
- ¹³ См.: EU Treaties. Treaty on European Union – Maastricht Treaty. February 7, 1992 [Электронный ресурс] // European Union. URL: <http://europa.eu/about->

eu/basic-information/decision-making/treaties/index_en.htm (дата обращения: 22.08.2014).

- ¹⁴ См.: Egyptian Foreign Trade With EU [Электронный ресурс] // Ministry of Industry & Trade & SMEs. Egyptian International Trade Point. URL: http://www.tregypt.gov.eg/Statistics/Egyptian_EU.pdf (дата обращения: 02.05.2014).
- ¹⁵ См.: Egypt. Country Analysis Brief Overview [Электронный ресурс] // U.S. Energy Information Administration. URL: <http://www.eia.gov/countries/country-data.cfm?fips=EG&trk=m> (дата обращения: 02.05.2014).
- ¹⁶ См.: Аш-Шарк аль-аусат. 20.08.2013 [Электронный ресурс] // HH Saudi Research & Marketing LTD. URL: http://classic.aawsat.com/details.asp?section=6&article=740379&issueno=12682#.U_ti_bmIp9A (дата обращения: 23.08.2014).
- ¹⁷ См.: Food and Agriculture Organization of the United Nations [Электронный ресурс]. URL: <http://faostat3.fao.org/home/index.html#DOWNLOAD> (дата обращения: 23.08.2014).
- ¹⁸ См.: *Мамед-заде П.* Современная политика Египта... С. 136.
- ¹⁹ См.: Египт [Электронный ресурс] // World Trade Organization. URL: http://webservices.wto.org/resources/profiles/TP/ZZ/2011/EG_e.pdf (дата обращения: 24.08.2014); International Trade and Market Access Data [Электронный ресурс] // Ibid. URL: http://www.wto.org/english/res_e/statis_e/statis_bis_e.htm?solution=WTO&path=/Dashboards/MAPS&file=Map.wcdf&bookmarkState (дата обращения: 24.08.2014).
- ²⁰ См.: *Мамед-заде П.* Современная политика Египта... С. 138.
- ²¹ Там же. С. 137.

Abstracts

E. Barysheva

CONSTRUCTING POLITICAL SPACE IN THE SOVIET CITY OF 1920–1930-IES

The article highlights the role of architecture of 1920–1930-ies in constructing political space of the Soviet city. The author considers visual space of the Soviet city of the 1920–1930-ies as a means of power legitimation, representation, and propaganda of itself and its vision of past, present, and future. Projecting and constructing broad parade squares and highways, big public buildings and high architectural ensembles were devoted to prove an ideological privilege of the socialist system.

Key words: political space, city, “new individual”, architecture, reconstruction, mass events, demonstration, square, representation of power, monumental architecture.

A. Burova

“THE MUSLIM BROTHERHOOD” AND “THE FREE OFFICERS” IN EGYPT: BETWEEN COOPERATION AND CONFRONTATION

The article considers the relationship of two major forces in Egyptian politics in the middle of the XX century, in particular to the development of conflict between “The Free Officers” and “The Muslim Brotherhood”.

Key words: Egypt, Nasser, army, Islam, “The Free Officers”, “The Muslim Brotherhood”.

Yu. Irkhin

SPATIAL-TEMPORAL AREA OF CONFUCIAN
CIVILIZATION: WHERE ARE THE PROJECT LIMITS?

The article analyses the spatial-temporal area of Confucian civilization, its cultural, economic, social, ethnic, ethic and political values of the People's Republic of China (PRC) along with the other Confucian countries of the Far East. The author considers the genesis, modern potential and achievements of the PRC. The article researches the modern model of governance and development of the PRC as the civilization-state, its concerns, advantages and perspectives. The author analyses the strategic projecting of the PRC as well as its geopolitics, and the contemporary and future significance.

Key words: spatial-temporal area, Confucian civilization, Confucian values, geopolitics, nation, state, projecting, geopolitics.

A. Kalashnikova

EGYPT UNDER HOSNI MUBARAK:
DISCOVERING THE NEW FOREIGN AREAS

The article analyzes the Egyptian-U.S. relations under Hosni Mubarak. Since the establishment of the republic in Egypt, the country has been striving to dominate in the Middle East. As Cairo lacked its own finances, the country needed support from the outside. Historically, the United States used to provide Egypt with the most valuable help. However, under the leadership of Hosni Mubarak Egypt has begun discovering alter foreign areas.

Key words: Mubarak, Egypt, USA, foreign areas.

S. Knyazeva

FORGOTTEN LETTER FROM THE COLD WAR:
THE POLITICAL TESTAMENT
OF THE ITALIAN COMMUNIST

This article deals with the analysis of Togliatti's Memorandum – political testament of Italian Communist leader. The leader has defined as its main objective the process of overcoming the split within the international

communistic movement with the geopolitical conflict of the USSR and the People's Republic of China under the circumstances of a new round of the Cold War. The special attention is paid to research models and mechanisms and ways of conflict resolution during their most acute stage.

Key words: Palmiro Togliatti, Memorandum, Eurocommunism, Cold War, conflicts.

P. Koshkin

THE EVOLUTION OF RUSSIA'S IMAGE IN "THE NEW YORK TIMES" EDITORIALS IN 2010–2013: QUALITATIVE ANALYSIS OF THE COLUMNS

The article deals with the trends in covering the events in Russia and the change of its image in "The New York Times" editorials for the four-year period – from January 1, 2010 to December 31, 2013. Using "The New York Times" articles as an example the author shows how the perception of Russia has changed in the US mass media in historical perspective in order to identify the major factors that contributed to the formation of the image of the country.

Key words: American columnism, Russian-American relations, content analysis, "The New York Times", editorials.

E. Melkumyan

IRANO-ARAB CONCURRENCE IN THE MIDDLE EAST AND PERSIAN GULF

The article analyses the relationship between Iran and the Arab states after a new Iranian president Hassan Rouhani, who is seeking to develop Arab-Iranian cooperation, came to power. The author also considers the history of their relations and the main contradictions between them and in particular – the policy of different Arab states towards the Iranian initiative to normalize Arab-Iranian relationship and their mutually beneficial cooperation. The author also analyses the factors that influence the concurrence between Iran and Saudi Arabia. They have always been the traditional rivalries for the leading positions in the Persian Gulf and the Middle East.

Key words: Iran, Arab states, concurrence, territorial conflict, Syrian crisis, Iraq, Saudi Arabia.

E. Osipova

MARKETING EXPANSION IN THE SPACE OF POLITICAL

The article is devoted to the analyses of one of the modern trends – the invasion of marketing in all spheres of human activity, including the sphere of politics. The author examines the manifestations of marketing expansion in the political space, social contradictions that arise due to this expansion and the threats to the existence of political space and the development of democratic institutions.

Key words: political space, marketization, political marketing, democracy.

V. Pilyagina

POSTMODERNISM CULTURAL VALUES IN THE CONTEMPORARY POLITICAL ENVIRONMENT: THEORETICAL ASPECT

The article considers postmodernism as a set of socio-cultural changes, which reflect the shift in basic values of the people who belong to industrial and postindustrial societies. Cultural changes associated with the postmodern values make it possible to determine the trends in deploying modern political transformations. The author analyses the differences of postmodern approaches to the basic foundations of constructing senses in the socio-cultural and political space.

Key words: modern, postmodern, postmodernism, post-material values, cultural values, post-industrial society, political space.

E. Sergeev

CURZON'S ULTIMATUM TO THE SOVIET RUSSIA IN 1923: NEW INTERPRETATION

The article is devoted to the activity of the British Foreign Secretary Lord George Nathaniel Curzon in the critical phase of the Soviet-British relations during spring and summer of 1923, when official London addressed to Moscow with an ultimatum, and the two states found themselves on the brink of a full-scale armed conflict.

Key words: Soviet-British relations, British and Soviet foreign policy, Lord Curzon's diplomatic activity.

N. Shatina, I. Shatin

THE POLITICAL SPACE OF THE RUSSIAN SEGMENT
OF THE SOCIAL NETWORK FACEBOOK

The article analyses the political space of the Russian-speaking segment of the social network Facebook. The authors consider the model of social cohesion in the Network (network of friendship and group communication), along with the nature and quality of virtual political events that formulate the information and communication agenda of the Network users.

Key words: political space, virtual communication, social network, Facebook.

K. Solovyov

THE RUSYNS OF AUSTRIA-HUNGARY
AND THE RUSSIAN SOCIETY: DISCUSSION
ON THE WAYS OF POLITICAL NATION BUILDING
IN “CARPATHIAN RUS” IN RUSSIAN PRESS IN THE SECOND
HALF OF 19TH AND EARLY 20TH CENTURIES

The article focuses on the ideal project of political nation building among the Austrian and Hungarian Rusyns which was constructed during the discussion in the Russian press in the second half of 19th and early 20th centuries. It is concluded that although the main idea of the project – the preservation of any links between Rusyns and Russians – remained invariable some of its aspects changed remarkably. Firstly, the circle of possible alternatives extended. The threats of polonization in Galicia and magyarization in Hungary were added by the threat of ukrainization in Galicia and Bukovina. Secondly, by the early 20th century the entire national unity of Rusyns and Russians (and not only closeness) had been asserted. Thirdly, the quantity of national self-identification factors increased. If in the 1860s these were only language and religion, in the early 20th century these were also schools, activity of intellectuals and social institutes. This reflects the transition to a new stage of political nation building.

Key words: Austria-Hungary, Carpathian Rus', Rusyns, political nation, ukrainophilism and russophilism, Russian nationalism.

A. Zverev, S. Akhmaturova

OPTICS PERCEPTION CONTEMPORARY
RUSSIAN POLITICS

This article analyses the characteristic features of the public perception of contemporary Russian politics. The authors consider the key features of individual perception of political institutions and the available images of power and state in Russia. The article also focuses on the personificative model of social perception of contemporary Russian political space. The authors offer a comparative analysis of available images of power and opposition in the optical perception of society defining the reasons for the opposition being of poor demand in the contemporary Russian political landscape.

Key words: political perception, political institution, personification, political power, political opposition, political values.

Сведения об авторах

Ахматнурова Светлана Фаатовна – аспирант кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова, shambala384@ya.ru

Барышева Елена Владимировна – кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой истории и теории исторической науки факультета истории, политологии и права РГГУ, ebarysheva@yandex.ru

Бурова Анна Николаевна – аспирант кафедры современного Востока факультета истории, политологии и права РГГУ, burovadenjak@mail.ru

Зверев Андрей Леонидович – кандидат политических наук, доцент кафедры социальных коммуникаций и технологий факультета истории, политологии и права РГГУ, zveandr@mail.ru

Ирхин Юрий Васильевич – доктор философских наук, профессор кафедры теоретической и прикладной политологии факультета истории, политологии и права РГГУ; профессор РАНХиГС при Президенте РФ; академик Академии гуманитарных наук РФ, irkhine@mail.ru

Калашникова Алиса Владиславовна – аспирант кафедры современного Востока факультета истории, политологии и права РГГУ, al-kalashnikova@yandex.ru

Князева Светлана Евгеньевна – кандидат исторических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики ИАИ РГГУ, lanaknyazeva@yahoo.it

Кошкин Павел Геннадьевич – аспирант факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, pasha_koshkin@mail.ru

Мелкумян Елена Суреновна – доктор политических наук, профессор кафедры современного Востока факультета истории, политологии и права РГГУ, g.kosach@mail.ru

Осипова Елена Анатольевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры журналистики, социальной рекламы и связей с общественностью Российского государственного социального университета, prconsult@list.ru

Пилягина Вера Александровна – аспирант кафедры теоретической и прикладной политологии факультета истории, политологии и права РГГУ, vera_pilyagina@mail.ru

Сергеев Евгений Юрьевич – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель Центра «XX век: социально-политические и экономические проблемы» Института всеобщей истории РАН; профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики Историко-архивного института РГГУ, eugene.sergeev59@gmail.com

Соловьев Кирилл Андреевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики Историко-архивного института РГГУ, kirsolnat@mail.ru

Шатин Илья Михайлович – кандидат политических наук, PR-специалист, НПО «Общественный вердикт», elijah.shatin@gmail.com

Шатина Наталья Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры социальных коммуникаций и технологий факультета истории, политологии и права РГГУ, nat-shatina@yandex.ru

General data about the authors

Akhmatnurova Svetlana F. – postgraduate student, Department of Sociology and Psychology of Politics, Faculty of Political Sciences, Lomonosov Moscow State University, shambala384@ya.ru

Barysheva Elena V. – Ph.D. in History, associate professor, head, Department of History and Theory of Historical Science, Faculty of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities, ebarysheva@yandex.ru

Burova Anna N. – postgraduate student, Department of Modern East, Faculty of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities, burova-denjak@mail.ru

Irkhin Yuriy V. – Dr. in Philosophy, professor, Department of Theoretical and Applied Political Science, Faculty of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities; professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; academician, Russian Liberal Arts Academy, irkhine@mail.ru

Kalashnikova Alisa V. – postgraduate student, Department of Modern East, Faculty of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities, al-kalashnikova@yandex.ru

Knyazeva Svetlana E. – Ph.D. in History, professor, Department of Area Studies and Foreign Policy, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, lanaknyazeva@yahoo.it

Koshkin Pavel G. – postgraduate student, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, pasha_koshkin@mail.ru

Melkumyan Elena S. – Dr. in Politics, professor, Department of Modern East, Faculty of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities, g.kosach@mail.ru

Osipova Elena A. – Dr. in Philosophy, associate professor, professor, Department of Journalism, Social Advertising and Public Relations, Russian State Social University, prconsult@list.ru

Pilyagina Vera A. – postgraduate student, Department of Theoretical and Applied Political Science, Faculty of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities, vera_pilyagina@mail.ru.

Sergeev Evgeny Y. – Dr. in History, professor, chief researcher, head, Centre “The Twentieth Century: Socio-Political and Economic Problems”, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences; professor, Department of Area Studies and Foreign Policy, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, eugene.sergeev59@gmail.com

Shatin Ilya M. – Ph.D. in Politics, PR-specialist, Public Verdict Foundation, elijah.shatin@gmail.com

Shatina Natalia V. – Ph.D. in History, associate professor, Department of Social Communications and Technologies, Faculty of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities, nat-shatina@yandex.ru

Solovyov Kirill A. – Ph.D. in History, senior lecturer, Department of Area Studies and Foreign Policy, Institute for History and Archives, Russian State University for Humanities, kirsolnat@mail.ru

Zverev Andrey L. – Ph.D. in Politics, associate professor, Department of Social Communications and Technologies, Faculty of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities, zveandr@mail.ru

Заведующая редакцией *И.В. Лебедева*

Художник *В.В. Сурков*

Художник номера *В.Н. Хотеев*

Корректор *Н.К. Егорова*

Компьютерная верстка *Е.Б. Рагузина*

Формат 60×90¹/₁₆
Усл. печ. л. 10,3. Уч.-изд. л. 10,8.
Тираж 1050 экз. Заказ № 44

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rgggu.ru
www.knigirgggu.ru

